

АЛИШЕР НАВОИ

ХАМСА

Прозаическое переложение

Ташкент
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия»
1985

Под общей редакцией доктора филологических наук
А. П. КАЮМОВА

Художник Б. ДЖАЛАЛОВ — лауреат Государственной премии
СССР и премии Ленинского комсомола Узбекистана.

Навои Алишер.

Н 15 Хамса («Пятерица»). Прозаическое переложение/Под общ. ред. А. П. Каюмова. Худож. Б. Джалалов/.— Т.: Ёш гвардия, 1985.—144 с.

500 лет назад, в 1485 году, классик узбекской литературы, великий поэт Алишер Навои завершил свое бессмертное произведение «Хамса» («Пятерица»). Этой знаменательной для всей многонациональной советской литературы дате и посвящено настоящее издание — прозаическое переложение для юношества свода поэм «Хамса». Самоотверженность героев, величие их духа и помыслов, борьба за справедливость — основное содержание «Пятерицы».

Уз1

4702570100—134
Н $\frac{\quad}{356 (04) — 85}$ 62—85

© Издательство «Ёш гвардия», 1985 г.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

В 1985 году исполняется 500 лет с той поры, когда Алишер Навои завершил свой грандиозный труд — «Пятерицу», свод пяти поэм.

Время, когда жил и творил Навои, было одним из наиболее сложных периодов в истории Средней Азии. Это было время, когда сказались последствия создания и распада великой империи кровавого Тимура. С одной стороны, это была пора жестоких междоусобных войн и интриг между наследниками Тимура, пора соперничества различных групп феодальной знати и мусульманского духовенства. И междоусобицы эти, в первую очередь, пагубно отражались на положении трудового народа.

С другой стороны, это была эпоха наивысшего расцвета культуры, ставшего следствием сосредоточения наиболее одаренных людей государства в двух городах — Самарканде и Герате. Эта эпоха и дала миру Алишера Навои.

Великий поэт, основоположник узбекского литературного языка и узбекской литературы, выдающийся государственный деятель своего времени Алишер Навои (1441—1501) был необычайно плодотворным автором. Его перу принадлежит пять рукописных диванов (сборников стихов), четыре из которых написаны на узбекском языке (с общим названием «Сокровищница мыслей»), а один — на персидском, шесть эпических поэм, множество научных и дидактических трудов в прозе.

В своей политической деятельности Навои не утомимо стремился облегчить страдания трудового народа, благоустроить свой край, повлиять на тех, от кого зависела судьба простых людей. Навои жил в полном согласии со своими убеж-

денями, которые неустанно пропагандировал в своем творчестве. Ему чужды были честолюбие и интриганство, он был советчик и примиритель, его активность смягчалась мудростью и глубоким проникновением в несовершенство и много-сложность человеческой природы, а его слава, его опытность, его бескорыстие и личная безупречность давали ему немаловажную и большую моральную власть. В «Пятерице» Навои выразил свои убеждения и идеалы, свой богатый жизненный опыт. В ней он воспел самоотверженную земную любовь. Книга эта издавалась и переиздавалась и на узбекском, и на русском, и на многих других языках.

Читателя не должно вводить в заблуждение, что герои Навои легко преодолевают большие расстояния и языковые барьеры, которые для героев будто бы и не существуют. Навои и сам не бывал в тех краях, где обитают его герои. За исключением «Стены Искандара», в которой поэт придерживается хроник своего времени, путешествия его героев вымышлены таким образом, что создают впечатление глобальности всего происходящего. Поэт чувствовал себя частицей всего огромного мира, он, по наставлению своего учителя, великого персидского поэта Абдурахмана Джамии, путешествовал мысленно, не покидая рубежей своего края. Отправляя своих героев в дальние страны, Навои и сам проникает туда. Поэтому описания пейзажа у него условны, как условны и национальные различия героев. Напрасны были бы попытки искать национальный колорит в пейзажах, в обликах героев, в укладе быта тех стран, куда попадают герои. Литература того периода не ставила перед собой подобных задач.

Герои Навои идеальны, сама их исключительность говорит об этом. Главная миссия, возлагаемая на них поэтом,— быть рупором его идей. А идеи Навои возвышенны и благородны, глубоко гуманистичны — это и идея справедливого правителя, образованного и гуманного, это и возвеличивание земной, человеческой любви, это и требование самоусовершенствования. Позиция Навои — довольствоваться малым, воздерживать-

ваться от излишнего, разумно ограничивая потребности. Поэт проводит эту мысль ненавязчиво, мудрыми притчами он убеждает читателя, что личное человеческое достоинство важнее, чем богатство и власть.

Правда, Навои обращался тогда к верхушке общества, безжалостно обирающей народ для того, чтобы купаться в роскоши. Слабые души чрезмерно дорожили своим благополучием и потому оказывались рабами сильных мира сего. Так и сейчас тот, кто гонится за накопительством все больших материальных благ, становится рабом денег и часто ради этого предает высшие духовные ценности. Только те, кто кормились плодами своих трудов или сознательно ограничивали свои потребности, не трепетали перед царями и жили так, как велела им совесть. И Навои считает, что они выше царей.

Удивительно современно звучат у Навои мысли о войне. Устами мудреца поэт говорит, что войны противны человеческой природе, потому что несут неисчислимые страдания и тяготы для народа. Но не всегда правитель может воздержаться от войны. Если враг агрессивен и не внемлет голосу разума, нужно дать ему достойный отпор и обнажить меч, чтобы защитить свою страну. Но если правитель уверен в превосходстве своих сил, не нужно спешить развязывать бойню, нужно попытаться еще и еще раз мирно разрешить спорный вопрос.

Поистине верно, что великие книги не умирают. Минуло пять веков, как была создана «Пятерица», а нам и сейчас есть чему поучиться у поэта.

Но язык классической поэзии труден для восприятия современного человека, а подростку он обычно просто недоступен. Между тем хотелось бы, чтобы великие творения прошлого, хотя бы и в несколько упрощенном виде, становились достоянием юных душ. Ведь именно в юности закладывается фундамент мировоззрения человека, формируются его этические взгляды, а поэмы Навои дают для этого богатую пищу. Так возникла идея настоящего издания, а опыт подобных обработок классики в советской дет-

ской литературе накоплен значительный. Используя этот опыт по мере своих возможностей, авторы пересказа стремились к простоте и ясности изложения, одновременно стараясь сохранить смысл и дух оригинала, романтичность и величавость слога Навои, а главное — те идеи, которые он выдвигал. Насколько это удалось — судить другим.

*Л. СЕРИКОВА,
кандидат филологических наук.*

СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ

**Первое
смятение**

Заря пришла. Залели всюду птицы. Вершины гор, как золотые пики, с бегущей ночью смело расправлялись. Бежала ночь, следы ее созвездий все больше меркли — так павлин бежит и хвост его в тумане исчезает...

И человек открыл свои глаза. И полной грудью ветер он вдохнул, как жизнь вдыхают. Ничего не ведал тот человек ни в мире, ни в себе, ни прошлых лет не зная, ни грядущих.

И стал он изучать все тайны мира, но чем он больше дней, недель и лет так познавал разгадку мироздания, тем дальше отдалялся от нее. Все было трудно робкому уму, и наконец, надежду потеряв, он руки опустил.

Но в этот миг услышал голос оп. Тот голос говорил ему: «Вставай! И обойди престо́ры мироздания. И посмотри на чудеса Творца».

Он встал, пошел. И вдруг увидел сад. Сад радостей земных, где кипарисы, как струны неба, звуком ввысь летят, где их остаться тополь умоляет и шепчет каждым листиком своим. Там ветерок с возлюбленной чинарой так любят, что даже злая осень из их любви звезды высекает. Там ива над любовью этой плачет, и ветви, словно слезы, в пруд стекают, и лилии — цветы воспоминанья — забыть любовь чужую не дают.

Там соловей поет свои рулады, и каждая рулада лепестком ложится на шипы, а сверху слезы. Змея стеблей нацелена шипами. О роза, о росинка соловья!

Павлин, чей хвост клубится кипарисом, хмельной, шатаясь, мнет собой цветы. Тюльпан, игрок азартный, все росинки, у розы выиграв, накопил в себе.

И гром гремит, и молния сверкает. И свежий воздух, оживляя мертвых, несет в себе дух от Исы-пророка. Земля нежнее райского цветка...

И тот, кто это все сумел увидеть, в глубоком изумлении стоял. Куда бы ни смотрел он — всюду видел неисчерпаемость чудес и тайн. Но, как и прежде, самой главной нити событий и явлений он не видел и понимал со смутною тревогой, что на пороге бездны ли, безумья стоит он...

И он прозрел, что этот дивный сад — прообраз мира и что есть у сада садовник свой, который мудрым сердцем растения питает в том саду. И человек в смятении сказал:

«И мне дивиться саду бесполезно, стремясь его понять. Но сердцем чуютъ всю красоту его — вот это правда!»

И правда та глаза ему раскрыла.

И сад запел. Деревья пели, птицы, и сердце пело, слава эту жизнь. Затем запели ветер и вода. Смолк человек, и все на свете пело. И в самой высшей точке удивленья неистово он вскрикнул пораженный, и снова смолк среди ненастья стонов. А жизнь текла... И песня все звучала...

**Второе
смятение**

День скрылся за горами, ночь пришла. Красавица Хотана лик свой скрыла. И ветерок стал мускус посыпать на землю, разнеслось благоуханье.

Страницы сада с запахом нарцисса, перелистав, закрыл последний ветер. И облетели все цветы. Лишь звезды жасминами раскрылись в небесах.

Да, солнце как красавица из Чина. Лик отвернув, все косы распустила и мускусом посыпала их смоль. От аромата кос вмиг почернели ручки, как будто косы, извиваясь. И небо, заглядысь на них, уснуло. Уселся луны под белым покрывалом. Вокруг него, пища, плеча плащами, нетопыри летали. Скорбный филин летел к Луне и, как на бубне, бухал. Вокруг травы кружились дружно розы, как звезды вокруг луны. И в этот вечер был человек ста трудностям подвержен. И дивным было каждое сомненье. Судьба его же, клоуну подобна, являла дива каждое мгновенье. И небо ширмой было той судьбе. И звезды, как серебряные куклы, над ширмой появлялись и плясали, и Млечный Путь, как белая тропинка, взгляд уводил за грань судьбы небес. Под сводом мироздания сверкали не буквы — указательные знаки, ведущие в те цветники, в которых цветут созвездья — не соцветья — роз.

И птица духа, в воздухе играя, оставила свою земную плоть и ринулась в просторы этой ночи. Дух человека землю облетал по первому из всех семи небес¹, где одиноко царствует Луна, где звезды — словно мириады слов, Луне поющих славу. А она — душа в пустынной хижине, высокой, перед свечой, безмолвна, смятена...

Душа взлетела в сад второго неба, в сад Утарида, где нашла она красавицу, чьи брови — черный лук, а взгляд —

¹ По мусульманской мифологии семью небесами владеют: Луна, Утарид-Меркурий — покровитель поэтов и людей искусства, Зухра-Венера — покровительница писателей. Солнце, Миррих-Марс — покровитель воинов, Муштарк-Юпитер, Зухал-Сатурн.

стрела. Но что-то в той красавице двоилось, как будто бы соседствовали в ней и юность и мерцающая старость. Не так ли сквозь лицо Луны ее ушербность тихо проступает?.. В руках красавицы, которая была сама напевом, кравчим, музыкантом, чашеподобная согнулась арфа. Вот отчего та двойственность была, вот отчего мелодия лилась, а вместе с ней неизлечимость стонов, поющих ей в своем страданьи славу...

И в третий круг небес душа взошла, к Зухре, к султанше мудрой и прелестной. Зухра писала, нет, она, казалось, нанизывала жемчуга на нити. И черные чернила черной ночи сияли светом просветленных мыслей и восславляли истину...

И дух тогда переместился выше, в пределы Солнца. Там оно сверкало в надоблачной тиши, как сто зеркал, что отражали дух, его исток. Оно казалось птицей. И размах ее гигантских крыльев достигал всех уголков вселенной. И потоки струились вслед за крыльями, подобно тем языкам, что славили творца...

И на пути своем увидел дух тот круг, где сам воинственный Миррих стоял с копьем. Кометы он метал, как раскаленные куски металла, и те летели, хвост свой распуская, и месть, и гнев неся на острие. При нем и месяц — черепом казался, и череп тот используя как чашу, он прикивал к кровавым винам ада и все же всемогущему во славу...

И перенесся дух к звезде счастливой, к прекрасной Муштари, чей ровный свет, лишенный перепадов, ровно светит, как совершенство. И в ее владеньях ни тьма, ни зло, но лишь покой...

И вот тогда душа вошла в питейный дом к Кейвану, где он — индус, угрюм, сосредоточен, в углу сидит. Он ищет просветленья в надмирной высоте, бежав от мира с его тщетой и суетой...

Так дух прошел все семь небес и видел всюду, как над землей, красуясь, эти звезды поют мелодию людского сердца и славят сотворителя всего...

И дух-скиталец высшее постиг, ступив туда, где все кончались сферы и вера без служителей сияла, как то, что от людей утаено. То, что земному слову неподвластно, то, что зовется разве откровеньем, явилось духу, и душа склонилась, смятением своим потрясена, что впала вновь в беспамятство она...

**Третье
смятение**

И солнце, снова оседлав коня, пустилось по просторам бела дня. А странник-дух тем временем дремал, и, лишь когда полдневный жар коснулся его, как пламя из ноздрей коня, дух содрогнулся и лишился сна. Его бросало в жар, нет, жар томился, как будто бы дух странствий бился в нем, ни выхода не зная, ни исхода...

И дух опять пустился в трудный путь, презрев покой. Среди земных просторов нашел он наконец тот дивный город — пристанище себе.

Тот город на двух столпах стоит, и даже ходит. И четыре перла вложил Строитель в этот дивный город. Огонь и дух — как высшие две силы, и прах с водой вдобавок к силам тем. В том городе дома, дворцы, мечети, сад и базар, и даже — харабат¹. К его садам несутся живоотно рек кровеносных голубые русла. И выше всех, конечно же, престол, где восседает шах. Когда он болен — больно и государство, а здоров он — то в государстве ясность и порядок.

Престол в дворце, дворец великолепен, высокий свод, подобный небосводу, где все предназначения; затем врата, за ними же с порога ряд перлов, обрамленные рубином. В ворота эти вносятся и яства, и пища, и питье для пропитанья всего дворца. Внизу два черных хода для сброса всех ненужностей. А сверху над воротами два еще оконца там во дворец всё гонят свежий воздух. Два звукоуловителя дворцовых внимают голосам своей страны.

У шаха мудрый визирь, что взирает на мир. Тот визирь охраняет трон во имя справедливости. И с ним пять несусыпных стражей. Каждый стражник свой охраняет пост. Один из них увидеть должен, а второй — услышать, не мыслит ли прокрасться к трону враг. А третий все следит за кухней шаха, все пробует на вкус: а вдруг — отравка. Четвертый различает всякий запах, а пятый чует холод и жару. Их клички: зренья, слух, вкус, обонянье и осязанье. С их помощью весь мир быть может познан. Кто знает их — тот знает и об этом.

И пятеро дворцовых этих слуг, до сути своих знаний добираясь, что узнают в дворце, то и мгновенно, как заработок, в ту казну несут, где казначеем визирь сам, тот

¹ Харабат — дословно «развалины». Ислам запрещал пить вино, и язычники, торговавшие вином, устраивали питейные дома в развалинах за городом. Свободомыслящие люди ходили туда развлекаться.

Разум. В прислугах у него еще вдобавок два казначея: и мечта, и память, два сторожа всех кладезей несметных. И все, что нужно, мигом под рукою находит визирь. И затем, как должно, докладывает все царю. Царь правит всей державой, зная обо всем.

Увидел дух в смятении своем, как этот город отразил собою весь мир. Так в капле зреет океан, чьи волны лишь в безумье повергают. И охватил его еще огонь, огонь смятенья перед высшим смыслом всего живого, и вошел он в город, чтобы навечно поселиться в нем. Так стал он — дух — душою государства, которое зовется Человеком.

Так он постиг ту мысль, что в нем живет: «Себя познавший — Вечность познает!»

**Рассказ
о султани
и старухе**

Султан Гази в то время воевал за трон. С ним вместе сотня или двести вернейших воинов скиталось по степям, идя то до Хорезма, то — Адака. Их стрелы в кровь сердца своих врагов, мечи же — в ветер главы превращали.

Так он всходил на вожделенный трон, так стал царем по божьему велению. Страною справедливо правил он. Возвел дворцы взамен руин. Исчезли ложь, клевета и зло в его правленье; лишь справедливость правила страной.

В один из дней он объезжал свой город. И вдруг в пути какая-то старуха его схватила за подол халата и застенала на весь белый свет: «О ты, мой шах, опора шариата! Коль впрямь по шариату нас рассудят, готова я идти к судье с тобою и там с тобой судиться, только там».

Ответил шах: «Коль ты запросишь душу — отдам и душу, если я виновен, так шариат велит нам».

С этой речью, они к судье направились вдвоем. Они воссели друг напротив друга; вокруг обоих люди волновались; и эти двое, словно Заль с Рустамом, людей собой как будто привлекали.

Воскликнула старуха: «О судья! Когда султан скитался по степям с войсками, на врагов их направляя, был у меня, вдовы, один лишь сын, один лишь колос на моей стерне. Один лишь кипарис в моем саду, вернее, плод среди засохших веток. И этот плод отсек мечом султан. Пал кипарис, и колос был скошен. Так пролилась моя на землю кровь, кровинушка, сынок мой...»

И тогда судья спросил: «А есть ли кто свидетель? Для верного решения — даже двое?»

Ответила старуха: «Здесь они. Но если честность им

всего превыше». И указала на двоих она. Не дожидаясь их свидетельств, царь покаялся в своей вине, признался. И вынес приговор тогда судья об откупе или же кровной мести.

И царь сказал: «Коль шарият велит, то ради повеления пророка готов я даже жизнь свою отдать».

Он горло обвязал себе платком, кошель опустошил, затем без страха старухе меч свой протянул. И деньги он положил с ней рядом. А затем сказал: «Для мести голову кладу, а откупом — серебряные деньги. Когда велел я твоего дитяню убить — иного выхода не знал. Теперь что хочешь, то и делай ты, твоя ведь воля!» И слова султана, вдруг лезвие меча, что был протянут, потупили, как и старушки очи.

Она, прося прощения, упала к его ногам: «О благородный царь! Коль сын мой на пути твоём повержен, то я, старуха, жизнь отдать готова за то, что я заставила страдать тебя сейчас... Прости меня, прости...»

О, что за небывалое смятенье! О, что за благородство и добро! Старуха отреклась от притязаний, от кровной мести, от себя самой. И, дивно, царь ее добром осыпал. От серебра, как от созвездий — небо, старуха расцвела, помолодела. И звали люди «Золотой старухой» ее, чьим сыном стал теперь султан.

**Рассказ
о Хатаме
Тайском**

Не было еще на свете людей щедрее Хатама Тайского. И, славя его щедроты, некий человек спросил: «О славный человек, я прожил много

лет и до сих пор не знаю, есть ли тебе равные?»

Хатам ответил так:

«Однажды всех людей своей степной округи созвал на пир я. Множество баранов зарезал, стол от всяких яств ломился. И тогда мне стало душно вдруг. Я вышел в степь, чтоб надышаться вволю. Там, в степи, среди пустых песков я встретил старика. Он нес вязанку, ничего не видя, кроме своих ступней, худых, как сучья. От худобы он сам сучком казался. Вязанка, как свалившийся шалаш, его к земле клонила, как былинку, и он вот-вот сломаться должен был. Но шел и шел он, часто отдыхая.

Я был взволнован видом этих мук. И обратился к старику чуть слышно, когда остановился он на миг. Ему сказал я: «Непосильной ношей тебя с судьбой испытывает небо, которое гору таких печалей взвалило на тебя, на

старика». Затем сказал я: «Разве ты не слышал, что где-то здесь, в твоей степной округе, Хатам остановился? Тот Хатам из Тая, что самый щедрый в мире человек. Он пир созвал, и там сейчас все люди, все земляки твои и чужестранцы, и стар, и млад. Так сбрось же эту ношу. Почтения к себе и ты отведай. Идем со мной, идем со мной скорее...»

Старик мое смятение увидал и усмехнулся. Пот в морщинках был как будто бисер. Он сказал: «Прохожий, похоже, что ступни твои в цепях у алчности, у жадности в петле та шея, что согбенная не знает в долине бескорыстных устремлений. Попробуй, понеси и ты мой груз, Хатамом старика не попрекая. Но я трудом всего диржем добуду, и будет он дороже подношений».

Слова его, дороже благ различных, мне показали все его величие.

Рассказ
о стыдливости
Ануширвана

В дни своей юности Ануширван, как всякий юноша цветущих лет, был болен самым сладостным недугом — он от любви своей изнемогал. Но эту тайну пряча ото всех, он мучился все больше. Наконец добился он свидания с любимой. И вот в тени густейшего сада, куда и луч всевидящего солнца не проникает, как и чей-то взгляд, с любимой он встретился своею и руку к ней навстречу протянул.

Но, вдруг увидев чистые глаза возлюбленной своей, он встрепенулся и руку прочь отдернул, устыдись.

Она спросила: «Что с тобой, мой царь?»

И он ответил, очи опуская: «В мгновение свидания с тобой запретом мне глаза нарцисса стали».

Глаза стыда и благородства вдруг его лишили сил. Нарциссоокий отверг в себе желания свои...

И царь ушел из цветника один, с слезами на глазах...

И много лет спустя он стал владыкой всей земли, как будто в награду за стыдливость, непорочность...

Рассказ
о юношах —
нетребовательном
и алчном

То было в старину. Два бедных друга пошли пешком из Персии в Китай, гонимые своей судьбою нищей. Один из них смиренно все терпел, но друг его немедленно хотел найти богатство хоть каким путем.

И вот они взошли на перевал и там огромный камень увидали. Он основаньем в землю уходил, и над землею на

одной из граней был высечен предлинный ряд из букв. И юноши ту надпись прочитали: «Кто выроет валун, тот и прочтет, как верный путь к сокровищам найти. А кто меня, не тронув, обойдет, тот в бескорыстье счастье обретет».

И алчный бросился скорей, скорей копать руками землю, торопясь опередить того, кто просто думал:

«Зачем мне клад, когда смущенным сердцем я чую, что богатств своей души, богатств своей судьбы и жизни не в силах оценить я и познать. А если бог захочет оценить, он всемогущ, он может этот камень в щебенку сокрушить — и чьи богатства?..»

Так он подумал и продолжил путь. А на рассвете он увидел город. И вот когда в ворота он вошел, вокруг него столпились люди, люди. Там был обычай сыздавна такой: взамен умершего царя своей державы венчать венцом того, кто на рассвете в ворота града раньше всех войдет. Вот так бедняк, скиталец бескорыстный, был избран неожиданно царем...

Тем временем его корыстный друг, объятый лютой жадностью своей, рыл землю изможденными руками, чтобы добыть тот сокровенный клад. И наконец он камень опрокинул и прочитал на грани основанья: «Кто слепо за несбыточным идет, тот непременно в бездну упадет».

И стал один царем в стране терпенья, другой так и остался на коленях.

**Рассказ
о двух
влюбленных**

Слышал я, что некогда грозный Тимур шел в Хиндустан во главе своих войск. Казалось, войска у Тимура — железо: железен их строй, и железны доспехи, железны успехи, и даже железны казались сердца этих воинов, ибо жестокость, с которой они убивали, не может в трепещущем сердце селиться. И там, где прошли их степные отряды, там реки рождались, но реки из крови, и горы вздымались, но горы голов.

И не было там никому ни пощады, ни жалости.

И шел железный воин по полю, и увидел двух влюбленных, что были от любви своей готовы в сию минуту, молча, смерть принять. Им негде было скрыться и от смерти, и от любви своей. Но их любовь была сильнее смерти.

Железный воин обнажил свой меч, чтобы голову сперва отсечь врагу — мужчине. Но любимая его от воина мгно-

венно заслонила и так взмолилась: «Изруби меня, но пощади его, мою любовь!»

И вот убийца повернулся к ней и замахнулся. Но вскричал мужчина: «Убей меня! О, неужели ты убьешь ее?! Убей меня скорее!»

И двинулся убийца на мужчину, и вновь ему дорогу преградила та женщина. Тогда барлас¹ вскричал: «Убью я вас обоих».

И занес он меч, но снова женщина кричит: «Убей меня!» Мужчина же: «О нет! Убей меня! Мне без любви не жить! Она, она пусть лишний миг живет».

Так спорили они наперебой, склоняясь то один, а то другая под меч барласа. И не знал барлас, кого убить. И в этот миг глашатай разнес по свету весть о том, что царь, сам Тамерлан, владыка всей вселенной, велел убийства прекратить в честь отдающих друг за друга жизни всех остальных, подобно тем двоим.

Так жертвенность оказалась сильнее смерти.

**Рассказ
о птице-лгуне
тураче**

В лесу огромном жил огромный лев. Своею гривой был похож на солнце могучий царь зверей, что даже лес пред ним, как тень от света, расступался. Он никого в округе не боялся. И только страх за маленького львенка льва заставлял таскать его в зубах, не доверяя ни земле, ни лесу...

И в тех краях жил, говорят, турач. Он пуще смерти льва того боялся. Когда тот лев округой проходил, зажав в зубах беспомощного львенка, турач кричал от ужаса и страха. А крик такой, что даже лев пугался, и от испуга челюсти сжимал, и раны львенку острыми клыками невольно наносил...

От этого так царь зверей терзался, что наконец с той птицею дружить решил он, чтобы криков не пугаться. Сказал он птице: «Я тебе не враг, считай меня теперь навеки другом. Ведь сам суди: мне убивать тебя нет смысла — я обедаю быками. Но не кричи, а пой, не зная страха, я буду слушать с радостью тебя. И если даже в сети попадешь — зови меня, я прибегу на помощь и лапой этой, этими клыками спасу тебя от вражеских сетей».

Так лев и птица словно братья стали. Когда свирепый лев лежал на солнце, турач летал над братом без боязни, как птица счастья над венцом султана. А то садился пря-

¹ Барлас — воин из рода Тимура.

мо на загровок к царю зверей. А иногда и в шутку кричал турач: «На помощь!» Лев бросался, но видел, как хохочет эта птица, и недовольно он ворчал: «Ты, братец, так не шути! Ведь эта шутка — ложь, к добру не приведет». Но птице понравилась игра. И раз за разом она дразнила льва.

И вот однажды турач и вправду прямо в сеть попал. Он закричал: «На помощь, друг, скорее! Ведь я один из западни не вырвусь!»

Но лев спросонок думал: «Снова шутит... Какой обманщик! Экий озорник!» И, сладостно зевнув, опять уснул. Турач кричал напрасно, звал на помощь... Так, против воли правду говорящий обманет, а народ ему поверит.

**Рассказ
об имаме
Фахри Рози и
Мухаммед
Хорезмшахе**

Когда имам всех верующих в аллаха Фахри Рози в Хорезм однажды прибыл, к нему пошли паломники, и только Хорезмшах не навестил его. В ответ на это негостеприимство Фахри Рози ему ответил тем же; тогда султан, смущен своим поступком, не знал как быть. Так много дней прошло. Прошло и много всяких разговоров, но что за польза, если между ними стеною отчужденья все стояла та недомолвка.

И однажды шах, явившись в баню, встретил там имама. Они разговорились, и правитель спросил Фахри:

— Ответь мне, о мудрейший, что ждет нас всех в день страшного суда? Какие беды и какие судьбы?

Фахри Рози, владетель совершенства, царю сказал: — О мудрый вопрошатель, нет лучше места, чем вот эта баня, чтобы ответил я на твой вопрос. Там, как и здесь, все люди будут равны, и царь, и нищий в наготе своей всё, что имели, за стеной оставят. И только те, кто, уподобясь мне, покорность власти разума копили, с собою просветленье пронесут.

И что в тот день твои венцы и троны, когда лишь разум не песет урона?!

**Рассказ
об Аюбе и воре**

Однажды ночью праведный Аюб сидел, хмелея от небесной тайны, и, посвящая все молитвы небу, ронял на землю слезы, как свеча. Свеча горела, освещая угол, и капли слез таинственно стекали.

И в это время вор, подкоп закончив, вдруг высунулся из того угла. Аюб молчал, он был молитвой занят. Не

мешкая тогда проворный вор собрал, что мог, и, все в мешок закинув, собрался уходить через подкоп. Но сам он влез — мешок же не пролазил: он был велик для маленькой дыры. Аюб же, видя затруднения пришельца, встал и открыл незапертую дверцу и указал дорогу бедняку.

Да, да, бедняк, воришка, бедолага так был смущен, что, надвое согнувшись под грузом не богатства, но стыда, покрылся весь испариной. Былинкой он закачался и к ногам упал.

От благородства праведного шейха вор обессилел, онемел, заплакал. Аюб же наклонился, вытер слезы, утешил. И стал бедняк его мюридом¹.

Рассказ
о том, как Искандар
завоевал весь мир

Никто на свете не был так велик, как Искандар. Казалось, что и звезды всего лишь жемчуг на его венце. Все государства он завоевал и все народы. Всей земли цари, как звезды при

луне, ему служили, гордясь, что жили при его правлении.

Он был царем во всем: в уменьи править, в искусстве спорить, в смелости прозреть грядущее...

И только смерть внезапно во цвете лет к нему подобралась. Стеснило грудь ему и сжало сердце перед походом в самый длинный путь, откуда ни победой, ни возвратом не веяло...

Рабы вокруг сновали, цвели деревья, сад шумел. И только один из всех он, Искандар Великий, неотвратимо к смерти шел. И царь, собрав остаток сил, сказал: «Вот я переселяюсь в мир иной, где мне уделом будет вечный мрак. Как вечность предстоящая мрачна! Я ухожу... И вам я завещаю: как только птица из садов небесных ко мне слетит за горестной душою, как только в гроб положите меня и понесете в мой последний путь — в гробу моем отверстие оставьте, и пусть рука, свисая, всем покажет, что властелин, владыка мироздания, с пустой рукой в небытие уходит... И всякий, кто сокровищ мира жаждет, увидит в той пустой руке урок...»

Рассказ
о красавице Чина

В стране прекрасной под названьем Чин жила красавица. Ее лицо напоминало цветники Хотана. Глаза как будто две газели в чаше, а локоны как будто аромат, что вьется над цветами. Но ресницы

¹ Мюрид — духовный последователь.

безжалостно, как копыта или стрелы, пронзали души смертоносным взглядом всех засмотревшихся царей. Узлы ее кос, как сомненья, лишали божественной веры, сменяя предмет поклоненья. Ей пленником был Чинский царь...

И вот красавица однажды собралась в широком поле поиграть в човган. Царь с нею вместе выехать не мог и снарядил с красавицей охрану, дабы любого, кто откроет рот и даже словом девушки коснется, хватать и убивать на месте. И многие в тот день погибли в муках...

Но был один, кто от любви своей изнемогал, но молча все терпел, кто к ней в шатер пробрался в миг ее отдохновенья. Его туда не ноги привели, но хмель любви. И он в шатре упал, сраженный силой нестерпимой хмеля. Тут стража бедного и задержала, лежащего в ногах своей любви. Охранники ему скрутили руки и к хану повели.

Тем временем правитель так велел: «Любого, кто осмелился влюбиться, кладите в стенку вместо кирпичей, и головы пусть из стены торчат и устрашают всех живых».

И слуги тотчас метнулись выполнять приказ. Закат померк, как бы запекся кровью, и ночь за ветром, словно кровь, текла.

Хан собирался в степь, но вдруг он вздумал сам посетить ту адскую постройку и в свете тусклых факелов увидел, как стену из живых людей кладут. Там стон стоял тех, кто в любви не верен. «Они не стоят ни любви той девы, ни жалости моей», — так думал царь. И вдруг в стене заложеным увидел того, кто среди стона, среди воплей все так же молча, как и упоенно, к любви своей, немотствуя, зывал. И он шептал неслышную молитву, благодаря великого аллаха: «Пока жива во мне моя любовь, я жив и смерть мне не страшна нисколько...»

Он молча плакал за могучий дар — любить, любить... И тут могучий царь был бурей сострадания смятен.

Царь отдал в жены юноше тому красавицу — за то, что даже в бедах любви он верным был. А в том — величье.

Бахраму трон достался от отца, когда отец, пресыщенный делами, закончил дни свои. Но вместо укрепления престола Бахрам ежевечерне пировал. Сановники же грабили страну тем временем, своим прикрывшись саном. Жизнь проводя в попойках, кутежах, в охоте за зверями и усладой, Бахрам не знал о бедствиях народа. И припеваючи он жил.

Но вот, охотясь на перепелов, однажды царь отстал от

Рассказ

о царе Бахраме

резвой свиты и в степи остался. Никого кругом. И лишь вдали увидел он шалаш, полуразрушенный, полунссохший. Поближе подойдя, Бахрам подумал, что тот шалаш был для кого-то домом, но дом теперь похожим был на думу. И в этой думе поселилась боль...

Царь вошел, жильцов увидел. И, глазам не веря, спросил он: «Есть ли кто живой?» В ответ же: «Нет, все мы здесь мертвы»,— ему сказали, и вот хозяин дома поднялся, кувшин с водой принес.

Царь отпил этой гнилой воды, затем спросил: «Что за вода?» Сказали: «Мертвая. Все здесь мертво: и бывший сад, который стал пустыней, вода ключа, что стала здесь болотом, и даже жизнь, что стала хуже смерти». «Но почему?»— спросил смятенный царь.

«А потому, что умер прежний царь. А нынешний собою только занят. Кутит и пьет, дворцы себе возводит, среди которых самый крупный — Спеси, прелюбодействует, себя лелеет. Тем временем сановники его, вся свита, свора ярых подпевал, народ наш грабят. Все эти упыри, клещи, пиявки кровь нашу пьют, и все повсюду сохнет и гибнет на корню: и сад, и жизнь, и мысли...

Мы нищие, у нас отняли все: и прошлое и будущее. Нам нечем жить. Вот он, последний час».

Все понял шах.

Беспечности лишился он, и грудь ему тревога защемила. Здесь же, в степи, где все давным-давно иссохло, он явственно увидел корни зла. И понял он, что кутежи, утехи — все заблужденье. И еще он понял, что надо зло искоренять в отчизне и справедливость в ней восстановить. Так думал он...

И в это же мгновенье босой мальчишка прибежал, шалея от весты, что родник опять пробился сквозь толщу и болота, и песка.

Та весть царю явилась как знаменье. Всех одарив затем, простясь, он вышел. С тех пор он правил мудро, справедливо, и процветал его народ, как сад.

**Рассказ
о рабе**

Жил некогда правитель справедливый, и был при нем раб-повар, пазанда. В один из дней правитель пировал, отведевывая яства с аппетитом. И тут беда случилась: этот раб, споткнувшись с блюдом о какой-то камень, вдруг выплеснул то блюдо на царя. И все решили: «Всё! Прощенья нет за этот грех! Лишь смерти раб достоин».

А шах взглянул и все ему простил.

И тут вмешался подбежавший визирь. Спросил он: «Разве можно с тем мириться, что сделал он?!»

Но царь великодушно сказал: «Смотри, как он дрожит, бедняга. Он сам себя убил своим смятением. Но разве можно снова убивать убитого?! Кто кается всех больше, тот больше всех достоин и прощенья!»

О боже! Не такие ли цари ведущую к тебе тропу устлали?! И как бы ни был виноват и я, но у меня есть ты. Пусть я измучен, пусть я смятен, но ты добром одаришь, быть может, недостойного, меня надеждою хотя бы удостоишь? О, разве мне дано просить добра?! Когда оно — как будто океан, а мне б хватило капли...

Слава, слава, творец, тебе, с чьей помощью закончил я этот труд, исполненный смятенья. «Смятением праведных» назвал я, увидев суть во праведном смятении.

И кто прочтет, кто помянет — тому дорогой тропы рая станут. Неси же, кравчий, мне фиал вина, нет, не фиал, пусть вся душа полна вином, что пролил ты на Навои. И я забуду все грехи твои!

ФАРХАД И ШИРИН

Жил в стране Чин некий хан. Да не просто хан — царь царей всего Чина. И как подобает царям, восседал он на роскошном золотом троне. И вокруг него, и над ним, и под ним — всюду блестело золото. Столько золота, сколько песка на земле, сколько звезд на небе.

Но не радовало хана это золото. Наоборот — даже печалило. Не было у него сына, не было у него наследника, того, кому он сможет передать свой трон, когда придет срок расстаться с жизнью. Ведь кто-то другой, а не его сын будет пировать здесь, кто-то другой, а не его наследник будет владеть золотом.

И этого хан вынести не мог. И обратился он тогда к всевышнему, и вознес к нему свои молитвы.

И услышал бог хана. И ниспослал ему чудного мальчика. Обрадовался хан и приказал обрядить все дома в Чине по старинному обычаю в яркие шелка... Преобразился Чин. Запестрел яркими красками, как блестят на солнце цветы после дождя.

На радостях хан задал пир. Величайший пир. Столы были уставлены всевозможными яствами — шербет, рахат-лукум, замечательные вина, горы изюма, горы орехов, огромнейшие хлебы, громаднейшие блюда с пловом, дыни, арбузы и еще всякая всячина.

Народ был взволнован, хан счастлив. Чего же еще?

А сын хана лежал в своей колыбельке и не мог еще понимать, что это он явился причиной такого торжества...

Фархад — так называли мальчика — рос необыкновенным ребенком. Уже в год он бегал, как олень. В три — говорил, как оратор. В четыре года Фархад окреп, возмужал, и отец решил, что пора обучать сына наукам. И нашел Фархаду хорошего учителя.

В семь лет Фархад уже знал математику, освоил естествознание, великолепно изучил астрономию, замечательно разбирался в философии.

К десяти годам Фархад стал стройным и сильным юношей. Он метко стрелял из лука, отлично ездил верхом, а стоило ему ударить мечом по скале, в ней появлялись трещины размером с ущелье.

Но при всем том Фархад был скромным и добрым. Ему не нужна была слава, и не стремился он к власти. Мечтал он о любви. Фархад читал книги о ней, рыдал и ставил себя в мыслях на место влюбленного.

— Фархад,— сказал как-то хан.— Что означают твои слезы? Может, скука терзает, или Чин тебе надоел? Может, девушек у нас мало, или они дурны?

Ничего не ответил Фархад. Только заплакал еще горше.

Приказал тогда хан своим чародеям развеять тоску Фархада. Стали они его обучать. Но Фархад очень быстро постиг тайны магии и сделался опять печальным.

И тогда хан приказал выстроить четыре дворца. Думал он: «Пусть Фархад развлечется. В первом он будет жить весной — будут цвести там розы. Во втором — летом, значит, должно быть в нем много зелени. В третьем — осеннем дворце — должен царить желтый цвет, цвет осенних листьев, цвет золота. А в четвертом, мраморном, дворце пусть властвует белый цвет — цвет зимы».

Что ж, воля царя — закон. Доложили хану, что есть три искусных мастера. Звали их Бани, Мани и Карен. Бани мог за пять минут набросать чертеж дворца невиданной красоты. Мани был мастер кисти, а Карен — мастер-граниторез, гранит для него был мягок и послушен, как дерево. Объяснил им хан, чего хочет.

На заброшенном пустыре закипела работа. Дошел об этом слух до Фархада. Вскочил он на коня и помчался к месту работ. Хотя дворцы были еще недостроены, Фархад ахнул. Стоял он как замороженный, глядя, как граниторез справляется с камнем. Подбежал к нему Фархад и горячо заговорил:

— Великий мастер, ты режешь гранит, словно воск. Открой мне тайну, как ты это делаешь?

Поклонился Карен и так отвечал:

— Железо, из которого сделан инструмент, закалено особым способом. И инструментом надо уметь пользоваться.

— Позволь попробовать силы в твоём искусстве! Продолжай работу, а я буду смотреть и пойму. Наверняка пойму.

Лестны были Карену слова Фархада. И заработал он с новой силой своим топориком. А Фархад, не отрываясь, смотрел и смотрел на гранитореза, и лишь когда солнце закатилось, сел на коня и ускакал в ханский дворец... Не спалось Фархаду этой ночью. Все чудились ему необыкновенные дворцы. Он непременно должен обучиться мастерству у Карена. И чуть забрезжил рассвет, Фархад опять помчался к месту строительства.

Показал ему Карен, как тесать гранит. А затем позвал кузнеца и сказал ему:

— Мастер, покажи Фархаду свое искусство. Открой тайну закалки.

И кузнец показал. Положил он в огонь железный брусок и из раскаленного железа выковал на глазах у Фархада и кирку, и рубило, и резец. Онемел Фархад от восхищения и захотел испробовать свои силы. Но стеснялся он своей неумелости и поначалу робко орудовал молотком и рубилом. И, признаться, удивлял своим талантом, схватывая все на лету.

Строительство дворцов заканчивалось, Фархад ни на что другое и смотреть не хотел. Изнутри дворцы были расписаны мастером Мани. Но Фархад и тут не хотел уступать. Что у Мани на стене — то у Фархада на бумаге.

Так овладел Фархад каменотесным делом и живописью.

Наконец были четыре дворца готовы. Во дворце весны стены, полы, окна и двери — все было бледно-розового цвета. Летний дворец построили так, что отливал он нежно-зеленым. Везде сверкали изумруды, а в садах птицы распевали свои песни. Во дворце осени, построенном из золотых кирпичей, казалось, светило солнце. Все было отделано золотом и янтарем. А мраморный дворец зимы был ослепительнее снега. Дорогие серебряные кружева, ложа из слоновой кости — все блестело и ширилось на солнце, как свежевыпавший снег.

И подарил хан Фархаду эти райские дворцы, чтобы пировал там сын его, наследник.

И Фархад — так казалось хану — был счастлив.

Прошел год. Фархад побывал уже в трех дворцах и поселился теперь во дворце зимы. Сидит Фархад за пиршественным столом и пьет вино, но не радуется вино. Надоело все ему, вновь он сделался грустным и печальным. Увидел это хан, огорчился. Все его старания развеселить сына оказались напрасными. Но не стал бранить хан Фархада, а решил как-то развеять его скорбь.

— Фархад, я уже не молод, — сказал он. — И тяжело мне нести бремя власти. Ты же юн, полон сил. Ты изучил все науки, ты мудр и храбр. Почему бы не стать тебе правителем? Верю, ты сумеешь править так, что народ будет счастлив.

— Отец, — отвечал юноша, — хоть и ничто я перед тобой, дерзну ответить на твои слова. Все, что создано богом, не вечно...

Удивил такой ответ хана.

— Ты говоришь мудро, мой сын. Но не этого я ждал. Не смеешь ты отказываться от ханского трона.

— Мой хан, раз отверг ты отказ, я должен согласиться. Но ведь до сих пор я лишь развлекался. Откуда же мне знать, как управлять страной? И я прошу, отец, помоги мне хотя бы на первых порах. Выбери должность поскромнее, испытай — может быть, я никудышный правитель. А если совершу ошибку, подскажи, как избежать второй. С малого начну, а через год-два посмотрим.

— Ты прав, мой сын. Пусть так и будет, — обрадовался хан.

Получив такой ответ, он был счастлив. И на радостях решил преподнести сыну подарок.

Пошел хан в сокровищницу и стал гадать, что достойно Фархада. Ну и красота была в сокровищнице! Сорок урн из чистейшего золота, что ни урна — клад чудес; сорок кусков узорчатого шелка, сто тысяч сосудов с мускусом, горы жемчуга, хрусталь и яшма хранились здесь. И приказал хан своему казначею выбрать сто самых ценных вещей. Смотрит хан на них и глаз оторвать не может. Позвал сына и указал ему на драгоценности. Но Фархада привлекли не они, а ларец из хрусталя. Попробовал Фархад открыть ларчик, да не тут-то было. Наглухо был заперт ларец.

— Отец, пусть отомкнут ларец, — попросил Фархад. — Мне кажется, в нем скрыта тайна.

— Твоя просьба невыполнима, — отвечал хан. — Нет у нас ключа к нему.

Топнул ногой Фархад и сказал:

— Раз замок делали люди, то и ключ — дело рук человеческих. Отец, пусть дадут ключ, иначе не будет мне покоя!

Понял хан, что нет смысла хитрить, и отомкнул ларец. И достал из него зеркало невиданной красоты.

— Это зеркало, — сказал хан Фархаду, — волшебное. Кто им обладает, может узнать свою судьбу.

Повертел в руках зеркало Фархад и увидел на обороте надпись: «Есть на свете страна Греция. Там каждый камень — жемчуг, там любая травинка — целебная, долины — как цветной ковер. Кто туда отправится, встретит на пути три скалы. Подстерегают смельчака страшные опасности. Первую скалу охраняет дракон. У второй поселился злой колдун. В третьей скале — темная пещера. В пещере той живет мудрец. Если он еще жив, благословит

тебя, а если мертв, обратись к его душе. И все твои трудности сразу станут ничем».

Прочел это Фархад и задумался. И забыл с тех пор про еду, про сон, стал думать только о том, что написано на странном зеркале. Захотелось ему увидеть Грецию.

Не хотел хан отпускать сына и решил не уступать ему. Придет к нему Фархад, упадет на колени, начнет умолять, а хан все тянет с ответом, то «да» скажет, то снова «нет». Расстроился Фархад.

Позвал тогда царевич своего слугу и сказал ему:

— Что предначертано судьбой, того не изменить. Я твердо решил покинуть Чин и отправиться в Грецию.

Опечалился слуга и поведал хану все как есть. Хан бледнел и едва держался на ногах, слушая его. А слуга Фархада повторил слова своего господина:

— Что предначертано судьбой, того не изменить.

Рыдая, восклицал хан:

— Неужели нельзя его удержать?! Это надо сделать любой ценой!

Но что ни делал хан, все напрасно. Непреклонен был Фархад.

— Тогда, сын мой, с тобой пойду и я. И войска поведу с собой, чтобы не случилось беды.

Ничего не сказал Фархад. А хан велел бить в литавры и объявить народу о походе.

Полгода длился поход. И вот, наконец, долгожданная Греция. Греки вышли навстречу хану. Сказал им хан:

— Я пересек пустыни не для того, чтобы разорять вас. Нет у меня цели поработать другие народы. Меня вот что интересует. Говорят, у вас есть гора, а в ней пещера. И там живет мудрец. Где она и каков путь туда?

— Верно,— отвечали греки.— Есть у нас мудрец Сухейль, ему, наверное, лет пятьсот. Мы покажем тебе дорогу к нему.

Сели на коней Фархад и хан, повели их греки. Через день добрались до заветной пещеры. Спешились всадники, один из греков вошел в пещеру и уведомил мудреца о гостях.

— Пусть войдут,— сказал мудрец.

Вошли хан и сын его Фархад и склонились перед старцем. Провидец тоже оказал им честь — встал и предложил сесть царственным гостям.

— Что привело вас ко мне?— спросил он.

Поведал хан обо всем. Провидец задумался и вдруг, глядя на Фархада, радостно воскликнул:

— Ты и есть Фархад?! Какое счастье, что я дожил до этой минуты. Мне был предвещан твой приход. Ты тот, кто убивает зло. Ты умертвишь дракона, ты убьешь дива и добудешь чудесную чашу. Я жил для того, чтобы помочь тебе. Возьми этот сосуд. Здесь масло саламандры,— старец протянул юноше сосуд.

— И что же мне с ним делать?— недоумевая, спросил Фархад.

— Здесь масло саламандры,— повторил провидец.— Отправляясь в путь, возьми его с собой. Натри маслом тело перед схваткой с драконом, и он не обожжет тебя. Поразив его, найдешь сокровища. Потом сразись с дивом. Среди сокровищ его ты обнаружишь перстень. Потом встретишь мудреца, и он поможет тебе найти талисман Искандара, а в нем увидишь чудесную хрустальную пиалу. Спешу, юноша! Спешу! В добрый путь!

Сказал эти слова провидец и уснул навеки.

Похоронили Фархад и хан мудрого старца и двинулись в путь, как провидец им велел.

Вот заметил Фархад впереди небольшую гору. «Наверное, это и есть та гора, где обитает дракон»,— подумал он. Здесь, под чинарой, и расположились отец с сыном. И опустилась вскоре на землю темная ночь.

Когда наступил рассвет и взошло солнце, Фархад натер себя саламандровым маслом. Потом вскочил на коня и помчался к скале.

Подскакал к скале Фархад, увидел вход в нее. Пещера змея была перед ним. Почуял змей запах человеческий и выполз наружу узнать, кто его побеспокоил. Голова у него была — сказать страшно: не голова, а скала; нос — не нос, а клюв; в глазах то и дело сверкали молнии, а из ноздрей валил дым. Вонзил дракон в землю когти-серпы, встал на дыбы во весь рост, задрал свой исполинский хвост. Увидел Фархада и впал в ярость. Разинул пасть и дохнул на юношу огнем. А Фархаду и горя мало. Натертый маслом саламандры, он был неуязвим.

Удивился дракон. Разинул еще шире пасть, чтобы проглотить Фархада. Но юноша успел пустить стрелу прямо в разверстую пасть змея. Заревел, завыл дракон, а Фархад, не теряя времени, одну за другой пускал в него стрелы. Упало чудище, тяжело дыша, а Фархад подскочил к нему и рассек дракона надвое. Затем подошел к пещере и прочел там такую надпись: «Прославлен будь, смелый

юноша. Ты достиг цели. В пещере хранится клад, да будет он тебе наградой. Пещера круглая, найди центр ее, там хранит дракон клад свой».

Исполнив все указания, Фархад проник в сокровищницу змея. Он оказался в роскошном помещении. Три тысячи кувшинов были полны золота, серебра и драгоценных камней. А в глубине хранилища увидел Фархад блестящий меч и выпуклый щит, что затмил бы блеск всех зеркал. На щите была надпись: «Тот, кто найдет здесь меч и щит, победит коварного дива, с этим мечом и этим щитом ты будешь непобедим. Невинным этот меч не наносит ран, зато злодеям не уйти от его смертоносного удара».

Возликовал Фархад, пал на колени и вознес молитвы всевышнему. Поцеловал он щит и меч и облачился в доспехи. Сел на коня и поехал туда, где ждало его войско. Все обрадовались, увидев его живым, все восхваляли Фархада. Юноша повел отца к тому месту, где был убит дракон, и за ними хлынул людской поток. Потом вошел хан в пещеру и ахнул: никогда он не видел таких сокровищ! Но еще больше, чем сокровища, восхищал хана подвиг Фархада.

А у подножия горы визирь уже готовил веселый пир. До самой ночи длился он.

А когда взошла луна, Фархад повесил на пояс меч, взял щит и сказал отцу:

— Не хочу ждать, иду на духа зла Ахримана.

Хан отговаривал сына, однако ничего не добился. Но не мог он оставить царевича и пошел за сыном, горько плача, не веря в душе в победу. И войскам не хотелось идти в поход. Лишь Фархад рвался вперед.

Вошло войско в лес, а он чем дальше, тем гуще и гуще, темнее и темнее, все глуше и глуше,—любой бы там сразу умер от страха. Любой, но не Фархад. Он только хлестнул коня и помчался стрелой сквозь дремучие заросли.

Вдруг кончился лес, и Фархад оказался на лугу, поросшем цветами и высокой травой. И увидел Фархад перед собой дворец. И направил к нему своего коня.

Во дворце спал Ахриман — злой дух. Услышал Ахриман стук копыт, проснулся, разглядел всадника перед дворцом. Рассвирепел от дерзости человека Ахриман. Нахмурил брови и заревел, как шайтан. Лес от этого рева затрещал. Разъяренный, бросился див на Фархада с криком:

— Эй, легкомысленный, как ты осмелился прийти

сюда?! Видно, смерти ищешь?! Сейчас найдешь ее, безумец!

Схватил Ахриман ствол дерева, привязал к нему огромный кусок скалы. Размахнулся этой ужасной палицей да как обрушит на Фархада свой страшный удар! Но Фархад только пригнул голову, подставил щит под скалу и отсек ее от ствола мечом.

Еще больше рассвирепел Ахриман, схватил каменистую гору и взвился кверху, чтобы обрушить ее на врага. Но Фархад подставил свой чудесный щит, и скала Фархаду — что горох. А див уже ослабел и рухнул с небес на землю. Тогда Фархад одним махом отрубил его поганую голову. А затем отправился во дворец злого дива.

Когда Фархад вошел, увидел много-много дверей, на каждой — замки и надписи, где какие сокровища. Бродил от двери к двери Фархад и остановился перед одной, на которой золотом было выведено: «Веры в счастье — мало. Нужны разум и сила».

Прочел Фархад и стал разглядывать замок на двери. Нашел потайной ключ и отпер дверь. Осмотрелся царевич. И увидел, что по комнате разлит яркий желтый свет — его излучала лампада из яхонта. Снял лампаду Фархад и нашел в ней перстень Сулеймана, а на лампаде — надпись: «Тот, кто найдет перстень заповедный, будет наделен новым знанием и талисман Искандара откроет без труда». Фархад еще раз осмотрелся и вышел к своим войскам.

Ждали люди Фархада, тревожились о нем. И очень обрадовались, когда увидели его живого и невредимого. Повел царевич их к Ахриманову дворцу, где войска и расположились, а сам с отцом и визирем зашел в ту комнату, где он нашел перстень, и все, что было там, подарил им.

А когда закатилось солнце, в чертогах Ахримана уже шумел пир.

Едва наступила ночь, Фархад опять облачился в доспехи и склонился перед ханом с мольбой благословить его на дальнейший путь. Получив благословение, сел Фархад на коня и поскакал к пустыне. Полдня ехал Фархад и вдруг увидел лужок, а на лужке — родник. То была живая вода. Подъехал Фархад, привязал коня и умылся чистой, как слезы, водой. Едва окончив умываться, увидел он седого старика, который был одет почему-то во все зеленое.

— Сынок, — сказал ласково старик. — Будь счастлив и забудь все горести. Я Хызр. И пришел сюда затем, чтобы

легче было тебе продолжать путь. Искандаров талисман могу расколдовать лишь я. Теперь запомни: продолжая дорогу, считай шаги; когда достигнешь лысой горы, перед тобой откроется холм — Искандаров талисман. Спустишься с бугра, отсчитай двенадцать тысяч шагов. Дорога перейдет в тропу. Тропа эта ровная, но узкая и скользкая, как лед. Будь осторожен: на обеих ее обочинах — гранитные глыбы с остро отточенными краями. Чуть поскользнешься — и тебя ожидает неминуемая смерть: в тебя вонзятся острые камни. А когда пройдешь тропу, отсчитай еще одиннадцать тысяч шагов.

— Благодарю вас, отец,— сказал Фархад, все больше и больше удивляясь, откуда старику известны его намерения.

— Рано благодаришь, Фархад, я еще не кончил. Так вот, отсчитываешь одиннадцать тысяч шагов. Там увидишь крепость. Возле нее на стальных цепях прикован лев, страшный лев с огромной пастью. Когда он зарычит на тебя, брось ему в пасть перстень. Зверь изрыгнет перстень и тут же издохнет. Отсчитай еще сто шагов и увидишь гранитную плиту, сдвинь ее и войди. Там стоит железный воин-великан, в руках у него — железный лук, на груди — зеркальный диск. Вонзи в центр этого диска стрелу со ста шагов, но постарайся не расколоть его. И сразу железный великан рухнет и замок-талисман откроется перед тобой. Но если зеркало под твоей стрелой расколется — смерть тебе. Ты хорошо все запомнил?

— Да, отец.

Поклонился Фархад и продолжил путь. Наконец дошел до замка. Бросил перстень льву — и тот издох. Сдвинул гранитную плиту — открылись ворота. Вошел Фархад и увидел грозного железного человека. И сразу же сто железных стрелков, стоявших вдоль стены, подняли луки и угрожающе натянули тетиву. Схватил тогда юноша свой лук, пустил стрелу, впилась она прямо в центр зеркала. И свалились железный великан и сто других железных стрелков. Путь к замку свободен. Пошел Фархад вперед, и кованая дверь сразу распахнулась перед ним.

В середине замка была небольшая комната. Странное она излучала сияние. Вошел Фархад и увидел яркую самосветящуюся пиалу под потолком. Не пиала, а зеркало чудес — в ней отражались все тайны мира, все события, дела и люди. Увидев такое чудо, Фархад несказанно обрадовался и поспешил к роднику. Там стоял его конь. Вскочил в седло Фархад и вернулся к отцу с радостным изве-

стием. А поутру привел в замок визиря и вручил ему для отца чудесную чашу. И хан опять устроил пир.

Утром, когда взошло солнце, сел в который раз на коня Фархад и отправился к горе Сократа. Но на этот раз с царевичем поскакал лишь один отряд. Да еще хан с визирем отправились туда. Перейдя пустынную равнину, а затем цветущую долину, увидели всадники крутую гору, поросшую цветами и целебными травами. У подножия горы они обнаружили тысячи пещер. Изнутри слышался грохот водопада.

Захотел Фархад все узнать про эту гору и взглянул в чудесную чашу. Увидел он все страны мира. Отыскал там Грецию и вычислил место этой горы. И вот перед ним, как на ладони, все пещеры в той горе. В одной пещере увидел он великого грека — Сократа. Нашел Фархад тропу к этой пещере и двинулся вперед, а за ним и весь отряд. Вошел Фархад, и сразу же пещера озарилась.

Прошел юноша еще несколько шагов и увидел, что стена пещеры отодвигается в сторону, а в щели виднеется каменная лестница. Поднялся по ней на самый верх и очутился в просторной галерее. А впереди, шагов за триста, стоял великолепный чертог. Приблизился Фархад к замку, и вся свита его тоже. И сразу же услышали голос из замка:

— Войдите же, дорогие гости!

Фархад с отцом и визирем вошли, и в глаза им ударил яркий свет. Это был свет разума, свет чистого познания. Он исходил от мудреца.

— Садись, Фархад, садись, хан, садись и ты, Мульк-Ара. Как перенесли трудный путь? Долго ли шли ко мне?

Но никто из троих не смог вымолвить ни слова.

— Хан,— снова заговорил Сократ.— Ты весь седой — верно, претерпел много бед, пока достиг моей обители? Я знаю, тебя уже не удивишь сокровищами, но моя награда должна обрадовать тебя. Узнал я, высчитал по движению звезд — жить тебе ровно сто лет. А если случится беда — вдруг заболеешь или одряхлеешь раньше времени, — вот тебе камешек: положишь его в рот, и мгновенно исчезнет твой недуг.

А визирю он так сказал:

— Мульк-Ара, ты заслужил такую же награду.— И мудрец дал чудесный камешек визирю.

— Имейте в виду,— сказал Сократ,— самая страшная опасность — в союзе воздуха и воды. И тут уж я бессилён.

Он проводил хана с визирем до порога, а Фархада попросил остаться.

— Я благодарен судьбе,— сказал он,— что могу разговаривать с тобой. Столько дней и ночей я ждал и, наконец, вижу тебя, слышу твой голос, Фархад. Юноша, рожденный для добра, запомни: ждет тебя большая любовь. Ведь смысл жизни не в богатстве и власти. Только тот, кто живет для других, найдет правильную дорогу. Тебе предстоит земная любовь, которую ты не сможешь, да и не захочешь преодолеть, но из-за нее ты погибнешь. Не бойся смерти. Да, тело твое будет лежать в сырой земле, но любовь твоя будет жить. Мир забудет о подвигах богатырей и великих воинов, но будет славить твою любовь...

Сократ помолчал, прикрыв глаза, и снова заговорил:

— Пока я еще жив, расскажу тебе о том зеркале, которое нашел ты в ларце в сокровищнице отца. Когда вернешься в Чин, испытай его свойство. Взгляни в зеркало и на миг увидишь ту, которой отдашь свое сердце. Короток будет этот миг, но он принесет тебе много страданий. Любовь пленит тебя навек. Но, как бы ни был человек влюблен, как бы ни страдал от любви, могущественнее его не найти. А теперь прощай. И вспоминай меня хоть иногда.

На этом Сократ прервал свою речь и, смежив глаза, умер. Заплакал юноша, что ушел из жизни столь великий и мудрый человек. И простился с Сократом, устроив поминальный пир...

Когда Фархад рассказал отцу, о чем поведал Сократ, хан едва не умер от горя, поняв: опять надо разлучаться с сыном. В ту ночь хан велел всем пить вино погорше, только в горьком и можно утопить горе. А утром повел свои войска из Греции в родной Чин. И вот, наконец, вернулись они на родную землю. Хан снова восседал на троне, возле него сидел верный и преданный визирь Мульк-Ара, а Фархад... Фархад потребовал ключ от ларца. Когда его принесли, ключ в руках Фархада вдруг засиял алым светом и раздался голос:

— Оставь! Не надо отпираться.

Но Фархад все же отомкнул замок и достал из ларчика зеркало.

Посмотрел Фархад в зеркало и увидел гряду гранитных скал, а на склоне гряды — людей, роющих канал. Среди них Фархад узнал самого себя. Вдруг в зеркале показался отряд наездниц, на каждой — чудесный наряд. Одна из них — словно роза, красивая, молодая, а под ней

царственный конь. Она ловко управляла своим скакуном и казалась солнцем среди звезд.

Глядит Фархад и видит, что красавица направила коня в ту сторону, где работал его двойник. Тот, почувствовав ее лучистый взгляд, вдруг упал, как раненый олень. Увидев это, Фархад решил получше рассмотреть девушку. Поднес зеркало ближе к глазам, взглянул, застонал и, подобно своему двойнику, рухнул на пол точно подкошенный. Испугались слуги, бросились к хану.

— Беда, повелитель, Фархад умер!

Вскричал сраженный бедою хан:

— Горе мне! Потерял я единственного наследника!

Прибежала плачущая мать и стала рвать на себе волосы. И визирь, который любил Фархада как сына, тоже заплакал от горя. И сын его Бахрам, лучший друг Фархада, разордал на себе ворот и в отчаянии чуть не лишил себя жизни. Родные, слуги, свита и врачи оплакивали Фархада. Словно мертвый, пролежал он сутки, а потом вдруг очнулся.

Увидев вокруг плачущих родственников и друзей, спросил Фархад:

— О хан, почему вы в слезах? Матушка, о чем вы так горько рыдаете?

— О радость, ты жив!!!— возликовал хан.— А мы...

Но Фархад не дал ему договорить. Вспомнив, что случилось, почувствовал он горький стыд и был уже готов проклясть свою мечту. Пал на колени перед отцом-матерью, умоляя простить его. И все, кто там был, утешали Фархада.

Хоть Фархад искренне хотел отказаться от своего желания, он все же не удержался и взглянул еще раз в волшебное зеркало. Но зеркало чудес было немо. Сократ не ошибся, когда говорил, что лишь на один миг появится облик красавицы. И понял царевич: навеки ввергнут он в страдания. И решил: «Раз уготована мне такая судьба и не под силу разорвать оковы страсти, пойду навстречу судьбе. Да, но отец... он опять двинет войско за мной — меня найдут, схватят, подумают, что я безумен, и бросят в темницу. Нет, пока я должен беречь себя и обуздать свои желания».

Так рассуждал он. Увы, не знал юноша, что любовь сама найдет его...

Хотя Фархад таил сердечный огонь, хотя не давал он поводов для упреков, но вздохи и слезы Фархада наводили всех на мысль, что он нездоров. Любовь — пожар, и

скрыть ее не так просто. Чем старательнее Фархад скрывал этот пожар, тем больше огонь разгорался. Юноша с каждым днем страдал все больше и больше, и не осталось в нем силы таиться. Фархад быстро чах и превратился в тень; все заметили, что стан его, прямой, как пальма, стал подобен слабой виноградной лозе. Теперь, когда дух его ослаб от страсти и тело стало поддаваться болезни, Фархад казался полным безумцем. По ночам у него прорывался любовный бред, и хан не на шутку испугался. Он созвал друзей, врачей, советников. И вот что они ему сказали:

— Видимо, Фархад переутомился. Он слишком усердствовал во всем, чем увлекался. Уже с трех лет твой сын предался ученым трудам, затем погрузился в ремесла, затем — походы. Подвиги, которые совершил твой сын, — одна из причин пагубного недуга: дракон дышал на него огнем, свирепый див камнями оглушал его. Фархад распался своей мозг думами. Притом сейчас стоит страшная жара. Всю природу изнуряет зной, и Фархад тоже страдает от этого. Чтобы излечить его, нужно прибегнуть к обратному средству — прохладе. Есть такое место для его исцеления — по морю туда путь в шесть дней. Там есть остров, на нем гора, а на горе — ледник. И с него струятся холодные, как лед, и сладкие, как мед, ручьи. Красоту этого места описать невозможно, и мы уверены: Фархад излечится там.

Почерпнув надежду из их речей, хан согласился и дал приказ визирю припасти все для морского путешествия. Послал он к сыну вестника. Обрадовался Фархад и сказал:

— Если ты думаешь, добрый гонец, что я его сын, ты ошибаешься. Я жалкий раб его, и все, что он прикажет, для меня — закон.

Утешился хан. А Фархад был несказанно рад: сам он не мог убежать из дома, а тут нашелся подходящий предлог выехать на чужбину. «Что ж, может быть, окажусь я в краю, которого совсем не знаю, и там свершится то, что должно свершиться. Так и отца я не обижу, и мечты мои исполнятся», — думал Фархад. Радовался он, и болезни его как не бывало.

Вот, наконец, и закончились последние приготовления к морскому путешествию. Хан со своим сыном отправился в плавание. Долго плыли они. И вдруг поднялся сильный ветер, начался шторм. Громадные волны налетали друг на друга и грозили разнести корабль в щепки. Хан услышал, как старые, опытные моряки переговаривались между со-

бой: мол, раз в сто лет бывает такая буря. И приказал хан спустить на воду шлюпку, чтобы плыть к берегу, пока не начнется ураган.

Спустили шлюпку. Но на беду первым спустился в нее Фархад, и страшный ураган в одно мгновение украл у хана его сокровище. Хан зарыдал, и все вокруг тоже зарыдали, оплакивая участь ханского сына. А ураган все бушевал, и только чудо спасло корабль от гибели.

Прошла ночь. Взошло солнце. Свирепый ветер утих, и море вновь казалось тихим озером. Оно бережно отнесло ханский корабль в родной Чин. А там их уже встретили как подобает. Но хан, не видя сына, опять зарыдал. И Мульк-Ара сказал ему:

— Мой господин, помните, что говорил Сократ?

— Что же?— спросил хан.

— Он так говорил: «Самая страшная опасность — в союзе воздуха и воды. И тут уж я бессилён». Верно?

— Верно,— горько прошептал хан.— Видно, не увижу я больше Фархада.

Стонал хан, умолял бога о помощи, о спасении сына, о его благополучном возвращении в Чин, но Мульк-Ара опять напомнил ему слова Сократа, что предстоит хану разлука с сыном. Хан немного успокоился и решил во всем положиться на судьбу.

Фархада унесло в открытое море. Скоро челнок был разбит волнами, и царевич судорожно вцепился в одну из досок. Когда взошло солнце и море утихло, обломок, на котором лежал бесчувственный Фархад, заметили с корабля, который шел к Йемену. То плыли богатые купцы, везущие индийский жемчуг и парчу. Они взяли страдальца на борт. Прекрасный юноша, казалось, умер. Но хоть он был неподвижен и мертвенно бледен, один из матросов заметил признаки дыхания. Незнакомцу дали понюхать ароматических веществ, влили в рот питья, и Фархад очнулся. Купцы были в восторге, что спасенный наконец пришел в себя.

— Где я? Что со мной было?— спрашивал изумленный Фархад.

Купцы рассказали о его спасении и спросили:

— Куда вы плыли? Кто вы и где потерпели крушение?

— Мы из Чина,— отвечал Фархад.— Везли богатый груз в Йемен, но нас застиг шторм. Все мои товарищи погибли. Я бы тоже утонул, но вы вовремя подоспели и

спасли меня. Как же мне вас отблагодарить? Я в неоплатном долгу перед вами.

Купцы были очарованы речами Фархада и решили, что это какой-то переодетый принц. И всячески старались ему угодить. Они спрашивали про его родину и рассказывали ему об Индии. Купцы как замороженные слушали его, а Фархад счастлив был говорить для своих спасителей.

Вдруг Фархад увидел, что к ним плывут какие-то лодки.

— Кто это?— спросил он.— Друзья или враги?

Посмотрели все в сторону, куда указывал Фархад, увидели лодки и схватились за головы:

— О горе! О горе нам! Что нам делать?

— Что с вами?— спросил удивленно Фархад.

— Милый гость наш Фархад! О несчастный гость наш!

— Объясните мне, кто это? Если эти люди замышляют недоброе, они будут иметь дело со мной. Почему вы плачете?

Купцы говорят ему:

— Видно, ты неопытный моряк. На островах тут живут пираты. Они грабят и жгут все корабли. Они плывут кораблю навстречу и швыряют сосуды с нефтью. Зажгут корабль, заберутся на него по пылающим бортам, всех перебьют, весь товар разграбят и уплывут. О горе нам! Мы погибли!

— Не впадайте в отчаяние раньше времени,— хладнокровно сказал Фархад.— Да, я несведущ в морском деле, но когда-то я слыл неплохим стрелком. Есть у вас луки и стрелы?

Дали Фархаду и лук, и стрелы. Корабль был уже окружен со всех сторон, пираты держали наготове нефтяные сосуды. Фархад, не теряя времени, пустил стрелу, сосуд зажегся в руках у метальщика и сжег его. И так юноша справился со всеми. Лишь тогда Фархад прекратил стрельбу, когда всех оставшихся пиратов обратил в бегство.

Опасность миновала, все благодарили Фархада и склоняли перед ним головы. А Фархад чувствовал себя очень усталым и был рад услышать крик дозорного:

— Земля!

Это был Йемен. Корабль подошел к желанной пристани. Купцы нашли в городе красивый и удобный дом, поселились там и заперовали. Фархад же, вкусив вина, вдруг заплакал. Он вспомнил свою страну, ханский дворец. Жив

ли отец, что с матерью? И хоть был он среди друзей, открыть им свою душу не мог. Купцы не знали причины его тоски, но, видя, что им не под силу развеселить Фархада, тоже стали печальны.

Был среди них один странник, благородный человек. Он был замечательным художником, много повидал на своем веку, знал и творения Мани. Звали его Шапур. Как и Фархад, он случайно попал на судно к купцам. Понравился Фархад Шапуру. И только он один догадался о причинах тоски юноши. Чтобы проверить свою догадку, он повел речь о любви. И его догадка тут же подтвердилась: хотя Фархад и не перестал плакать, но жадно ловил каждое его слово. Так началась их дружба.

Шапур не торопился сразу выведать тайну Фархада, он и так знал, что со временем друг сам с радостью расскажет обо всем. Видел Шапур: слишком горька была тайна Фархада, чтобы он долго остался с ней один на один.

Но Фархад все молчал, и однажды Шапур задал другу вопрос:

— Кто ты и почему плачешь?

Решил Фархад скрыть свое происхождение и так отвечал:

— Однажды во сне я увидел чудесную страну, и так она была прекрасна, что я потерял покой и сон. Я оставил родную землю и стал разыскивать дивную страну.

И Фархад поведал о влекущей его земле, уже собирался рассказать и про красавицу, но вдруг побледнел и лишился чувств. Шапур тут же привел его в сознание и сказал:

— Ты настолько точно описал эту страну, что я узнал ее. Я был там. Зовется она Армения. И если ты отправишься туда, возьми и меня с собой. А если сомневаешься, о той ли стране я говорю, я докажу тебе.

С этими словами Шапур взял кисть и быстро нарисовал вид Армении. Фархад взглянул и обрадовался. Будто снова посмотрел в волшебное зеркало. И был очень рад, что нашел доброго попутчика.

Наутро Фархад, едва встав с постели, вспомнил, что говорил ему Шапур, и стремглав помчался к нему.

— Ты пришел ко мне, чтобы напомнить об Армении?— спросил Шапур.

— Да! Ты дал слово. Помоги мне добраться туда!

— Я рад, что ты не отказываешься от моего предложения. Пойдем.

Друзья снарядились в путь и отправились туда, где ждала Фархада судьба.

Они шли, рассуждая о сложностях жизни, о свойствах дружбы и любви. Шапур не раз восхищал Фархада своими картинами, которые писал прямо в дороге. Спустя три дня Фархад присмотрелся к окрестностям и воскликнул:

— Смотри, Шапур! Да это же Армения! Сколько цветов! Вот этот луг — помнишь? — ты рисовал. А вот скалы, что предстали мне во сне. А вон, посмотри, на них работают люди. Пойдем, может быть, сможем им помочь?

Они направились к скале и увидели печальную картину: две сотни людей долбили крепчайший камень — и совершенно без успеха. Гранит был такой твердый, что кирки ломались, а от скалы не отбивалось ни крупинки. А люди все долбили и долбили, и всё впустую. Посмотрел на это Фархад, и его сердце сжалось от жалости и гнева.

— Эй, несчастные! — крикнул он. — Видно, все вы угнетены тяжелой долей. Кто обрек вас на этот изнурительный и бессмысленный труд? Откройтесь мне, и я вам помогу!

— Кто здесь говорит о правосудии?! — вскричали люди. А один из них, обратясь к Фархаду, сказал:

— Не видел я ангелов, но все-таки не похож ты на обычных людей. Ты спрашивал — так слушай же. У нас в стране есть сорок крепостей, правительница наша — Михин-Бану. Ведет она свой род от Афридуна¹ и знатна, как сам Джамшид².

И есть у нее племянница Ширин — стройная, как газель, румяная, как цвет зари; кто не видел ее — ничего не видел. Михин-Бану только о ней и заботится, и лишь Ширин для нее отрада.

— А что вы делаете? — спросил Фархад.

— Мы пробиваем в скале арык. Нам нужно провести его с восточного склона, где источник, на западный. Вода эта целебна. А на западном склоне стоит дворец нашей повелительницы, и ей хотелось бы, чтобы и во дворце была целебная вода. Вот наметки, — показал он. — Но здесь везде гранит, он не поддается нашим киркам. Сколько уж мы их переломали! Пытаемся доказать нашим начальникам, что этот труд бесполезен, но они не слушают нас.

Застонал Фархад от боли за этих людей.

¹ Афридун — один из мифических царей древнего Ирана.

² Джамшид — по преданию, Джамшид обладал чашей, взглянув в которую, можно было видеть все, что происходит в это время в мире.

— О, не за этим я шел сюда. Но... Подайте-ка мне все ваши кирки — и поломанные, и целые!

Фархад переплавил кирки, закалил железо, как научился когда-то у Карена, и выковал громадную кирку.

«Как бы не оплошать. Отобрал вот у людей орудия, а помочь вдруг не смогу»,— подумал Фархад. Но он решительно подошел к наметкам арыка и начал работу. Направо и налево отваливались огромные глыбы. За день он сделал столько, сколько остальные не сделали бы и за три года.

Все, кто там был — мастера, рабочие,— все бросились к Михин-Бану. Спросила правительница у них, зачем пришли.

— Вот зачем,— возбужденно говорили они.— К нам пришел какой-то юноша. Он прекрасен собой, хотя сильно изможден. Но посмотрели бы вы, что он делает с гранитом!

— Что же? Что он делает с гранитом?— спросила правительница.

— Он один уже пробил арык на полдлины.

— Вот как?— удивилась Михин-Бану.— Ширин, подика сюда.

Отпустила Бану мастеров и рассказала Ширин, что узнала от них. И о том, каков на вид юноша, и как он один за день сделал то, что множество людей не сумели сделать за три года.

— Кто же он такой?!— воскликнула Ширин.— Он добровольно помог нам, а мы напрасно растрачивали сокровища, чтобы заставить людей работать. Да! Я уже думала, арык не будет построен никогда, а этот чужеземец осчастливит нас водой. Эй, седлайте коней!

Ширин и Михин-Бану с сорока прекрасными девушками отправились посмотреть на чужеземца.

У Ширин был очень красивый конь, послушный и быстроногий. Звали его Гульгун, что значит «розовый»— он действительно был розового цвета. И Ширин была отличная наездница. Вот она стегнула коня и пустила его вскачь. Вскоре вся свита осталась позади. А Ширин... о, как она была прекрасна! Любой, кто взглянул бы на нее, даже самый отъявленный женоненавистник, влюбился бы до безумия. Две черные косы, алые губы... Да, о них надо сказать особо. Уста у Ширин были, как говорится, сахарные, но рассыпали соль— это значит, что остроумна и мудра была девушка. А ресницы, а глаза! Представьте себе пруд с чистой и прозрачной водой, по которому пла-

D. K. Cox 1985

вают черные лебеди. Вот такие были глаза у Ширин, плесняницы Михин-Бану.

И вот эта красавица с царственным взором предстала перед одетым в лохмотья, изможденным, но гордым и величественным сыном чинского хана Фархадом. А он и не видел ее — он продолжал с невероятной силой долбить гранит. Наконец, Фархад распрямылся, вытер пот с бледного лица и тут... увидел прелестную Ширин. Руки у него задрожали, тело окаменело. Фархад не мог вымолвить ни слова.

А Ширин зарделась вдруг от восхищения, остановила коня на скаку и, наклонившись, сказала:

— О доблестный витязь! На вид ты слаб, а рука твоя сильна. Но спасая нас от большой беды, ты навлек новую. Ведь мы даже не знаем, чем сможем отплатить тебе! Так что не обессудь, чем богаты...— И Ширин поднесла Фархаду чудесные дары.

«О, не та ли это девушка, что заставила меня уйти из родного края и отказаться от троша?»— подумал Фархад и печально вздохнул, да так, что слетела завеса с лица Ширин. Едва Фархад увидел ее лицо, как ноги у него подкосились и он упал, потеряв сознание.

Ширин заплакала:

— Он умер, он умер!

Шапур бросился к Фархаду и зарыдал:

— О ты, несчастный! Ты страдал всю жизнь. Лучше бы мне не знать тебя совсем, тогда это горе не постигло бы меня.

Так горевал Шапур. Ширин тоже заливалась слезами. И Михин-Бану не сдержала слез, и вся свита тоже горько рыдала.

Ширин приказала на носилках доставить Фархада во дворец. Два дня не отходили от него Ширин с Шапуром, ночи неотлучно были при нем. Когда же на третью ночь уснули Ширин и Шапур, Фархад, наконец, очнулся, открыл глаза и никак не мог сообразить, где он находится, как сюда попал и почему оказался на этом пышном ложе. И вдруг он вспомнил, как к нему пришла девушка прелестней пери и с этой красавицей он беседовал... Но что было дальше, Фархад не мог вспомнить.

«Может быть, красота девушки так потрясла меня, что я потерял сознание?» Прошиб Фархада холодный пот: что скажет он, если девушка вдруг навестит его? И он убежал из дворца, пробуждал всю ночь, а утром вернулся к ска-

ле и снова принялся за работу с удвоенной силой. «Если ей нужен арык — будет арык».

Проснулся Шапур и обнаружил, что ложе Фархада пусто. Проснулась Ширин и услышала страшную новость: Фархад исчез. Искали его, искали, и искали бы до ночи, если бы Шапуру не пришла в голову мысль, что Фархад в горах. Помчался Шапур в горы и увидел, что Фархад жив и здоров. Забыл Шапур и про горе, и про испуг и с нежностью обнял друга.

А Ширин между тем молча плакала в своем дворце. Ее уже жгла горечь разлуки. И вот, чтобы скрыть любовь, Ширин нашла предлог. Говорит она Михин-Бану:

— Боюсь, как бы не прогневался на нас народ. Ушел неизвестный юноша, и нам не пробить без него арыка. Разошлите-ка гонцов по всей стране, чтобы найти чужестранца.

Ошиблась Ширин. Михин-Бану была проникательным человеком, она сразу поняла, в чем причина: полюбился Фархад ее племяннице. Но не стала она упрекать, разубеждать Ширин. Принялась за поиски.

Когда же узнали о том, что Фархад опять долбит камень, Ширин как будто расцвела. Захотелось ей еще раз встретиться с юношей. И стала Ширин думать и гадать, как ей хоть раз повидать его, хоть издали взглянуть на Фархада, пусть он даже и не увидит ее. Ширин боялась, как бы юноша не растерялся еще сильнее, чем при первой встрече с ней.

Михин-Бану была с племянницей ласкова и все спрашивала, как та себя чувствует, чем опечалена. И убедилась, что любовь прочно проникла в сердце Ширин.

А девушка таилась. Да и кому было ей открыться, у кого спросить совета...

Фархад отдавался работе целиком и с каждым днем прокладывал арык все дальше. Проложит две параллельные черты на тысячу локтей вперед, три локтя ширина, — два — глубина. Так он все долбил и долбил, а за ним шли двести каменотесов, которые освобождали русло от камней. А если вдруг кончался каменный грунт и появлялся песок, не облегчалось дело для Фархада.

Чтобы песок не впитывал воду, Фархад без усталости ботал киркой.

Мало-помалу строительство арыка подходило к концу. Он был уже подведен к дворцу, и там Фархад выдолбил глубокое озеро. Около дворца высился утес. «Вот так горка, — восхитился Фархад. — Сама природа помогает мне.

Создам-ка я из этого утеса замок для Ширин!» Опять в ход пошла кирка, и над озером возник красавец дворец. Как снаружи, так и внутри дворец был прекрасен. Стены Фархад украсил картинами, и на каждой была изображена Ширин. На одной из них девушка сидела на троне среди своих прекрасных дев. Изображал Фархад и себя. И где бы ни были они нарисованы вместе, везде взор Фархада был устремлен на нее.

Шапур помогал ему во всем. Когда дворец был закончен, Фархад снова принялся за озеро. Стал ответвлять арыки, направлять их ко дворцу так, чтобы был он со всех сторон окаймлен водой. Закончив это дело, решил Фархад и город водой снабдить. А город был расположен внизу, и без воды там засыхали сады и огороды. Фархад вычислил высоту — она равнялась двум тысячам локтей, — и с этой кручи вниз бурной струей должна была устремиться вода.

Когда настал день пуска воды, весь народ охватило волнение. К месту зрелища спешили толпы людей. А несравненный витязь-богатырь брел с унылым видом вдоль арычного берега. Рядом с ним шел верный Шапур. «Вот идет народ, — думал Фархад, — чтобы полюбоваться делом рук моих. А Ширин, наверное, не будет... Если она придет, я умру от счастья; если не придет, от горя лишусь ума...» Так он шел, нес бремя тягостных дум и вдруг услышал отдаленный топот копыт. Это ехала Михин-Бану. Была она величава, и вокруг нее — блестящая свита. Народ радостно приветствовал царицу.

Фархад остановился, поклонился Бану и побрел дальше, не замечая, что с восторгом смотрят на него люди. Не затронул сердца каменотеса столь пышный праздник; скорбел и плакал Фархад о своей судьбе. Медленно брел юноша, часто останавливался. Шапур поторапливал его, но у Фархада то один предлог остановиться выскивался, то другой. На самом же деле он все смотрел, не прибыла ли Ширин — его любовь, страдание его, мечта. Но как ни медлил Фархад, он все же дошел до источника, а за ним пошел туда и весь народ.

А Ширин, которая знала о деяниях Фархада — и про дворец, расписанный узорами и картинами, равных которым нет по красоте, и про все остальное, что свершил Фархад и чего не смог бы совершить другой человек, — Ширин, узнав новость о пуске воды, отдала приказ оседлать любимого коня Гульгуна и послала гонца с просьбой задержать пуск воды до ее приезда.

Услышав об этом, Бану поспешила найти Фархада и сказала ему:

— Извини нас. Ты, наверное, устал. Присядь, я хочу сказать тебе: сейчас приедет сюда та, о ком все помыслы твои. Приободришься.

Ведя такой сердечный разговор, велела Михин-Бану расстелить рядом ковер и предложила Фархаду расположиться на нем. Фархад, весь в пыли, молча склонился перед ней и сел. И тут толпа зашумела. Это люди заметили, что вдалеке за клубилась густая черная пыль — мчалась в их сторону на коне красавица Ширин.

Увидев, что едет любимая, Фархад задрожал, а щеки его покраснели. Тогда Михин-Бану сказала ему:

— Не смотри на нее, Фархад. Принимайся за свое дело. Извини, быть может, я говорю с тобой грубо, но тебе сейчас это на пользу.

Встал, поклонился ей Фархад и пошел вместе с Шапуrom открывать проход воде. А тут как раз подоспела Ширин и счастливо улыбалась, осматривая арык.

Фархад киркой пробил отверстие, в которое хлынула вода из ручья. И когда вода показалась в арыке, в толпе раздались ликующие крики, а певцы стали настраивать свои инструменты, чтобы петь вместе с водой. Михин-Бану с племянницей погнались своих коней, чтобы опередить поток и в замке ждать прихода воды.

Оставшись один, Фархад опомнился и бросился догонять любимую. А конь Ширин вдруг споткнулся и захромал. Подбежал Фархад, наклонился, подсел под коня, схватил его одной рукой за передние ноги, другой — за задние, поднял вместе с всадницей и помчался быстрее ветра. Добежал до дворца, обогнул дворцовый водоем, подбежал к айвану и поставил наземь коня с девушкой. Едва сошла Ширин на землю, потекли в водоем первые струи. А Фархад со слезами на глазах покинул дворец.

Арык был уже полон. Люди называли его «Рекой жизни», а дворцовое озеро — «Морем избавления».

Безмерно рады были Ширин и Михин-Бану узнать об окончании работ, но Ширин страдала при мысли о том, что теперь Фархад покинет ее. И Михин-Бану была в затруднении: как по достоинству воздать за труд Фархада?

— Утеха глаз моих, милая Ширин, — сказала она. — Наш строитель скромн и невзыскателен. Совершив столько трудных и благородных дел, он ничего от нас не требует, хотя труд Фархада стоит таких сокровищ, каких мы и не видывали. Но совесть мне подсказывает, что, если нет

сокровищ, есть царское гостеприимство и честь. Отблагодарим его хоть лаской и сердечной беседой.

Глаза Ширин были полны слез радости и счастья. Бану приказала устроить пир, да не жалеть припасов. А Ширин повелела разыскать каменотеса. Выбрала она самых сметливых и учтивых людей, и те пошли на розыски. Нашли Фархада лежащим на земле, плачущим и несчастным.

— Ширин приказала нам разыскать тебя и проводить во дворец,— сказали они.

Фархад припал к ногам послов и залился слезами. На носилках, словно шаха, понесли послы Фархада к Бану во дворец. Встретили его со всеми почестями, Бану ободрила Фархада, утешила и посадила рядом с собой. Не обошли и Шапура.

На пиру было десять ученых дев-красавиц, ими очень гордилась Михин-Бану. Одна из дев писала нежные стихи, вторая танцевала, третья владела даром логического рассуждения, четвертая дева славилась талантом в астрономии и черчении, искусство пятой — алгебра, у шестой был дар слова, седьмая постигла глубины естествознания, восьмая — вершины философии. Девятая дева помнила наизусть древние предания, а десятая знала тысячу мудрых загадок.

Михин-Бану, оглядев собрание, взялась испытывать дев-красавиц. Слушая их, Фархад вспоминал все, что прекрасно знал когда-то. Он решил тоже поэкзаменовать дев. Но, в совершенстве зная науки, Фархад смутил просвещенных дев, ведь о тех тонких премудростях, которые доступны были юноше, ни одна из дев и не слыхивала. Тогда Фархад сам умело все разъяснил и был так красноречив и глубок в мыслях, настолько увлек пирующих, что все и думать забыли о еде. Михин-Бану была потрясена царственной тайной красоты, что озаряла черты Фархада. Она решила, что Фархад не простой каменотес, а искусный мастер и мудрец знатного происхождения.

А между тем Ширин, прячась за занавесью, все видела и слышала. И слезы текли у нее по щекам. Фархад тоже грустил по ней. А мудрая Михин-Бану думала: «Как чист этот юноша! Он может сгореть в огне страсти, если я не помогу». И царица распорядилась:

— Я не вижу моей племянницы, пойдите узнайте, что с ней. Скажите, чтобы пришла сюда, пусть явит свой солнцеподобный лик перед нашим дорогим гостем!

Ширин услышала и это. Ступая мягко и плавно, как

лань, вышла она из-за занавеси к Михин-Бану и гостю. Фархад так страстно смотрел на нее, так томительно вздыхал, что Ширин стало не по себе. Она подошла к кравчему, взяла из его рук чашу с вином и опорожнила ее. И так сказала Фархаду:

— О милый гость, своим искусством ты покори́л мир. Но ты силен не в одном лишь искусстве, ты наделен еще богатырской силой, овладел в совершенстве знаниями, и нет предела твоей просвещенности. Так пусть бог сохранит в тебе силу тела и красоту, сбережет твою душу и снимет грусть с твоего сердца!— Поклонилась Ширин Фархаду, налила в две чаши вина и одну из них поднесла ему.— Я пью за тебя и твою любовь,— сказала она. И осушила чашу.

Фархад тоже выпил до дна со словами:

— Я пью за тебя, Ширин, и за твою любовь.

Кончился пир. Смолкли дутары. Разошлись гости, веселые и пьяные. Ушел и Фархад. Ширин опять затосковала. Михин-Бану от волнения за Ширин чуть не заболела. Приказать Ширин не думать о юноше невозможно; обнадеживать Фархада — нельзя. Но, веря в чистоту его любви, Михин-Бану вновь пригласила Фархада. Потом еще раз. И еще.

Но Фархад и Ширин не знали, что уготовила им судьба.

Жил могучий властелин Хосров. Очень богат он был: земля и небо, вода и камень — все принадлежало ему. За это уважали и боялись его.

Хосров был странный человек. Не любил он ни жену, ни сына и не собирался делать его своим наследником. Решил Хосров жениться еще раз и разослал своих слуг, чтобы нашли ему достойную невесту. И вот Хосров узнал о Ширин, о ее красоте и изяществе, гордости и уме. «Влюблен в Ширин искуснейший мастер — ниспровергатель скал, сильный в науках и умелый в искусстве. Но того, кто сокрушал горы, сокрушила любовь. И видя, что крепка печаль каменотеса, девушка благосклонна к нему. Но если среди женщин нет равных Ширин, то и таких достославных мужчин, как Фархад, нет». Таков, слово в слово, был слух, дошедший до Хосрова. Разволновался Хосров и стал думать о тех двоих — о Ширин и этом... каменотесе. И стал ждать своих посланцев. И тот из них, что был в Армении, подтвердил слух об армянской красавице и могучем каменотесе. А приехавшие из других краев повторяли то же самое. Выслушал их Хосров и втайне воспылал

страстью к Ширин. И решил он отправиться в Армению за красавицей. Но так как был он властелином и считал, что не к лицу владыке пыл страсти, стал Хосров обдумывать, как поступить. Не привела бы любовь к оплошности...

На весь Иран был знаменит мудрец Бузург-Умид — визирь и советник шаха. Хосров призвал его и открыл свою тайну. Мудрец сказал:

— Не расстраивайся, обуздай торопливость страсти. Найди умного, знатного происхождения, верного тебе человека и пошли его к Михин-Бану. Она поймет, что в твоём сватовстве — большая выгода и честь. Посмотрим, что царица ответит. Если уйдет от прямого ответа, я уверен, ты найдешь достойное решение.

Согласился с мнением мудреца Хосров, нашел подходящего гонца, доверил ему свою тайну и снарядил в путь.

Иранский посол прибыл в Армению, достиг дворцовых стен.

Когда об этом доложили Бану, она велела направить посла в гостевой покой и приказала подать ему изысканнейших яств и лучшего вина. Затем приставила к послу достойных и проникательных людей, чтобы они побеседовали с послом Хосрова Парвиза и уразумели существо дела.

Узнав, чего хочет Хосров, Бану погрузилась в пучину тягостных дум. «Хосров ни в чем мне не уступает, — думала она. — Мне выгоден и даже лестен этот брак, он бы упрочил мою страну. Но Фархад... Жаль огорчать юношу, он так влюблен. Да и согласится ли Ширин? Заставить? Нет, это может привести к несчастью... Отказать Хосрову? Как бы тогда не пал на страну гнев этого могущественного царя...» Так она думала, думала и, ничего не придумав, позвала Ширин.

— Ширин, услада моего сердца, — сказала Михин-Бану. — Хосров предлагает тебе руку и сердце. Что ты на это скажешь?

Ширин побледнела.

— Нет, — сказала она. — Лучше мне умереть.

— Ширин, услада моего сердца, — продолжала Бану. — Ты сожгла мне душу своим отказом. Но я не буду тебя принуждать. Закончу дело миром и отправлю посланника.

Встретилась Бану на пиру с иранским послом и спросила его, как он перенес дальний путь, осведомилась о здоровье Хосрова. Вежливо отвечал ей посол, хвалил все, что увидел у нее. К концу пира Бану по обычаю преподнесла гонцу дары. И сказала:

— Пусть будет счастлив великий шах Парвиз. Передайте ему, что его предложение — большая честь для меня. Но положение дел таково: Ширин пока не хочет ни за кого выходить замуж. Ее утечи — конь да лук со стрелами. Из-за несвойственных девушкам привычек она отказывает всем. Открыли мы правду не без боли, пусть шах простит нас.

Посол не увидел отказа в таком ответе. Он решил, что девушка капризничает, и со спокойной душой вернулся к шаху, рассказал ему все. Разгневался шах и послал другого гонца. И опять получил такой же ответ. Он в третий раз послал гонца — гонец, страшась шахского гнева, не вернулся. Совсем рассвирепел тогда шах. И решил, что ответ — ложь от начала и до конца. «Нет, этого обмана я им не прощу. Я отомщу, страшно отомщу», — думал Хосров.

Велел он войскам выступать на Армению. Шли они несколько дней, и Армения была уже совсем недалеко.

Долетела тревожная весть до Михин-Бану. Не растерялась она и велела начальнику крепости приготовиться к осаде. Бану позаботилась и о том, чтобы укрепить свою власть в народе. А Ширин передала с военачальником весть Фархаду — мол, беспокойно в государстве, она боится за Фархада, пусть он укроется в крепости.

Выслушал Фархад военачальника и согласился пойти в крепость, но не для укрытия, а для обороны.

Пришел Хосров в Армению, расположил войска, а сам со свитою отправился обозреть здешние места, внимательно изучить местность. Хосров смотрел по сторонам, и взгляд его невольно обращался к крепости, на стене которой стоял Фархад. Заметил шах его и приказал своим слугам:

— Узнайте, кто этот дерзкий!

Один из воинов приблизился к стене и крикнул:

— Эй, кто ты? Назови свое имя! Чем ты знатен? Этого требует великий шах Парвиз.

— Я не принадлежу к именитым, — отвечал Фархад, — именем своим не дорожу. Оно стало мне чуждо, оно словно сгорело, как и я сам. Но люди не верят мне и до сих пор зовут Фархадом.

«Красноречив мой соперник, — подумал Хосров. — Надо его убить, а не то...»

Он прервал свои думы и крикнул:

— Эй, люди, кто храбрее?! Доставьте этого дерзкого пред мои ясные очи!

Увидел с высоты Фархад, что мчится отряд в десять всадников, и громко закричал:

— Эй, Хосров! Послушай! Если ты звал меня в гости, конвой в десять всадников мне ни к чему. А если ты решил обречь меня на смерть — мне не во вред и тебе не впрок. Не снимай шлема, иначе я разобью вдребезги твою голову! Вот мой привет. А вот и второй. Проверь, не сбил ли я острие с твоего шлема?

И Фархад метнул камень в шлем и сшиб острие. И снова закричал:

— Видишь, на что я способен? Проваливай отсюда, иначе все твое войско поодиночке истреблю. Хоть и пощадил я твой череп сейчас, но в скором времени ты его лишишься, это я тебе обещаю. Убирайся, пока цел!

— Я люблю Ширин! — крикнул немного оробевший шах.

— Ложь! Если бы ты ее любил, то не шел бы войной на ее страну, — отвечал Фархад.

Совсем опешил шах. Не ждал он такого разговора. Вернулся Хосров к своему визирю и рассказал о встрече с Фархадом. А Бузург-Умид так ему сказал:

— Не огорчайся. Оружие горцев — только лишь праща. А речь безумца, хоть и красна, и складна, — бессмысленна. Вот лучший совет — снова послать к Михин-Бану красноречивого посла. Пусть будет мягок с ней в речах, но сумеет внушить страх. А страх — отец согласия. Однако помни, Хосров, их крепость неприступна. Если штурмом взять ее не удастся, иди на любую хитрость. Иначе не возьмешь ты крепость ни в десять лет, ни в сто.

Нашел шах верного человека и отправил его во дворец послом. Пришел тот к Михин-Бану и повел такую речь:

— Покоритель неба шах Хосров велел мне передать: мы пришли с миром, но вы были к нам неблагосклонны, чем очень нас огорчили. Дорожа вашим расположением, наша госпожа, мы ждем ответа. А если вы снова не скажете ни «да», ни «нет», мы поможем вам дать искренний ответ. Вы так изволили разьяснить: девушке ненавистен брак, ей, мол, неприятна любовь мужчины. Но, говорят, некий каменотес, зовущийся Фархадом, в речах которого слышна одна похвальба и облик которого противен разумным людям, влюбился в пери, и она, судя по слухам, к нему небезразлична. Об этом говорит весь мир. Так что или вы говорите не все, или эта молва — ложь. В этом явно есть противоречие. Но мы, предпочитая мир, можем простить вас, если вы ошиблись, ведь людям свойственно

ошибаться. Мы не хотим раздора, мы искренне за мир и родство.— Этими словами посол закончил речь.

И тут Бану сказала так:

— Зачем же столь достойный человек, как шах, при- бег к столь недостойной клевете? Он говорит, что Фархад уродлив, что он повергает человека в дрожь? Напротив, трудно описать его красоту и достоинства. Хосров говорит, что Фархад — нищий, но я должна сказать, что нищим он стал добровольно: он отказался от трона. Нет в мире человека благороднее, умнее и трудолюбивее. Что касается Ширин — да, она холодна к мужчинам, однако же в Фархада влюблена. Да я нисколько и не удивляюсь, что Фархад пленил ее. Я удивляюсь тому, кто так ловко приписал ему все пороки. Каким же надо быть низким человеком, чтобы так о Фархаде говорить! И если шах ждет от меня извинений,— продолжала Бану, распаясь все больше и больше,— то напрасно. Его надежда, что угрозой можно снискать дружбу,— заблуждение. Пусть как хочет понимает меня!

Шахский посол вконец расстроился, что не получил желаемого ответа, со стыдом вернулся к шаху и все рассказал ему, дрожа от страха. А шах молчал и в досаде кусал губы. «Вот я опять отвергнут,— думал он,— а Фархада, будь он трижды проклят, Фархада, простого каменотеса, ставят выше меня, иранского шаха». Чем больше жег Хосрова стыд, тем сильнее гнев охватывал его. А в гневе Хосров был страшен. Повел он свои войска на приступ крепости.

Дошли они до крепости, расположились вокруг нее кольцом. Хосров приказал вырыть огромный ров, чтобы оградить себя с тыла. Началась осада. А в крепости каждый день тревожно стучали барабаны, крики дозорных не умолкали по ночам.

Десятый день защитники крепости жили в осаде, но подойти к стене Хосров так и не решался: сотни иранских воинов убивал Фархад своей пращей.

Но как же так? Фархад, кто сам столько страдал и умел сочувствовать страданию, Фархад, который рад был помочь любому несчастному, сердечен с каждым бедняком, который так ненавидел любой гнет, сам стал убивать людей! Впрочем, разве искусство самообороны — преступление? Выбора для Фархада не было — или он победит Хосрова, или Хосров его. Любя Ширин, любя ее народ, Фархад поступал как честный и мужественный че-

ловец, убивая врагов, а Хосров — как злодей, жаждущий растоптать весь ненавистный ему мир.

«Как убрать Фархада, как его обезвредить,— думал шах,— чтобы наконец начать наступление?»

Решил шах опять обратиться к визирю Бузург-Умиду.
— Что мне делать?— спросил шах.

— Найди верного тебе человека. И приведи его ко мне,— отвечал Бузург-Умид.

Нашелся такой человек. Перебежал он к Хосрову из крепости этой ночью. Привел его шах к Бузург-Умиду. Расспросил его визирь, чтобы понять, что за человек перед ним.

— Верно, шах. Хорошего помощника ты себе выбрал. Слушай,— сказал он перебежчику, подлому предателю.— Как, по-твоему, можно обезвредить Фархада?

Подумал изменник и так отвечал:

— Я лишу его чувств. Но прошу дать мне людей в засаду.

Выполнил шах его просьбу. Двинулся хитрец обходной тропой, сорвал розу, достал усыпительное снадобье и окропил розу этим зельем. Притворясь безумцем, он громко пел о той, по ком якобы страдал. Брел он нетвердым шагом и так громко, так жалко, так искусно стонал, что услышал его Фархад и сразу вспыхнул огнем жалости.

— Кто ты?— спросил он.— В чем твоя беда? И кто она, лишившая тебя ума?

— Я,— отвечал подлец,— из далекого края. Забросила меня сюда несчастная судьба. Я разлучен с милой, но, пока жив, не угаснет в моей душе пламя страсти. Хосров лишил меня последней радости — там, в крепости, та, кому я слагаю гимны. Я тут чужой, и меня в крепость не пропускают. Меня считают безумцем и швыряют в меня камнями. А ты, шах любви, неужели даже ты не веришь мне?

Фархада взволновал вымышленный рассказ лжеца. Юноше казалось, что про него самого рассказывает пришелец, и так это на Фархада подействовало, что из глаз полились слезы, он издал ужасный стон и потерял сознание.

Притворщик достал окропленную снадобьем розу и, чтобы продлить обморок Фархада, поднес ему к лицу дурманящий цветок. Успокоясь, что дело сделано, он подал знак засаде. Но не учел изменник, что в пяти шагах от него, за большим камнем, спал Шапур. Проснулся он от шума, в испуге вскочил и увидел: лежит его прекрасный друг на земле без сознания, а вокруг него суетятся шах-

ские воины. И среди них предатель поет и пляшет от радости. Разъярился Шапур, хотел броситься на врагов, но опомнился: он один, а их около сотни. Ну, убьют они его — не спасет он этим Фархада.

Взвалили шахские приспешники Фархада на плечи и понесли к шаху. Тогда поднял Шапур тяжелый камень и что есть сил швырнул его в голову изменника. Что ж, пришлось шахским воинам возвращаться без предводителя, но зато принесли они бесчувственного Фархада.

Обрадовался шах и щедро одарил их. Велел он сорвать с Фархада веревки и заковать врага в цепи. Затем позвал врача, чтобы привел Фархада в сознание. Открыл глаза несчастный пленник и с изумлением обнаружил на руках и ногах железные цепи. Качнул Фархад головой, шевельнул закованной рукой — нет, не сон это. На самом деле стоит он в цепях перед Хосровом. Понял Фархад, что он в плену у врагов. Однако же духом не упал, нахмурил брови, поклонился всем, хотел что-то сказать — да о чем говорить! Сомкнул Фархад уста, потупил взор — пусть Хосров говорит первым! Подивился шах достоинству пленника. Оперся он на свой меч и пронзил Фархада властным взором.

— Кто ты, безумец? — спросил шах. — Где родился?

— Нигде. У безумца нет родины.

— Каким ремеслом владеешь? — спросил Хосров, стараясь не замечать дерзости в ответе пленника.

— Вражда со злом — вот мое ремесло.

— И ты сыт таким ремеслом? — усмехнулся шах.

— Горящий сыт огнем, — последовал ответ.

— А в чем же суть твоего горения?

— В любви. Впрочем, твое каменное сердце не поймет меня.

— И давно началось твое горение?

— С первых минут моей жизни.

— Не отречешься ли ты от своей любви?

В ответ Фархад хотел ударить Хосрова, но руки были закованы в кандалы. Рассмеялся шах и продолжал расспрос.

— Что ты считаешь мукой для любви?

— Разлуку, — отвечал грустно Фархад.

— А в чем ее благодать?

— В свидании, — еще печальнее ответил пленник.

— Чем ты очарован в возлюбленной?

Промолчал Фархад.

— А в чем носишь свою мечту!

- Спроси еще, в чем я ношу свою душу!
- Ты мечтаешь о свидании с ней?
- Твой вопрос неуместен.
- Так что же, любовь — это убыток или находка?
- Такой убыток для влюбленного — десять находок.
- Но жемчуг, золото ты ведь ставишь выше любви?
- Пред философским камнем золото — прах,— отве-

чал Фархад.

— Слушай, безумец,— сказал шах,— не мнишь ли ты себя шахом?

— Любовь не судит — шах или бедняк,— последовал ответ.

— Подумай лучше о своем будущем...

— Влюбленный печется не о себе,— перебил шаха юноша.

— А если за отказ от любви я отдам тебе страну?

— Ты шах, а говоришь как нищий.

— Что ж, ты заплатишь за эту дерзость головой!

— Уж лучше голове быть отрубленной, чем слушать ей такие неумные речи.

Хосров был озадачен. «Как он горд, как тверд душой, как неподкупно мужествен этот жалкий пленник. Ведь я — великий шах, а как он дерзок со мной! Знает, что ему грозит смерть, а отвергает все мои предложения,— думал шах.— Но если столь крепка в нем гордыня, предам его жестокой казни, чтобы впредь чернь и нищий сброд трепетали перед царями».

Ярость охватила шаха, и приказал он соорудить помост и виселицу, казнить дерзкого врага и пустить в него, повешенного, поток стрел. Пусть висит, пронзенный стрелами, семь дней, чтобы каждый нищий, любой бунтарь видел разницу между шахом и собой. А спустя семь дней извлечь из петли презренный труп, сжечь на костре и пепел развеять по ветру, чтобы и следа не осталось от Фархада, чтобы навсегда забыли о нем.

Но визирь возразил шаху:

— Не прибавит тебе славы убийство Фархада. Да и оснований для казни нет. Одно уж то, что не боится он смерти,— свидетельство его невиновности. Не должен Фархад заплатить кровью. Хоть есть в нем признаки безумия, но немало и истины в его речах. А если он безумец, лишь тюрьмой грозит ему закон. Пусть посидит в заточении!

И шах смягчил приговор и заточил Фархада в старый замок Селасиль, чтобы жил он, отрешенный от мира и от Ширин.

Привели Фархада в темницу, и стражники, чередуясь каждый час, не спускали глаз с дверей. Шах пригрозил: если узник убежит, одних стражей он обезглавит, а других сбросит с минарета. Поэтому сторожа не отходили от дверей ни на шаг. Но видя, что Фархад стонет и льет слезы разлуки, они решили, что он ангел.

А Фархад не переставал стонать и плакать, четыре дня он ничего не ел и четыре ночи не спал. И вдруг узник вспомнил о магическом слове Сократа. Как бы ни был закован человек, если он знает это слово, может разомкнуть цепи и незримо уйти из плена. Фархад произнес заклятье, и все сбылось, как говорил Сократ. Оковы вмиг упали, отворилась дверь темницы, и юноша незримо прошел мимо стражи.

С тех пор, лишь только наступала ночь, Фархад уходил из темницы и то прогуливался по степи, то взбирался на крутой горный склон. Он оглашал окрестности стонами, изливая свою скорбь. «Я мог бы бежать,—думал Фархад.— Но сколько же ни в чем не повинных людей заплатят жизнью за мой побег!»

И он до зари возвращался в темницу. Однако сторожа скоро проникли в тайну его ночных дел и решили, что Фархад — дух. Однако, сговорясь между собою, они ему сказали:

— Зачем ты сидишь здесь закованный? Пока ты силен, ты нужен народу. Уходи. Пусть Хосров отрубит нам головы, но ты будешь на воле.

— Я не убегу,—отвечал Фархад.— Не могу ввергнуть вас в беду. Вам нет смысла жертвовать собой — вас пятьсот, а я один. Так неужели из-за одного надо лишить жизни полтысячи людей!

Ушли стражники, но с этих пор перестали следить за узником. Теперь он уходил даже днем, но бродил лишь в окрестностях, щадя своих сторожей.

В горах Фархад стал повелителем, покровителем и другом зверей. К юноше слетались птицы, ему подчинились свирепые львы, он привлек в свою свиту тигров и леопардов. Фархад садился верхом на волка и рассказывал ему о себе. Или же обнимал дикого козла и говорил: «О четвероногий друг, захлестнул меня ее аркан, и нет мне спасения». Фархад взывал к газелям: «Неужели вы не приведете мою газель?» Смотрел он и на джейрана, говоря: «Она ходит так же легко, как и ты». А соловью юноша шептал о розе, из-за которой нет влюбленному покоя. Обращался Фархад и к солнцу со словами: «Ты, светило,

езде ходишь, все видишь. Наверное, ты знаешь, где дом моей любимой. Загляни к ней в окно и скажи, что не жить мне в разлуке с нею». И так целый день то животным, то солнцу поверял он свою любовь. А потом возвращался к себе в темницу и снова стонал и плакал.

Хотя Фархад не убегал и возвращался к сторожам, слух о том, что он водит с ними дружбу и без оков бродит на воле, дошел до шаха, и это не понравилось ему. Хотел Хосров казнить сторожей, но передумал. «Непослушание должно быть наказано,— думал он,— но поступать не надо сгоряча. Может быть, Фархад в сто раз мудрее, чем мы, и эта казнь повлечет за собой страшные последствия. Лучше я притворюсь, будто ничего не знаю, а если вновь доложат, сделаю вид, что я не против».

Когда коварный Хосров Парвиз обманом захватил Фархада в плен, Шапур так безутешно загрустил, что от печали крепко захворал. Шатаясь, кое-как добрел он до крепости и нашел Михин-Бану. Рассказал ей обо всем, что знал. Через несколько дней он слег в горячке.

Народ не знал, куда исчез Фархад, жив он или мертв, но птицы распевали песни о любви и разнесли голоса влюбленных по всей земле. Дошли эти песни и до ушей Михин-Бану. Занятая думами о государстве, царица теперь печалилась еще сильнее. Ей приходилось горевать тайно, скрывать от Ширин свою боль. Она боялась, что Ширин узнает о муках Фархада и убьет себя.

А между тем Ширин сама предчувствовала недоброе и тоже тайком страдала. Решила Ширин однажды выйти на воздух, поднялась на крышу, оглядела сверху всю местность и вдруг услышала печальный голос. Прислушалась Ширин. Еле-еле разбирала она отдельные слова. Голос стих на минуту и снова зазвучал, и вот уже целую строчку расслышала Ширин. Голос пел о Фархаде: как он был одержим любовью, как создал он своим трудом арык, как потом был схвачен Хосровом и как погиб.

Побледнела Ширин, побежала к себе и упала там без чувств. А в это время Шапур пришел к Михин-Бану и сказал:

— С тех пор как Фархад стал жертвой низости шаха, нет мне покоя. Скорбя о нем, я пролежал три дня и так плакал, что чуть не ослеп. Но внезапно ко мне явилась прекрасная мысль: я решил побродить по крепостной стене. И вот я нашел там потайную лазейку и пробрался в стан врагов. И узнал, что Фархад жив. Я хотел побежать

к нему, но вспомнил о вас. Я знаю, вы беспокоитесь о нем, и я поспешил принести вам утешительную весть.

— Спасибо, Шапур,— сказала Михин-Бану.— Твоя весть — целительный бальзам. Ширин в обмороке от страшной песни, которую она сегодня услышала.

Михин-Бану привела Ширин в чувство и подвела к ней Шапура. Увидела та Шапура и вскрикнула:

— Ты?! Откуда ты явился, Шапур? И где же твой друг? Что с ним? Рассказывай, а то я умру!

— Если бы вы написали письмо Фархаду, я был бы рад отнести ему его,— ответил Шапур.

Ширин без лишних слов села за письмо. Она сообщала о своей любви и верности, о своих страданиях и просила любимого написать в ответ, как он себя чувствует, любит ли ее.

Когда Фархад прочел полученное письмо, радость охватила его. Шапур дал ему перо и бумагу, и Фархад написал Ширин о своих муках и бедах, о том, как тоскует по ней. Передал Фархад письмо другу, простился и снова зарыдал.

С большим трудом пробрался Шапур в крепость и отдал послание Ширин. Читает Ширин письмо — то вскинет черные брови, то нахмурится, то улыбнется, то зарыдает от тоски, то заплачет от счастья: «Жив мой друг!» С драгоценным письмом пошла девушка к Михин-Бану, и обе несколько раз перечитали его.

— Шапур, друг мой,— сказала Ширин,— расскажи, как ты встретился с Фархадом, обрадовался ли письму мой Фархад и что просил передать на словах.

Рассказал ей все Шапур. Девушка написала еще одно письмо, и Шапур отнес его Фархаду. Так и носил бы он письма влюбленных, если бы в один прекрасный день не узнал об этом Хосров. Шах решил, что против него готовится заговор или между Фархадом и Ширин есть тайный сговор бежать. А если так случится, что делать шаху? С кем сражаться, если не с Фархадом? Из-за кого вести войну, если Ширин будет далеко-далеко? А если через много лет и удалось бы найти их, опять надо было бы снаряжать новый поход, терпеть множество тягот. И Хосров отдал приказ: на всех путях в Селасиль выставить засады и изловить гонца.

И когда Шапур снова спешил в темницу к Фархаду с письмом Ширин, он попал в Парвизову засаду. Отправили его к самому Хосрову. Шах обрадовался своей удаче, одарил верных слуг. Отобрал он письмо у Шапура и прочел его. Но тут же стал мрачен, как грозовая туча. Читал Хос-

ров повесть о несчастной любви, о страданиях и тревоге, о жажде свидания. И о самом себе прочел Хосров. «Тиран, разоритель мирных людей, как он может любить?— писала Ширин.— Он лжив, груб, тщеславен и бессердечен. Обнажил разбойничий меч, а ведет речи о любви! Кто любит, кем движет святая страсть, тот рад пожертвовать всем для возлюбленной. А этот Парвиз... Избави бог, чтобы он прикоснулся ко мне! Если я — его мечта, то эта мечта неосуществима. Пока я жива, я буду ненавидеть его и не открою крепостных ворот. А если он силой захватит меня, убью себя кинжалом. Или ты, Фархад, или никто — вот мой зарок!»

Прочел это Парвиз. Был бы он справедливым, то уразумел бы, что Ширин права. Но спесь толкнула шаха на иной путь. Он заковал Шапура в цепи и опять отправился к Бузург-Умиду, сказал ему:

— Фархад околдовал Ширин. Что мне делать? Смириться? Но тогда я умру от стыда.

— Найди верного человека...

— Опять?— разгневанно перебил шах.

— Если не хочешь, не слушай,— обиделся визирь.

— Хочу, хочу!

— Найди верного человека и подошли к Фархаду: пусть шепнет узнику, что случилась, мол, беда.

— Какая?

— Ну, например, такая: «Дан Хосрову талисман — непобедим стал теперь шах. Он подружился с Михин-Бану, и Ширин согласна стать его женой. А раз она простила Хосрова, то твоя любовь, Фархад, ни к чему и было бы лучше, если бы ты ушел отсюда навсегда». Зачахнет Фархад, обещаю тебе,— заверил шаха визирь,— а Ширин любит тебя, Хосров Парвиз.

На этот раз Хосров нашел очень подлую, хитрую старуху. Ее коварству не было предела — все страшились ее злых чар. Она могла своей нечистой волей разрушить счастье тысячи семей. Шах подкупил ее и посвятил в свой коварный план. Она отвечала ему:

— Будь он хоть скалой, я его в пыль превращу!

Сказала так и побрела в Селасиль. Увидев ее, Фархад встал с места, спросил ее о трудностях дороги и о цели посещения.

— Бродила я, искала убежища, где могла бы забыть обо всем мирском. Я обрекла себя на отшельничество. Пока в Армении было спокойно, я жила с людьми и вери-

ла им. А теперь, когда нагрязнул шах Парвиз, сын мой, я решила уйти подалее от людей.

Склонился перед ней Фархад и спросил:

— Что потрясло тебя? Не случилось ли в крепости беды?

Вздыхнула старуха и словно нехотя отвечала:

— Михин-Бану, сговорясь о Хосровом, продала ему Армению. Она уже готова была и Ширин отдать за него. Но гордая девушка в день бракосочетания вонзила в себя кинжал, потому что Хосров был ей ненавистен. Но кто знает, как оно было на самом деле?.. Говорят также, что она покончила с собой потому, что Хосров убил некоего Фархада, который ее любил. А еще...

— Молчи!— закричал Фархад.— Избавь меня от своих речей!

Рыдая, вскочил Фархад и бросился бежать в степь. Коварная ложь пронзила его сердце и лишила рассудка. Добежав до скал, он упал в изнеможении. Черная тоска терзала его. Ничего не видя перед собой, в безумном отчаянии Фархад так бился об острый камень, что все тело его покрылось ранами.

— Прости меня, аллах, будь милостив ко мне!— стоял Фархад.— Призови меня к себе!

И душа покинула его тело. Закричали, завывали степные звери. Бросились они на злую старуху, разорвали ее в клочья и встали, как верные стражи, у тела Фархада.

А в это время один бедняк пришел к Фархаду предложить ему свою дружбу и вдруг увидел окровавленное тело мертвого юноши. Потрясенный ужасным зрелищем, побежал человек к людям и рассказал обо всем. Дошел об этом слух и до Хосрова. И хотя в душе он был рад смерти Фархада, страх возмездия не покидал его. Но коварный шах заглушил в себе этот страх и снова снарядил послов в крепость, не видя причины быть теперь отвергнутым Ширин. И Михин-Бану на этот раз согласилась. Ее советники сказали ей:

— Заклужи с Хосровом мир, нет смысла в войне: Фархад мертв, помочь нам некому. А Хосров разорил страну, так пусть теперь и восстановит.

Михин-Бану знала, что Хосров будет рад ее согласию. Но что скажет Ширин? Она ведь, узнав о смерти Фархада, пришла в отчаяние и несколько раз пыталась отравиться. И Михин-Бану приставила к Ширин людей, чтобы неотступно следили за каждым ее шагом.

Но, жалея и оберегая Ширин, мудрая правительница

все же понимала: народ прокликает жестокою войну. И потому предложила самой Ширин рассудить, что делать. Отвечала Ширин:

— Я дала зарок: или Фархад, или никто. Но теперь из-за меня могут пострадать тысячи людей. Я не хочу зла народу.

Обрадовалась Михин-Бану, на радостях задала послам шаха пир. И велела передать Хосрову:

— Мы счастливы принять предложение шаха. Но вот что нас беспокоит: с тех пор как началась война, Ширин тяжело заболела. Если бы шах забыл прошлое и снял осаду с города, он избавил бы нас от бедствий и невзгод.

Услышав такую весть, Хосров щедро наградил послов и снял осаду с крепости. Затем вновь послал гонцов, чтобы пригласили царицу и Ширин пожаловать к нему.

Не отказалась Михин-Бану, пришла, стала беседовать с шахом. И тут же исчезла их взаимная вражда, и между ними установились доверие и мир.

— Михин-Бану,— спросил шах,— а где же твоя Ширин?

— Она больна,— отвечала царица.— И все врачи говорят мне, что причиной этому духота. Ей нужна другая местность, чтобы воздух был влажнее и чище.

— Так поместите Ширин там, где ей будет лучше!

— Как вы благородны, шах,— сказала Бану.— Да, на севере Армении стоит гора, а на ее вершине есть сад и дворец, которые принадлежат Ширин. С большим трудом туда проведена целебная вода. Если бы отправить в то место Ширин, это было бы лучше всего.

Услышав это, загрустил шах. Ведь он знал: Фархад проводил туда воду. Но делать нечего. Отнесли Ширин в тот самый дворец, который построил ей каменотес. И Ширин по прошествии трех дней была исцелена.

А когда она совсем поправилась, все воины Парвиза собрались посмотреть на избранницу шаха. Пришел и шахский сын Шируйя — красивый, стройный юноша. Увидел он Ширин и влюбился в нее без памяти. Забыв о еде, о сне, думал Шируйя о прекрасной Ширин. О том, что не жить ему, если Ширин будет не его. И надумал, что не он должен умереть, а отец. И тогда Ширин достанется ему, Шируйе. И он подкупил войска и приказал схватить шаха.

Хосрова схватили и заключили в яму. Но чтобы он не мог убежать и потом отомстить Шируйе, тот приказал прикончить Хосрова.

Занял трон Шируйя. Возложил венец на голову и ре-

шил попытаться поговорить с Михин-Бану о Ширин. Отвечала Бану:

— Она еще больна. Когда поправится, пусть решает сама. Но лучше, Шируйя, поговори с ней: согласится Ширин — я дам ей благословение.

Написал Шируйя письмо Ширин и передал через своего посла. Вот что в нем было написано:

«Милая Ширин! Я полюбил тебя с первого взгляда. Ни Фархад, ни Хосров не мучались от любви так сильно. Я еще докажу свою любовь. Не отвергай меня. И хотя не жду отказа, предупреждаю: я заставлю тебя полюбить меня — хоть властью, хоть силой!»

Прочла Ширин письмо и закрыла лицо руками.

«Вот настоящий безумец,— думала она.— Кто мог убить отца, может совершить что угодно, лишь бы достичь своего. Значит, я его цель?.. Нет, не будет этого. Смерть... Лишь она мое спасение».

Приняв такое решение, Ширин вдруг повеселела и сказала гонцу:

— Прошу передать шаху, что я согласна.

Радостным вернулся к Шируйе гонец. Успокоился шах.

Пришел к Ширин верный Шапур, весь в слезах. И Ширин залилась слезами, вспомнив Фархада. Взял Шапур с собой несколько человек и пошел искать тело друга. Он нашел его в горах в окружении диких зверей. Увидев людей, звери разбежались. Люди же возложили тело Фархада на носилки, покрыли его шелком и парчой и так несли до самого дворца Ширин. Тайно внесли его во дворец и доложили об этом Ширин.

Посмотрела Ширин на Фархада, и нестерпимо ей захотелось забыться таким же сном, разделить ложе с милым другом. Легла она рядом с Фархадом, обняла его и умерла.

Напрасно Михин-Бану ждала до утра появления племянницы. Ширин не шла. Потеряв терпение, Михин-Бану со свитой отправилась в ее покой. Дверь оказалась запертой. Взломали дверь, вошли и увидели, что Ширин мертвая лежит рядом с Фархадом. Михин-Бану от горя оцепенела. Всю свою жизнь она посвятила одной лишь Ширин — и вот Ширин мертва! Лишась Ширин, лишилась Бану и жизни.

А что же стало с отцом и матерью Фархада? Отец Фархада умер, скоро умерла и мать. А так как у хана не было наследника, на трон взошел его младший брат. Военачальником у него стал сын Мульк-Ары — Бахрам, близкий

друг Фархада. Бахрам продолжал тосковать по Фархаду и всех прибывающих из дальних краев расспрашивал о нем. И дошел до Бахрама слух о Фархаде. Пришел Бахрам к хану и попросил отпустить его с войском в Армению, чтобы помочь Фархаду, если он жив. Хан подумал: «Если слух верен, вряд ли Фархад жив. А Бахрам слишком предан ему, он может быть опасен мне здесь». — И отпустил Бахрама.

Прибыл тот в Армению, встретил там Шапура и попросил рассказать все, что случилось с Фархадом. Привел Шапур Бахрама к гробнице их друга и поведал печальную повесть. Горестно оплакал Бахрам друга и решил воздать по заслугам друзьям и недругам Фархада. Шируйя испугался сильного врага, стал просить Шапура заступиться за него перед Бахрамом:

— Скажи ему, что я сам казнил убийцу Фархада, хоть он и был моим отцом. Я во всем согласен Бахраму покориться, только пусть он отпустит меня в Иран.

Бахрам согласился на это с условием, что Шируйя возместит все убытки от войны, которые понес армянский народ, вдвойне. И Шируйя тотчас опустошил свою казну и все отдал. Тогда Бахрам собрал всех пострадавших на войне и раздал им деньги, отобранные у иранского шаха. Потом собрал родню Михин-Бану и самого мудрого и справедливого, достойного быть правителем, возвел на престол, чтобы восстановил новый царь страну и утроил ее богатства.

Собрал Бахрам своих воинов и сказал им:

— Вы совершили со мной трудный поход и очень помогли мне. Теперь возвращайтесь на родину к своим семьям, к мирным делам и передайте хану, что я нашел Фархада и обрел настоящий покой.

Бахрам раздал воинам свои деньги и отпустил.

И поселились Бахрам с Шапуром в пещере недалеко от гробницы Фархада. И стали жить отшельниками. Этот путь для них желанней, чем богатство и власть. Ибо нет большего богатства, чем дружба, и никакая власть не властна над любовью.

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

В стародавние времена жил в Аравии человек. Выбрал он народ предводителем своего племени. Славился этот человек добротой и мудростью, богатством и щедростью. Лишь одно печалило его сердце: не было у него сына. Предводитель племени днями и ночами умолял всевышнего даровать ему сына — наследника, преемника. Сжалился бог, видя его мучения и благочестие. И вот в золотой колыбельке, весь в кружевах, лежит маленький Кайс.

Мальчик рос необыкновенно красивым и умным. Когда Кайсу исполнилось пять лет, он стал совсем юношей и отец решил, что мальчика пора обучать наукам. Но сын достойного человека должен учиться у достойного наставника. И отец повелел искать учителя.

А в той стране был известен один очень честный и справедливый человек, который обучал грамоте всех детей, кто желал учиться. И был он не только замечательным учителем, но и благородным покровителем — защищал слабых и кормил голодных, утешал несчастных и одевал бедных, смеялся над льстецами и презирал лень. Учитель был богат, его глаза радовали тысячи жемчужин и драгоценных камней, но он ценил красоту лишь одного сокровища. Эта была ученица, рядом с которой луна казалась ледной, а роза — тусклой. Ее лицо — что луна на темном фоне волос цвета ночи. Поэтому ее и звали Лейли, что означает «ночь».

Когда Кайс переступил порог школы, Лейли изнывала от жестокой лихорадки. Врачи ничем не могли ей помочь. Она долго страдала, но молодой организм взял свое. Когда ей вернулись силы, улыбка, румянец, и Лейли, здоровая и веселая, пришла в школу. И школа сразу наполнилась радостью и весельем.

В школе Кайс с первых же дней всех удивлял. Что бы учитель ни рассказывал, что бы ни писал на доске — казалось, Кайс все это давным-давно знает.

Когда Кайс впервые увидел Лейли, сердце его наполнилось тоской, по телу прошел озноб, лоб покрылся холодным потом, и Кайсу казалось, что он сейчас потеряет сознание. И понял Кайс, что им овладела любовь. Но он пересилил страсть, чтобы не оказаться предметом для насмешек, и все же не мог отвести глаз от прекрасной Лейли. А она, почувствовав взгляд, посмотрела на Кайса и

тоже сразу полюбила юношу. Но, чтобы скрыть свою страсть, безразличным тоном сказала:

— Пойдемте в сад, друзья мои!

Толпа школьников пошла в прекрасный сад, подобный Арему. И так трудно было Кайсу скрывать свои чувства, что сделался он глух и нем. О чем Кайса ни спросят, он в ответ молчит. И вдруг он отделился от толпы и исчез куда-то. Лейли, не находя своего возлюбленного, тоже отстала от подруг и побрела в глубь сада. Там она попала на потаенный луг (того, кто попадет на этот луг, уже никто не сможет ни увидеть, ни найти) и увидела... Кайса. Роза красоты смогла найти своего соловья даже на потаенном лугу. Кайс лежал на земле и горько рыдал.

— О дивный юноша,— услышал Кайс голосок нежный, как пение жаворонка.— Открой свою печаль. Чем ты озабочен?

У Кайса от волнения отнялся язык, он словно окаменел, по щекам потекли слезы. Наконец, обретя дар речи, он ответил:

— О прекраснейшая из прекрасных, ты видишь — я обжиг огнем. Это ты заронила мне в душу огонь печали. Я прожил немного лет, но чувствую, что настал мой конец. И беда эта — ты. Лишь тебя одну виню во всем! Ты причина моих слез. Зачем же подливаешь масла в огонь, зачем клеймишь ожогом?..

Кайс лишился чувств. Лейли бросилась к нему и завыдала:

— О горе мне! Лишь по моей вине он погибнет!

Лейли приказала своим рабыням найти человека, который бы доставил Кайса в его опочивальню.

Кайс очнулся у себя в опочивальне и вспомнил, что на лугу он видел Лейли. «Нет, Лейли не придет, сколько ее ни умоляй, и нет лучшего лекарства от любви, чем смерть»,— решил он.

Кайса стали охранять два преданных предводителю человека. Но Кайс, как тень, проскользнул незамеченным, побрел в сад и стал думать о своей судьбе и о своей любви.

Всполошились домочадцы, когда узнали, что Кайс исчез. Послали гонцов во все стороны, но гонцы возвратились ни с чем — Кайса они не нашли. И вдруг приходит какой-то незнакомый человек.

— Я видел Кайса.

— Где? Где?!— вскричал отец Кайса.— Где ты его видел?!

И путник повел их к тому месту. Кайс сидел на земле, размазывая грязь по лицу, по щекам у него катились слезы, а ворот рубашки был изорван в клочья.

— Да он потерял разум!— восклицали одни.

— Он не в себе!— вторили другие.

Кайса уложили на носилки и принесли домой. Родители день и ночь стонали от горя, не зная, как сыну помочь, что делать.

А Кайс, придя в себя, вдруг отчетливо вспомнил, что с ним произошло. Это было позором. Кайс стыдился поднять взгляд на родителей. Но ни отец, ни мать не укоряли сына, им хотелось, чтобы он навсегда забыл о своем позоре.

А Кайс, оставшись один, не смог вынести бремя любви и поспешил к своей возлюбленной. Он шел, падал, вставал и снова шел. Он пел и плакал о своей любви, об огне, горящем в его сердце. И луноликая Лейли тоже плакала, тоже грустила о Кайсе. С ней жила ее старуха нянька, которая всем сердцем желала юноше и девушке нерасторжимых уз.

Лейли услышала песню возлюбленного и поспешила к нему. Кайс, увидев Лейли, лишился чувств, а Лейли, увидев это, тоже упала в обморок. Старуха нянька заплакала навзрыд, увидев их обоих бесчувственными. Девушку она отнесла на руках в дом, а юношу понесла в степь— подальше от людских глаз, взвалив его себе на плечи, и оставила там на песке.

Родные Кайса, узнав, что он опять не ночевал в своем шатре, послали людей на поиски. И люди нашли следы Кайса, ведущие к становищу Лейли. Они пришли по тем следам в ее становище и нашли там новые следы. Одни— глубоко вдавлены в песок, другие— легкие, будто кошка ступала, а третьи вели в пустынную глушь к песчаному холму. Люди разрыли холм и нашли там бледного недвижимого Кайса. Это пустынный ветер занес его песком. Очутившись на воздухе, Кайс, все еще неподвижный, вздохнул.

— Он жив! Жив!— раздались радостные крики.

Один из людей взвалил Кайса на плечи и отнес в шатер. Там Кайс и очнулся. Но как объяснить людям свой поступок— Кайс не знал.

— Тебя сломила страсть?— спрашивали одни.

— Кто околдовал тебя?— допытывались другие. Что ни слово, то острый меч.

— Его нужно избавить от опасных дум,— говорили первые.

— Его нужно заковать в цепи,— советовали вторые.

Кайс в ответ молчал. Молчал и с нетерпением ждал наступления ночи, чтобы увидеть свою «ночь»— Лейли. И чуть только стали зажигаться звезды, он направился к шатру Лейли.

Утром родители Кайса опять не обнаружили сына в его шатре и опять нашли его бесчувственным в степи, и тогда они поняли, что с сыном случилась непоправимая беда: Кайс безумен, и никакие слова и доводы разума не убедят его. Врачи, лекари, знахари, колдуны оказались бессильными, и люди прозвали Кайса Меджнуном, что означает «безумец».

Отец Лейли от одного человека узнал о Меджнуне.

— Кайс — несчастнейший из смертных. Все удивлялись его способностям, он был разумен, но теперь, кажется, сошел с ума. Он чуждается людей, убегает в степь и распевает там стихи о своей любви,— говорил вестник.

— Бедный юноша!— воскликнул отец Лейли. Он был растроган до слез.—Его так хвалили, что сглазили. Да, погибла светлая голова! А кто же та прекрасная роза, что свела его с ума?

— О, его кумир — в твоём доме. Она прекрасна, как весенний цветок, у нее учтивый и скромный нрав. Но бог заставил вздох юноши проникнуть в ее сердце. Говорят, в стихах Кайса нет ни малейшего изъяна, но в каждой строчке — лишь одно имя. Ты должен сам понять, кто она. Но не гневись, возьми разум в советники.

Отец Лейли сначала даже слова не мог вымолвить, но, очнувшись, сказал:

— Ступай к предводителю племени Амир и передай, что такие речи Кайса нас недостойны. И пусть отец делает что хочет, но смирит строптивый дух своего сына. А лучшее лекарство для сумасшедшего — заковать его в цепи. Пусть предводитель запрет своего Меджнуна или не подпускает его к моим шатрам. А если он так не сделает, я объявлю ему войну.

Отец Кайса чрезвычайно расстроился и вынужден был согласиться, чтобы спасти свой народ.

А Меджнуна опять не оказалось в шатре, опять нашли его в степи и заковали в цепи. Кайс, уже Меджнун, закованный в цепи, теперь страдал невыразимо сильнее. Он не ел, не пил, не спал. Слезы постоянно застилали его глаза. Отец вновь призвал врача. Но не знал тот врач, как вели-

ка любовь Меджнуна! Врач предлагал влюбленному шербет — тот лил горькие слезы; бил его палкой — в ответ слышался безумный смех. Врач был в отчаянии.

Оставили Меджнуна одного, привязанного цепями к столбу. Меджнун проклинал судьбу, свою любовь, отца Лейли, самого себя и метался около столба, точно разъяренный зверь. Потеряв надежду на освобождение от железных пут, Меджнун разорвал привязь, отбросил цепь и побежал в степь. Но ослабевшие ноги отказывались ему служить. Он пробежал лишь несколько шагов и упал.

В ту ночь, когда Лейли возвращалась домой из сада, ее увидел один человек, которого звали Бахт Ибн-Селлямом. Это был очень богатый и знатный человек. Его баранам и быкам не было счету. Увидев Лейли, он сразу же влюбился и решил преподнести ее отцу сто самых редкостных и дорогих подарков.

Отец Лейли знал Ибн-Селляма уже давно и всегда питал к нему симпатию, поэтому сразу дал согласие на обручение. Лейли в это время гуляла в саду между кустами роз, которые пробудили в ней такую тоску, что девушку бросало то в холод, то в жар.

У ее старой няньки даже дух захватывало при мысли, что Лейли узнает о намерении Ибн-Селляма, — так нянька жалела девушку. И она решила скрыть от Лейли, какой удел ту ожидает. Однажды в дом пришли родственники, друзья, подруги, знакомые — навестить больную Лейли. Чтобы развлечь девушку, они стали ее утешать:

— О роза красоты! Не огорчайся. Ты скоро снова будешь весела и здорова. Нет в мире никого краше тебя, да и твой жених прекрасен. Его зовут Бахт Ибн-Селлям.

Лейли, услышав это, лишилась чувств. Очнувшись, поняла, что от судьбы никуда не уйдешь, что в жизни ей больше не знать усад. И Лейли обратилась к няньке:

— Ты согрела мою жизнь. Ты жалела меня, когда мне было грустно. И ты, ты, которая знала о моей судьбе, скрыла тайну! Но я знаю: это не твоя вина. Тогда исполни хотя бы мою просьбу. Прогони отсюда людей, пусть они не заходят в мой покой.

Нянька исполнила ее волю.

Как только Лейли увидела, что осталась одна, слезы хлынули у нее из глаз. Она молила бога о том, чтобы ее не отдавали замуж за Ибн-Селляма, потому что она любит Кайса. И у него, и у нее самой больше нет сил вынести эту муку. Лейли не знала, что ее подслушивала мать.

Когда Меджнун в очередной раз разорвал железные це-

пи и вырвался из неволи, а посланные за ним вернулись с пустыми руками, отец безумца очень расстроился, а мать залилась слезами. Но этим горю не поможешь, и родители решили обратиться за помощью к всевышнему. Может быть, аллах, узнав о двух беспомощных сердцах, вернет им сына.

Как раз в это время были дни паломничества. Родители Кайса вновь отправили гонцов в степь, и Меджнун был в конце концов найден. Отец и мать решили отправить его в Мекку, к Каабе — священному камню мусульман. Прибыли паломники в Мекку и увидели благословенный храм, в котором хранится священный камень. Меджнун, охваченный благоговейным трепетом, обошел вокруг него и вдруг иступленно закричал:

— О владыка! Ты простираешь дороги любви, ты даешь нам благодать любви, чтобы после закидать нас камнями! Ты испепелил скорбью мою грудь, и вот, наконец, я перед тобой. Мое тело в язвах от любовных ран, испепеленная душа — темнее золы, и все же я молю тебя о спасении. Не прошу погасить моей любви, не говорю: убей мою любовь. Я прошу: раздуй огонь сильнее! Я прошу: не мешай пожару! Люди мне говорят: «Забудь Лейли». Но это бесчестье! Позор и стыд! О владыка! Когда мне изменят силы, позволь сказать мне «Лейли!» в последний раз...

Когда Меджнун поведал богу о своей сердечной муке, все вокруг словно оцепенели и каждый шептал: «Аминь! Аминь!» Родные Кайса, слушая его бред, поняли, что пути к спасению нет, и отвели Меджнуна домой.

После паломничества отец Кайса впал в неопишное отчаяние. Он уже не надеялся спасти безумного сына и решил так: пусть живет как знает.

И вот Меджнун один скитается в горах, в глухих степях, где нет ни одного человека, а только шакалы да лисы. Он шел, не зная куда, какая-то сила толкала его вперед, и он подчинялся этой силе. Измученный, в пыли, опаляемый солнцем, Меджнун брел по глухой степи и все время твердил имя возлюбленной. Лейли он посвящает сто стихов, о Лейли говорит в каждой фразе, в каждой букве. Меджнун рыдал, как ребенок, и его плач долго отзывался эхом. Он забыл отца и мать, он позабыл вкус яств и питья, он помнил лишь одно — имя Лейли. Он чуждался людей, беседуя лишь с дикими животными. Газели были его подругами, волки — слугами.

А в этой пустыне жил один очень мудрый и честнейший человек. Звали его Науфаль. Он прославился своей мет-

костью в стрельбе из лука. Однажды на охоте в погоне за дичью он забрел в глухую даль, где газелей видимо-невидимо. И вдруг, только Науфаль натянул тетиву, все газели бросились прочь. Они мчались к своему покровителю — Меджуну. Науфаль несказанно этому удивился. Он обратился к своему ловчему:

— В чем дело? Кто этот юноша, который не дает мне охотиться?

— Этот юноша влюбился в одну красавицу и вот от любви потерял рассудок и живет здесь в степи.

Заплакал растроганный Науфаль. Опротивела ему охота.

— Друзья,— сказал он,— не будем обижать зверей. Привяжите собак.

Науфаль подошел к Меджуну, к которому сразу почувствовал приязнь.

— Привет тебе, добрый юноша!

Кайс в ответ поклонился и сказал:

— Странно, ты живешь в довольстве, ты не схож с невежественной толпой, а твоя стрела убивает зверей. Или ты не знаешь других развлечений? Если ты наступишь на колючку, ты сразу закричишь и отскочишь, а зверей не жалеешь. Не будь убийцей. Стань добрей!

Науфаль услышал такие речи и, склонившись перед Кайсом на колени, молвил:

— Да! Я принимаю все твои упреки. Не буду я больше преследовать дичь. Себя убью, а зверей — ни за что. И речь твоя будет вечно жить в моей душе. А теперь послушай меня. Ты покоришь мой разум. Но я удивляюсь твоему образу жизни — ты стал другом зверям, а с людьми не видишься совсем. Неужели тебе неприятна связь с людьми? Ведь человек — светило творения. Я знаю, по какой причине ты покинул людей и живешь в пустыне,— тебя сожгла любовь. Если так, прошу тебя: покинь на некоторое время своих зверей и погуляй со мной в тех местах, где живет твоя возлюбленная. Я хочу соединить тебя с Лейли. Если ни просьбы, ни казна не помогут, нам поможет война. Чего не сможет золото, то сможет меч. А если бог будет против нас, тогда я сделаю тебя своим сыном. Но только оставь своих диких друзей. Если встреча с ней — твое заветное желание, я помогу тебе.

При слове «встреча» Кайс задрожал всем телом, на глазах у него выступили слезы, но он радостно улыбнулся.

— Ты произнес слово «встреча»,— сказал Кайс,— и все стало мне чуждым здесь, в пустыне.

— Ну вот и прекрасно. А пока войдем в мой дом.

Науфаль отобрал из своих людей самых красноречивых и, доверив им дорогие подарки, повелел передать эти подарки отцу Лейли со словами:

«Ты, кому покорны скакуны счастья, послушай: Кайс воспылал к Лейли чистой любовью. Из-за этого он покинул отчий дом и стал жить среди степных зверей. Он постиг все тайны науки, проник в сокровенный их смысл. Что думает отец и что делает, узнав, что сын объят сердечной мукой? Хоть Кайс не был тебе сыном, ты мог бы поступить с ним, как с родным. Ты сделал Кайса пленником скорбей, ты отверг боль живого существа. Я принял участие в его судьбе, я нашел его в степи и привел к себе. Он мне стал сыном и другом».

Затем Науфаль повелел преподнести в дар отцу Лейли драгоценности и деньги.

Отец Лейли гостеприимством почтил высокое посольство, но, когда ему изложили суть дела, пришел в ярость.

— Лейли должна достаться мужу славного рода.

— Но отец Кайса — предводитель племени, — возразили ему.

— Я тоже предводитель племени. Нет, Лейли должен владеть другой, достойный мужчина. Я не вижу причин подчиняться вашему Науфалю. Если он объявит войну, мы не дрогнем. Идите.

Огорченные послы ушли, унося страшную весть для Кайса, свое смущение и уязвленную гордость.

Услышав такой ответ, Науфаль призадумался, а потом стал собирать войско. Меджнуна он держал рядом с собой. Вскоре войско двинулось в поход. Отец Лейли не замедлил приготовиться к обороне. Завязалась страшная, кровавая битва. Свистели стрелы, летели копья, падали люди. Рать Науфалья была сильнее, и ярость разгорелась в ее бойцах. Когда враги почувствовали это, ими овладел страх. Отца Лейли охватило отчаяние, и он решил прекратить сражение, иначе Науфаль их одолеет и заберет в плен Лейли — гордость и красу племени. И задумал тогда отец Лейли лишить жизни свою дочь, чтобы не досталась она врагу и не потеряло племя своей чести. Обрадовалось войско, что так легко можно выйти из положения.

А Кайс постоянно думал о Лейли. Как подумает о ней — лик его то бледнеет, то озаряется радостью. Кайс хорошо понимал, что грозит племени девушки, и его сердце сжималось от горя. Однажды во сне Кайс услышал чьи-то легкие шаги. Он сразу узнал шаги Лейли. И упал

перед ней на колени, но Лейли подняла его, сняла с себя драгоценное ожерелье, надела Кайсу на шею и сказала:

— Милый Кайс! Верный друг! Вечный друг! Мой отец решил убить меня, как взойдет заря. Благослови мою судьбу. Я жаждала раствориться в любви, искала в любви небытия, и вот оно — небытие. Прощай навсегда. Завтра я умру. А ты живи, живи вечно.— Лейли заплакала и покинула Кайса. Закричал Кайс от ужаса, проснулся от собственного крика, сам испугался и людей всех перебудил и испугал. Закричали воины:

— Что это означает?! Нет ли здесь врагов?

Меджнун рассказал Науфалю свой вещий сон. И так закончил:

— О повергающий врага в страх! Прошу тебя, спрячь меч в ножны, не продолжай войну! Не в племя отца Лейли ты вонзаешь стальной клинок, а в меня. Не в племя отца Лейли полетят твои стрелы, а прямо в мое сердце...

Удивился очень Науфаль. Он подумал было, что Кайс снова сошел с ума, но, выслушав страдальца, понял, что Меджнун во всем прав.

— Ладно, Кайс, уйдем назад, пусть будет жива Лейли.— Науфаль с войском удалился, а Кайс с воплем скакал по степи.

Отец Лейли со своими соплеменниками долго думал о таком повороте дела. Не хитрость ли на уме у Науфаля? Враг был так близок к победе и вдруг все бросил. Надо быть настороже. И решил разбить стан в другой степи.

Меджнун всю ночь не слезал с коня и, утомленный, утром решил поехать к ручью. Там он встретил о чем-то грустившего путника.

— О чем тоскуешь ты, странник?— спросил Меджнун.

— О мой господин,— отвечал путник.— Твой раб, я впал в отчаянную нужду. Я нищ и гол. Я прошу подаяния, пищи. Мое пристанище — племя Лейли.

— А как твое имя?

— Меня зовут Зейд,— сказал путник.— Жалок мой жребий. Когда Науфаль, ставший слугой и другом некоему Меджнуну, ушел со своей ратью от стана Лейли, народ решил, что Науфаль приготовил ловушку и, прервав войну, хочет заманить нас всех в капкан. И вот в ту самую ночь, когда Науфаль повернул коня прочь от племени, я заснул, а когда проснулся — стан исчез. Я хотел вернуться к племени, но два стражника преградили мне путь, это были воины Науфаля. Они отняли у меня мешочек с провизией, да какой там провизией!— двумя кусочками черст-

вого ржаного хлеба да двумя медными монетами — и изранили меня. А теперь я немощен, хил и нищ. Я поспешил уйти в степь и вот встретил тебя. Но если ты такой же вор, как они, я скажу, что руки мои пусты, карманы дырavy, а ноги слабы.

— О мой друг! — ответил Меджнун. — Ты сейчас ранен и нищ, и я с радостью послужу тебе. Ты думаешь, что пострадал от людей Науфаля? Нет. Меджнун — виновник твоих бед. Меджнун — это я. Ты нищ, так возьми лом или меч и порази недруга, рассеки его надвое и разруби сердце на куски. Ты боишься злодеяния? Не бойся. Я заранее отпускаю тебе все грехи, я прощаю тебя.

Он снял с себя одежды и доспехи и положил у ног Зейда, спешился и подвел коня к Зейду.

— Я приму за тебя смерть. Если ты найдешь Лейли, передай ей привет.

Потрясли Зейда эти речи. Он поклонился Меджнуну и сказал:

— О светлоликий избранник дней. Лейли — заря твоей надежды. Она слаба от любви твоей, ее уста повторяют лишь твое имя. Я расскажу ей о тебе. Прикажешь — я передам ей привет, прикажешь — принесу тебе ответ.

— Для моих ран твои слова — бальзам. Ты говоришь — передашь ей мои слова, но, увы, слов у меня нет. Ступай! Надень вот эти одежды, садись на этого коня и бог с тобою.

И благодарный Зейд направил скакуна к становищу племени Лейли. Туда же пошел и Меджнун.

В жаркий полдень Меджнун прибыл к прежнему месту стоянки племени Лейли. Он обошел следы стана и вдруг увидел старого больного пса, покрытого струпьями, лишаями и язвами. И пес, незнакомый с мазями и пластырем, зализывал раны с такой яростью, с какой когда-то в былые дни лаял на луну.

Меджнун, увидев это жуткое зрелище, отогнал ворон, которые пытались выклевать псу глаза. Он поцеловал страдающего пса, разорвал свою рубаху и наложил повязку поверх ран; он хорошо помнил медицину, и это ему пригодилось. Кайс перенес больного пса в тень и сидел около него, отгоняя мух. Меджнун говорил с ним о Лейли — о бывшей хозяйке пса. Прохожих привлекали мудрые речи юноши. Кто его знал — плакали, жалели, кто не знал — удивлялись: сидит человек и разговаривает с собакой о любви.

А Зейд, отправленный к Лейли, наконец дошел до ее

стана и поговорил с девушкой наедине. Он рассказал о ее несчастном друге, о том, как Кайс ее любит. У Лейли закружилась голова, дыхание приостановилось, а сердце мучительно сжалось.

— Твои слова для меня — живая вода. Ты вернул душу моему телу. — Она принесла из шатра шкатулку с редкостными жемчугами и сказала так: — Твоя вещь дорога. Она ценней подарка во сто крат. Но где тот безумный раб любви? Я напишу ему письмо.

Зейд доставил Кайсу письмо, и Меджнун прочел нежное послание:

«Бессильная шлет письмо больному, далекая шлет письмо близкому. О ты, в ком от любви ко мне — печаль, ты ни разу не выпил даже глотка любви. Ты не закроешь своей головы от печали. Ты, став из-за меня пеплом, теперь путаешь свои шаги цепями безумия. Твое лицо покрыто пылью степей. Кто сдует пыль, кто смоет с тебя эту пыль? Ты весь в занозах — некому их вынуть. Вместо постели у тебя трава, вместо чаши — цветок. О, как бы я хотела разделить твою судьбу. Если бы я стала тенью, я бы целыми днями ходила за тобою. И хотя ты болен недугом страсти, ты мужчина и можешь пойти куда хочешь, а мне бежать не дают оковы. Я бы сломала цепи, но существует девичья честь».

Меджнун, прочтя письмо Лейли, стал слабее тростникового пера. Даже письмо ответное он просил написать Зейда. Но Зейд, не вняв просьбе, подал Меджнуну перо, чернила и бумагу. И вот уже Зейд несет письмо Лейли. Лейли, узнав, что это послание от Кайса, тут же вскрыла его и начала читать. Зейд тихонечко удалился.

«Как хорошо, — писал Меджнун, — что придумали люди письменность.

Если бы я внял разумным голосам, если бы дал своим глазам возможность не видеть тебя, я бы избежал своей гибели. Ты написала мне письмо, наполненное печалью. Каждая буква, написанная тобой, — поэма, но есть в твоём письме жестокие слова: «Вы обнажили меч против нас, вы хотите обречь мой народ на смерть». Кто, взглянув на муравья, назовет его львом, кто скажет о комаре: «Это слон?» Никто. Мои войска — дикие звери. Науфаль нашел меня в глуши, узнал, что ты — недуг моей души. Он увел меня с собой, и я узнал, что он жаждет обнажить меч мести. Это я потом остановил его меч, это я предложил Науфалю уйти. Он говорил мне слова почета, но я ничего не понял, даже своего ответа. У меня нет воли, и чувствую я, что

погибаю. Среди живых я — мертвец. Если я умру — останься другом неживому».

Лейли, прочитав письмо, словно ожила. Слова Кайса принесли отраду ее сердцу, она сделала письмо талисманом. И Меджнун хранил послание Лейли как талисман.

С тех пор как Кайс покинул дом, у отца его не осталось сил страдать, мать убивалась по сыну. Отец решил во что бы то ни стало найти Кайса и уговорить его вернуться назад. Может быть, сын сжалится над его сединами. Отец оседлал верблюдицу и отправился в степь. У каких-то развалин он и нашел сына. Меджнун спал, но, услышав человеческие шаги, проснулся, вскочил и отбежал в сторону. Заплакал тут отец навзрыд:

— Ты чуждаешься даже своего отца, ты и вправду сошел с ума.

— Отец! — вскричал Кайс. Он подбежал к отцу и пал перед ним на колени.

Отец поднял сына с земли и обнял его. Когда два родных сердца испытали сладость встречи, отец воскликнул:

— Несчастный мой сын! Ты часть меня самого, ты плоть моя. Даже неродившимся ты был частью моего сердца, и по твоим жилам текла моя кровь. Я требовал тебя в молитвах, и когда, наконец, нашел, ты избегаешь меня. Я знаю, над тобою властвует любовь. Но тот, кто в глубокой реке будет двигать руками и ногами, не утонет, тому, кто обнажит меч на врага и с бесстрашием ринется в бой, не достанется презрение мужественных. И тот, кто не старается спастись, не может не погибнуть. Так сверни же с опасного пути, мой сын, обнажи меч против страсти, бей руками и ногами, но выплыви из этого болота. Нет покоя матери без тебя, целыми днями она молит господу вернуть ей сына. А если мы умрем, что ты скажешь богу, что ответишь гневным небесам?

Выслушал Меджнун слова отца и снова припал к его ногам.

— Ты говоришь о воле — ее унес поток моих слез. Ты говоришь о мужестве — оно растворилось в моей любви. Но твои слезы для меня — приказ. Как повелишь, так я и поступлю. Но я недостойн называться твоим сыном. Не Кайса ты видишь перед собой — Меджнуна. Истерзанного в цепях любви, испепеленного ее огнем, наказанного судьбой — Меджнуна ты видишь сейчас.

Меджнун отвязал от сбруи веревку, привязал один конец к своей шее, а другой подал отцу.

— Я привязанный за шею твой раб, твой пес.

Отец с трудом снял с его шеи веревку, снова привязал ее к сбруе и повел сына к отчому дому. Помолодела сгорбленная мать, увидев сына. Меджнуна одели в парчу, в тонкий шелк. Меджнун заставлял сердца людей расцветать. Науфаль, считавший, что с Меджнуном что-нибудь случилось, услышав благую весть, обрадовался. Даже приехал к Кайсу. Знатный воин был встречен с любовью и почетом. Долго длился пир в честь Науфаля. Науфаль был весел, но вдруг заметил, что Кайс чем-то смущен и расстроен. Когда потухла вечерняя заря, отважный Науфаль отправился домой.

А отец Кайса после отъезда гостя рассуждал: «Вот приехал ко мне Науфаль, он возвысил меня среди людей, почтил мой дом милостью. Интересно, что его влечет сюда?»

И тут отец Кайса вспомнил, что все говорили о давнем знакомстве Науфаля с Меджнуном. Ради Меджнуна Науфаль обнажал меч против племени Лейли. Он даже, поговаривали, собирался женить Меджнуна на своей дочери.

«Не такого уж высокого происхождения Кайс, чтобы Науфаль так запросто к нам ездил. Учтивость требует, чтобы и мы посетили Науфаля. Проявим в разговоре с ним кротость, а потом выясним его мнение о браке Кайса. Будет большой радостью, если Науфаль скажет «да», а если откажется — что ж, смирится». Так думал отец Меджнуна. И вот он собрал своих старейшин, все им рассказал, и старейшины одобрили его слова. Ровно в полночь люди двинулись степным путем. С почетом встретили гостей в доме Науфаля, справились у них о цели посещения. Очень обрадовался Науфаль.

— Что ж, я уже давно сказал свое слово об этом браке. Ступайте в свой стан, а я здесь приготовлю свадебный пир.

Науфаль назначил день свадьбы, и послы вернулись назад довольные. Но не знали они, что приготовила им судьба...

Меджнун, как преступник на костре, метался в своем шатре, объятый пламенем любви. Не выдержав этого пламени, вновь Кайс убежал. Убежал, разбив надежды родных, в пустыню.

Долго скитался Меджнун, вдруг услышал бляение барана. Вскоре к Меджнуну подошел пастух и спросил его о здоровье.

— Твой лик благословен! — вскричал Меджнун. — Скажи, где я могу встречать тебя прежде?

— Я простой пастух,— отвечал тот.— Я все разузнал о тебе у людей. Ты — Меджнун! Эти стада принадлежат Лейли. А про тебя я знаю давно, я найду для тебя лекарство.

— Я всей душой принимаю твои слова. Ты способен оживить ими мертвого. Да, я болен страстью. Излечи меня.

— Побудь со мной до вечера. Я рад видеть тебя и разговаривать с тобой.

К заходу солнца пастух погнал свои стада к становищу. Он накинул на плечи Меджнуна баранью шкуру и сказал:

— Носи ее и не снимай. Я буду пасти тебя в стаде. Не упускай такого случая. Сюда с подругами приходит твой кумир, чтобы посмотреть, как мы доим овец.

И Меджнун надел на себя баранью шкуру и стал похожим на барана. И вот однажды пришла Лейли с подругами. Ее щеки горели огнем разлуки, нежное лицо, подобное лепестку розы, было омыто слезами. Увидев Лейли, Меджнун издал такой глубокий, такой исступленный вздох, что небо ужаснулось. Он упал среди баранов в пыль и, забывшись, разрыдался, потом впал в беспамятство. Разбежалась в страхе бараны.

«Что это значит?»— подумала Лейли, подошла и осторожно приоткрыла шкуру. Она увидела своего возлюбленного. От волнения у нее перехватило дыхание, и она без чувств упала рядом с Кайсом. Испугались служанки, подняли Лейли и унесли.

Когда же отец Кайса вернулся в дом, то обнаружил, что его сын, единственный наследник, сбежал. Он расспрашивал каждого о Кайсе и наконец нашел его в пустыне. Меджнун же после обморока очнулся на своем ложе и увидел... отца. Но память изменила Меджнуну. Забыл он и про баранью шкуру, и про Лейли, и про пастуха.

— Отец,— едва выговорил Кайс,— как мне заслужить твое прощение?

— Ты можешь быть прощен, если заживешь, как велят законы, как повелю тебе я.

Кайс не осмелился послушаться. Он так сказал отцу:

— Твой правый суд и есть мое прощение. Я с радостью приму этот уговор. Я с радостью подчинюсь твоему слову.

Повеселев, отец тотчас же повел речь о сватовстве:

— Науфаль был твоим другом, наставником и покровителем. Он очень хотел помочь твоей любви. Но тебе сужден другой удел. Упади перед Науфалем на колени и

покайся. Прошу тебя, исполни мою волю. Стань сыном Науфалю, стань мужем его дочери.

Низко склонил голову Меджнун. Разве мог он возразить? И ответил:

— Я согласен...

Обрадовался отец. Созвал людей своего племени и приказал готовить пир.

Приехал со своей дочерью и свитой Науфаль. Пир длился семь дней и семь ночей. А когда седьмой день уже клонился к вечеру, юную чету привели в пустой шатер. Все веселились, смеялись, лишь жениху и невесте не было весело. Вскоре туда пришел мудрый Науфаль, попросил людей покинуть шатер, а сам, беспокоясь о судьбе детей, спрятался, но так, что ему было видно и слышно все. Увидев, что любопытные ушли, дочь Науфалья сказала Кайсу:

— Ты единственный, кто создан для любви. Все влюбленные превозносят тебя. Ты отдал свое сердце Лейли, зачем же вступаешь в брак со мной? Только для того, чтобы порадовать наших отцов, ты заглушаешь зов сердца. И Лейли тоже сгорает от страсти. О юноша, я тоже заставила страдать душу одного человека. У меня есть любимый, одержимый сильной страстью, и я его люблю. Но мы скрываем нашу любовь. Он не вынесет разлуки со мною. Прошу, покинь мой шатер.

— Будь счастлива. Я понимаю боль чужой любви. Прощай! Я не причиню тебе зла. Я и сам хотел уйти, а ты помогла,— ответил Меджнун и опять ушел в пустыню.

Науфаль был в изумлении. Встал он и в глубокой тоске побрел к своему шатру. Что предпринять? И молчать нельзя, и рассказывать о случившемся не хочется.

А за другой стеной шатра скрывался тот, кого любила дочь Науфалья. В руках у него был кинжал. Юноша хотел убить молодых, а затем — себя. Но сумел сдержать свой порыв. И был вознагражден за это благородством Меджнунна и разумом любимой. Понял юноша, что любимая верна ему. И не в силах был сдержать порыв страсти. Стремительно, словно ветер, ворвался он в шатер. Дочь Науфалья, испуганная, но обрадованная, протянула к своему возлюбленному руки.

Чуть забрезжил рассвет, возлюбленный дочери Науфалья скрылся. Гости, прибывшие на свадьбу, решили навестить молодых. Но что за чудеса?! В шатре оказалась одна невеста.

Поник Науфаль головой, но не посмел молчать.

— Так пожелал всевышний,— только и смог он ска-

зять.— Здесь не виновны ни Меджнун, ни моя дочь. Давайте забудем все.

... А Лейли тем временем готовили к замужеству.

Ибн-Селлям, счастливый жених, скакал на коне к ее становищу. Племя Лейли с почетом встретило и жениха, и всех гостей.

Долго звенели бокалы, играли дутары. Но вот уже опустели кубки, и молодые, закрепив брачный договор, вошли в шатер. А с ними и все гости. Ибн-Селляма подвели к Лейли. Он протянул Лейли руку, но вдруг побледнел и лишился чувств. Все думали, что Ибн-Селлям умер,— лежал он бесчувственный, неподвижный и бледный. Веселье сменилось слезами, смех — рыданиями. Вскоре Ибн-Селляма вынесли на воздух, а Лейли, забытая всеми, незаметно убежала. Туда, скорее туда, где ей, может быть, удастся встретить возлюбленного.

Лейли брела вперед, сама не зная куда. Вот уже скрылся из виду яркий шатер, вот уже не видно стана за песком холма. А навстречу Лейли шел Меджнун, тоже не ведая куда. Шел он, шел и вдруг увидел перед собой бледное лицо на темном фоне волос цвета ночи — Лейли. Они смотрели друг на друга и не могли насмотреться, они слушали друг друга и не могли наслушаться. Все обитатели степи словно исчезли. Сделалось очень тихо. Ни одно падение листка с дерева, ни один шажок паучка не мешали двум влюбленным.

Но предательски загорелся восток, настала пора расставания. Кончилась ночь, и Ночь, Лейли, тоже ушла. А Меджнун побрел дальше.

Когда на небесный покров выкатилось алое солнце, Ибн-Селлям очнулся. Он решил, что свадьбу придется отложить. Родичи принесли носилки, и Ибн-Селлям отправился в родное становище. А Лейли, и на этот раз не замеченная, вернулась в дом. Никто не знал, что ее всю ночь не было в шатре. Никто не знал, что вернулась она лишь с восходом солнца.

А Меджнун все шел и шел и наконец дошел до горы Надежд, несчастный и печальный. Решил он подняться на эту гору и в конце концов добрался до вершины. С высоты Меджнуну открылась вся степь, становище Лейли и его собственный дом. Меджнун увидел шатер своей любимой и от горя, что не может войти в него, лег ничком и заплакал.

Не обнаружив сына утром, отец и мать Кайса потеряли охоту жить. Отец вскоре заболел лихорадкой. Врачи

разводили руками, но помочь не могли. И прилетел черный ангел смерти и унес с собой душу отца и мужа. Безутешная мать Кайса, потерявшая мужа и сына, скончалась от горя.

Меджнун ничего об этом не знал. Но однажды ему приснился сон: два голубя вывели в своем жилище птенца. Птенец рос, покрылся перьями, у него подросли крылья. Безумие сказало ему: «Покинь отчий дом. Стань вольной птицей». И вот птенец стал летать в пустыне. Отец и мать кинулись его искать, вскоре нашли, звали назад... Напрасно. Птенец не послушался. Голуби ни с чем возвращались назад, и вдруг на них налетели орлы и разорвали их в клочья.

Меджнун проснулся от ужаса. Он понял, что ему приснился вещий сон. Отец и мать мертвы!

Меджнун побежал с горы в долину, где было родовое кладбище. Там он нашел две свежие могилы. Меджнун молился богу, просил прощения у отца и матери, падал, ослабев, на могилу, бился головой о землю. Измученный, печальный, бледный, он сам походил на мертвеца.

Узнав об этом, Лейли очень страдала, плакала и думала, что Меджнун лишь по ее вине лишился отца и матери. «Он убит горем, он скорбит о своих родителях, а я скорблю о нем», — думала Лейли. Мать Лейли была до глубины души тронута страданиями и жалобами дочери. Она передала отцу слова Лейли. И отец позвал самых искусных врачей. Лейли терзала лихорадка. С каждым днем разгоралась болезнь, с каждым днем увядал прекрасный цветок.

Однажды Лейли узнала, что Меджнун от тоски по родителям и своей мучительной любви угасает — стал похожим на мертвеца, живет на кладбище. Лейли лишилась последних сил. Ее бросало то в жар, то в холод, она уже не была розой и походила на желтый и сухой осенний лист. Лейли не желала никого видеть. Только мать осталась с нею.

— Душа моя! — говорила Лейли матери. — Забудь мною содеянное зло. Я приносила одни огорчения. Как мне вымолить у тебя прощение? Может быть, моя смерть все искупит?.. Я чувствую, что умираю, но прошу тебя, не плачь обо мне и выполни один мой завет: тот, кто всю жизнь прожил в печали, чья жизнь сгорела в медленном огне страсти, когда узнает о моей смерти, сам захочет умереть, чтобы души наши встретились... Не откажите же

в моей мольбе: положите его со мною, в мою могилу... Меджнун...

Лейли не договорила. Жизнь покинула ее, а смерть приняла в свои объятия. Мать Лейли в ужасе издала страшный крик. Жемчужина, роза, Лейли была мертва. Горько плакал отец Лейли, убивалась мать, причитали наперсницы, старый учитель поседел от горя...

А Меджнун в это время лежал на глухом кладбище. Когда Лейли изнемогала от лихорадки, юношей тоже владел недуг. Но, горя любовью, Меджнун еще мечтал дойти до Лейли. В груди Меджнуна билось бесстрашное сердце, и он отправился в путь. Люди восхищались его твердостью, звери уступали дорогу, и вот наконец Меджнун достиг дверей Лейли. Он вошел как раз в тот момент, когда Лейли давала матери завет. Услышал Меджнун тот завет и в изнеможении опустился на пол. Душа покинула его тело.

... Всё новые люди входили и входили в дом и видели там двух усопших. А когда боль утраты несколько утихла, начались такие речи:

— Как будем хоронить этих несчастных?

— Те, что были так чисты, те, кто не вкусил любви на земле, должны найти любовь в раю. Соединим двух разлученных навек. Положим их в одну гробницу.

И все решили, что это справедливо. Лейли и Меджнун понесли на одних и тех же носилках. И вот положили двух влюбленных в гроб и опустили его в землю.

Дважды в день на кладбище стекались толпы соплеменников Лейли. Безутешно плакали над могилой отец и мать Лейли. Невыносимо такое горе, и не долго пришлось ждать им вечного покоя.

СЕМЬ СТРАННИКОВ

Жил в Иране великий полководец Бахрам Гур. Многие страны признали его власть и платили ему дань, и потому он был несказанно богат. Но прославился он тем, что был справедлив и народу его страны жилось привольно и спокойно. Был этот шах знаменит еще тем, что страстно любил музыку, вино и охоту.

И вот однажды, когда шах пировал на высоком холме после удачной охоты, он заметил далеко в степи путника и повелел одному из слуг привести странника к нему. Когда тот прибыл, шах усадил его рядом с собой на почетное место и слуги подали пришельцу еду и вино. Когда гость насытился, Бахрам повел с ним беседу и был очень удивлен тонкостью и остротой его речи. Шах понял, что перед ним мудрец, и попросил его рассказать о тех чудесах, которые страннику встречались в пути. Но путник ответил ему так:

— Я действительно видел чудо, но храню его от людей в тайне, потому что моя цель — встреча с могучим шахом Бахрамом, я дал обет рассказать об этом чуде только ему. Что же мне делать? Ты так радушно принял меня и обликом похож на царя, но не могу я нарушить обет...

Его ответ очень понравился Бахраму. Он сказал путнику:

— Ты нашел то, что искал. Бахрам — это я. Расскажи о своей тайне.

Странник радостно вскрикнул и посмотрел на Бахрама счастливыми глазами.

— Если ты действительно Бахрам, я расскажу тебе о чуде. Слушай же. Меня зовут Мани, я живописец. В своих странствиях...

— Неужели передо мной непревзойденный Мани?! — восторженно перебил Бахрам. — Рассказывай, Мани, я слушаю тебя.

Гость продолжал:

— В своих странствиях я обошел весь свет и видел немало чудес. Но одно из них — чудеснее всех. В стране Чин встретился я с купцом, который богаче многих царей. Среди прочих его богатств есть красавица Диларам, которая умеет замечательно играть на чанге и петь. Все, кто видел ее, страдают от любви к ней. Купец-хозяин богато наряжает ее, он хотел бы ее продать, но просит за нее казну всего Чина. Чинский хакан, влюбившись в красави-

цу, хотел купить ее, но советники сказали ему так: «Если ты купишь Диларам, ты разоришься и потеряешь и страну, и войско». Это охладило его. А другим влюбленным красавица и вовсе не по карману. И вот, желая услужить тебе, шах Бахрам, я написал ее портрет на китайском шелке.

С этими словами Мани развернул ткань, и Бахрам ахнул от восхищения. Образ пери запал в душу, ни о чем больше он не мог думать и говорить. Художник понял его состояние и посоветовал:

— Поторопись купить ее, Бахрам, твоя судьба в твоих руках!

— Никаких денег мне не жаль, лишь бы заполучить эту красавицу!— воскликнул Бахрам и тут же написал письмо хакану Чина, который был его данником, повелел вручить купцу весь годовой налог и послал своих людей в Чин, чтобы они привезли к нему красавицу певицу.

Путь в Чин был долог, а влюбленному шаху каждый день ожидания казался годом. Он томился, ожидая Диларам, забросил все развлечения. Но настал счастливый миг, когда шаху доложили, что посланный в Чин караван вернулся и благополучно доставил красавицу. Она и в самом деле была прелестна, и шах, полюбивший ее по портрету, увидев оригинал, долго не мог прийти в себя. Никакими словами не описать состояние Бахрама, ведь он обрел счастливую любовь! И хотя Бахрам вернулся к пирам, музыке и охоте, никогда не разлучался с красавицей. За эти м развлечениями он забыл о государственных делах и правосудии, и страна его пришла в упадок. Тот, кто был богат, стал творить неправый суд над бедняками, на дорогах засели разбойники, народу стало очень трудно жить. Несколько советников шаха, с трудом добившись приема, доложили ему обо всем, но Бахрам не внял их доводам.

Однажды после пира была устроена охота, а надо сказать, что Бахрам был очень метким стрелком. Диларам, как всегда, была рядом с шахом. Вдруг она увидела газель.

— В какое место поразить ее?— спросил шах.

— Ты сначала свяжи ей передние ноги,— насмешливо отвечала Диларам,— а потом зарежь.

Шах разгадал тонкий смысл ее слов. Первой стрелой он прострелил газели передние ноги, как бы связав их, а второй рассек горло. Теперь шах ожидал заслуженной похвалы, но красавица небрежно бросила ему:

— Кто бы не достиг такого мастерства, если бы упражнялся столько, сколько ты!

Разозлился Бахрам:

— Свяжите дерзкую ее косами и бросьте в степи на съедение шакалам!

Исполнили волю шаха. А когда Бахрам проснулся на следующий день, он совершенно не помнил о злодействе, совершенном во хмелю, и сразу же спросил о Диларам. Ему напомнили о том, что было накануне, и первым побуждением шаха было немедленно отправиться самому на ее поиски. Но самолюбие победило любовь, и он не сделал этого сразу. Когда же он все-таки отправился на поиски любимой, то нигде не нашел ее. И свет померк для него, тоска поселилась в его сердце. Четыреста искуснейших лекарей принялись лечить шаха, но тоска не покидала его. Врачи предложили советникам Бахрама развлечь его. Тогда подвластные ему цари семи частей земли решили, что каждый из них построит для шаха по дворцу, где он сможет проводить по одному дню в неделю. Бахрам согласился с этим предложением, и строительство началось. Бахрам увлекся, наблюдая за мастерством строителей. А когда дворцы были завершены, врачи предложили пригласить художников, чтобы те изукрасили дворцы по своему разумению. А работой художников руководил знаменитый Мани. Прошло немного времени, и дворцы были изукрашены. Были они семи различных цветов.

Врачи дали еще один совет: поселить в этих дворцах семь красавиц, дочерей тех царей, которые эти дворцы строили, чтобы девушки стали женами шаху Бахраму. Своей любовью, музыкой и пением они исцелят шаха. Цари вынуждены были подчиниться и устроили свадебные пиры. Бахрам стал мужем семи красавиц. Врачи установили, когда в какой дворец должен входить шах.

Первым днем была суббота, и Бахрам отправился в Черный дворец. Весь в черном, уединился он со своей женой, дочерью индийского царя, смуглой, как ночь. Но не могла она разогнать тоски шаха, неотступно думал он о Диларам. Когда спустились сумерки и красавица ушла к себе в покой, Бахрам постарался уснуть, как велели ему врачи, но сон бежал от него. Чтобы разогнать тоску, Бахрам велел привести к нему первого, кто встретится в ночи. Пусть тот развлечет его какой-нибудь занимательной историей.

Привели к Бахраму странника.

— Садись,— сказал шах.— Поведай мне какое-нибудь интересное предание.

Поклонился путник шаху, упал перед ним на колени и начал рассказывать:

— Давным-давно, в незапамятные времена, жил на свете могущественный шах по имени Джасрат, что значит «отважный». Страна, которой он правил, называлась Серендиб. Имел шах бесчисленное войско, и правители Чина и Индии платили ему огромную дань. Оттого казна Джасрата ломилась от золота и драгоценностей.

И был у шаха единственный любимый сын, которого звали Фаррух, что значит «счастливый». И точно, счастливо одарен был этот юноша: красив, умен, а главное, добр и щедр. Не было для него ничего приятней, как вызволять людей из беды. И подданные любили его.

Сорок лет правил страной отец, но стал он стар и болен и захотел передать престол сыну. Фарруха же не прельщали богатство и власть. И решил отец женить его. Покорный отцу, Фаррух смиренно склонился перед ним в знак согласия. Но в ту же ночь, под утро, увидел он во сне, будто оказался на степной дороге среди большой толпы. Толпа следовала за высокими носилками, укрытыми черным бархатом, источающим запах амбры. Вдруг дохнул ветер, завеса распахнулась, и Фаррух увидел девушку невиданной красоты. Сердце его вспыхнуло любовью к ней. Он хотел взглянуть на нее еще раз, но бархатная завеса скрыла ее. Услышал Фаррух, что эта степная дорс:а ведет в Иерусалим. Тут он внезапно проснулся, но мысль о красавице не оставила его. И Фаррух решил поскорее отправиться в Иерусалим, чтобы найти девушку.

Едва занялся день, как Фаррух припал к ногам отца с мольбой отпустить его постранствовать по свету. Не скрыл он от отца и своего сна. Фаррух сказал:

— Я теряю разум от страсти. Если хочешь спасти меня, отпусти. Если не позволишь уйти, все равно уйду, так как не будет мне покоя, пока не найду ее.

Скорбью наполнилось сердце старика. Как ему не хотелось расставаться с любимым сыном! Стал шах умолять сына остаться, но Фаррух так горько застонал при его словах, что шах-отец не выдержал и согласился отпустить сына. Шах снарядил богатый караван, выделил половину своего войска; не жалея сокровищ, изысканно нарядил сына и зарыдал, прощаясь, словно предчувствовал, что больше не увидится с ним.

Город за городом обходил Фаррух, пока не достиг

Иерусалима, священного места, куда со всех краев земли стекались паломники, желавшие заслужить у бога исполнение своих желаний. Фаррух тоже горячо молился и просил господина только об одном: чтобы его чудесный сон сбылся наяву. И вот однажды во сне Фаррух услышал голос: «Если хочешь достичь цели, отправляйся в Халев!» Пробудившись, Фаррух велел собрать сопровождавшее его войско и отправил его назад на родину. При себе же он оставил сотню преданных слуг, которые как о милости умоляли его не заставлять их расстаться со своим господином.

В своих царственных одеждах Фаррух отправился пешком в толпе богомольцев в Халев и достиг его. Это был огромный город, улицы которого были переполнены людьми. И вот Фаррух увидел среди толпы те самые носилки, закрытые той же завесой, что и во сне. Огнем охватило душу юноши. Тут внезапно ветер распахнул черный бархат, и Фаррух увидел ту, что привиделась ему во сне. На миг он потерял способность видеть и слышать, а когда очнулся, улица была уже пуста.

Юноша решил скрыть от слуг свое состояние, но смог скрыть лишь его причину. Всем стало ясно, что Фаррух болен, так как речь его была бессвязна. Наконец он забылся сном, и все сопровождавшие Фарруха, потрясенные болезнью своего господина, тоже уснули. Но царевич спал недолго, ибо огонь любви бушевал в нем. Он встал и написал записку, в которой всем велел возвратиться на родину и не искать его. О себе же написал, что будет скитаться, пока не достигнет цели, и только тогда, если останется жив, вернется домой.

Сняв с себя царские наряды, Фаррух облачился в грубые одежды, набросил на плечи черный палас и покинул свой стан. Долго скитался он по пустынному ночному городу и случайно набрел на баню. Тепло ее манило Фарруха. Он устроился рядом с потухшей печью, укрылся паласом и задремал. Слуги же царевича проснулись и увидели, что он исчез, страшно испугались, искали его два дня, потом поняли, что надо смириться, и отправились в обратный путь. Они не знали, покидая Халев, что никем не узнанный Фаррух с тоской глядит им вслед.

Три дня скитался юноша по Халебу без пищи и питья. Он похудел и ослаб. Набредя на развалины за городом, он лег отдохнуть, положив голову на камень и укрывшись своим паласом.

А в это время в Халебе жил один знатный купец, вла-

девший несметными богатствами, но очень добрый и отзывчивый на чужую беду. Звали его Ахи, что значит «брат». У этого купца было в обычае время от времени объезжать бедные хижины и помогать несчастным. Больных он лечил, нищих бродяг приводил в свой дом и кормил. Богатые сограждане считали такое поведение постыдным, недостойным знатного человека и сторонились купца, но бедные его благословляли. И вот, объезжая в очередной раз город, купец заглянул на развалины и увидел человека, лежавшего на камнях под черным паласом. Это был Фаррух. Ахи сошел с седла и спросил у него, кто он и какая его постигла беда. Юноша поднялся через силу и едва слышно, но почтительно ответил, что не может рассказать о причине своих бед, так как боится, что опечалит купца.

Ахи, увидев красоту юноши и услышав его пламенную речь, тотчас догадался, что тот знатного рода, и поверил в искренность его страдания. Купец посадил юношу на коня и привез к себе в дом, накормил, напоил и стал исподволь выпытывать тайну Фарруха. Но тот отвечал уклончиво. Тогда Ахи отвел его в покои, где бы юноша мог отдохнуть. Вот тут-то, оставшись один, Фаррух дал выход терзавшей его скорби, всю ночь напролет рыдал, а к утру вновь замкнулся в себе и, выйдя в покои для гостей, был молчалив. Но купец радостно встретил его, предложил богатый наряд, на что юноша ответил отказом: мол, он слишком дорожит своим паласом.

Ахи не стал настаивать, решил подождать, когда юноша доверится ему и сам все расскажет. Но на следующую ночь Ахи услышал, как гость плакал, и решил, что должен любым способом непременно помочь ему. Из ночного бреда юноши Ахи узнал, что тот царского рода и что несчастье его — в страстной любви. Как же помочь юноше? Как узнать, кто предмет его безумной тоски?

На другое утро Ахи вновь пригласил гостя за пиршественный стол и предложил ему вина. Юноша, покоренный лаской купца, не посмел отказаться. Так пировали они, и постепенно хмель развязал Фарруху язык — он все рассказал своему благодетелю. Тогда Ахи попросил его описать приметы красавицы. Рассказывая, юноша не замечал, что каждое его слово терзает купца, ибо Ахи тотчас узнал по приметам свою любимую жену. Но хозяин все же сумел овладеть собой и решил непременно помочь страдающему от любви. Он сказал Фарруху, что знает эту красавицу и поможет его беде. Теперь юноша не отка-

зался от предложенных ему богатых одежд, и красота его засияла еще ярче.

Наутро, войдя в покои к жене, Ахи сказал ей, что она должна считать себя разведенной с ним и соединить свою судьбу с тем, кто умеет так глубоко любить и страдать. Молодая женщина не могла понять, почему вдруг охладел к ней любимый муж. Она стала плакать и умолять, так что Ахи вынужден был даже пригрозить ей кинжалом. Только тогда несчастная смирилась. А купец, спеша завершить начатое доброе дело, снарядил богатый караван и отправил их в путь, заглушая в душе ужасную тоску. На память же о Фаррухе он взял себе его черный палас.

Фаррух сначала был потрясен случившимся, но, когда несколько успокоился, в дороге он подошел к своей так счастливо обретенной возлюбленной и был страшно удивлен: в знак скорби она расцарапала себе лицо. Расспросив ее, Фаррух понял, какую жертву принес ему Ахи, и сразу же решил ответить на это таким же благородством: он назвал красавицу своей сестрой и стал по-братски относиться к ней. А когда они прибыли на родину, Фаррух узнал, что отец его умер от горя разлуки и оставил царевичу свой трон. Фаррух занял престол и начал управлять страной. Он построил для своей названной сестры дворец. Этот дворец был как две капли воды похож на тот, в каком она жила у купца,— Фаррух хотел, чтобы она чувствовала себя как дома.

Сам же Фаррух взял себе в обычай поступать так же, как Ахи,— привечать и благодетельствовать несчастных людей.

А на Ахи тем временем обрушилась беда. Мало того, что он тосковал по любимой жене и полюбившемуся ему юноше, дела не ладилась у купца, и он совсем разорился. К тому же бывшие его завистники наговорили правителю Халеба, что Ахи, мол, предатель, что он передал другому шаху все свое богатство. И правитель заключил Ахи в тюрьму. Правда, с помощью стражника Ахи удалось бежать из тюрьмы, но он потерял все, кроме черного паласа Фарруха. И стал Ахи скитаться, и вынес много бед, пока не дошел до Серендиба. Там, на развалинах, он уснул, укрывшись черным паласом.

А в это время Фаррух объезжал город, высматривая, кто нуждается в его доброте и помощи. Он заметил человека, лежащего на развалинах, и черный палас показался шаху странно знакомым... Он разбудил чужеземца, и как же они оба обрадовались друг другу! Фаррух привез доро-

гого гостя домой, велел истопить для него баню, предложил богатые одежды и на славу угостил. А потом объявил, что хочет отдать ему в жены названую сестру.

Когда купец увидел ту, что Фаррух предложил ему в жены, он был потрясен душевным величием своего друга и покровителя. С радостью Ахи поселился со своей любимой женой во дворце, в точности повторяющем его собственный, и обрел покой. Но с тех пор, возвращаясь домой, он снимал драгоценные одежды и набрасывал на себя черный палас. Узнав об этом, шах Фаррух тоже последовал его примеру. А Фарруху стал подражать народ. Так с той поры и повелось, что люди в этой стране стали предпочитать в одежде черный цвет. Ибо тот, кому приходилось носить траурные одежды, лучше постигает чистоту человеческой души. Черный цвет вселяет в людей надежду на то, что мрак рассеется и наступит новый светлый день.

... Шах повеселел от такого рассказа и спросил странника:

— Откуда ты родом? Где жил до сих пор?

— Я жил в Индии. Ахи — мой предок. Я пришел сюда, чтобы служить тебе, шах, — ответил рассказчик.

Бахрам пообещал приблизить его к себе, оградить от всех забот и погрузился в тихий светлый сон...

Следующий, воскресный, день Бахрам должен был провести в Золотом дворце. Шах был одет в золотые одежды, а на пальцах у него сверкали перстни из золота с янтарем.

Сюда пришла к нему дочь румийского царя — прекрасная золотоволосая девушка, одетая в желтые шелка. Налила она янтарного вина Бахраму, в желтом кубке оно сияло, как солнце. До самого вечера шах пировал со своей женой. А когда взошла луна и девушка ушла за свой полог, Бахрам прилег на золотое ложе, но сон опять не шел к нему. И опять привели к нему странника.

— Чем можешь ты развлечь меня?

— О великий и достославный шах, знаю я одну историю. Она занимательна и поучительна. Послушай ее.

... Жил некогда в городе Руме знаменитый ювелир по имени Зейд. Про него говорили, что сама природа помогает ему: утренний ветерок раздувает ему мехи, а небо служит горном. Зейд работал в дворцовой мастерской, и шах полностью доверял ему свою казну. Золото и серебро стекались к нему со всех концов страны.

Зейд был прекрасным ювелиром, помимо того владел

искусством врачевания, а также слыл мудрым философом и красноречивым собеседником. И шах очень к нему привязался. Но точил ювелира один порок: был Зейд нечист на руку. Предоставленный сам себе, он потихоньку поворовывал из шахской казны, но так искусно, что шаху и в голову не приходило подозревать его, напротив, шах превозносил мастерство Зейда. Люди, слыша похвалы шаха, не смели рассказать ему правду, а если даже пытались робко намекнуть, шах досадливо отмахивался. Если же что-то и порождало в нем сомнение, очередные чудеса ювелира вновь ослепляли шаха.

Так бы и продолжалось, но ювелир, чувствуя безнаказанность, обнаглел еще сильнее. Он предложил шаху сделать золотой престол — зачем, мол, золоту лежать бесполезно в подвалах, когда оно может украшать шаха. Шах очень обрадовался такому предложению и разрешил Зейду свободно распоряжаться казной.

Искусный мастер стал усердно трудиться и через год представил на суд шаха свою работу. Это было невиданное сооружение: восемь башен украшали его — четыре высоких, на которых светились золотые павлиньи хвосты, украшенные драгоценными камнями, четыре низких, резных, в каждой из которых сидело по попугаю. К престолу вело восемь ступеней, украшенных рубинами. Эти золотые ступени были так искусно устроены, что, когда шах хотел подняться на трон, ступени опускались ему под ноги, а когда проходил, поднимались до прежнего уровня.

Дивясь чуду, поднялся шах на трон, и в это время заговорили одновременно попугаи, желая ему здоровья и долгих лет властвования, а павлины расправили над ним свои крылья.

Сиденье трона шаха также было укреплено на восьми столбах, каждый из которых крепился к колесу, поэтому трон мог передвигаться по воле шаха, одним движением его руки. Такого чуда не было ни у кого из земных царей! Довольный шах щедро наградил кудесника и возвысил.

Однако собратья мастера по ремеслу, хотя и подивились искусной работе, заподозрили, что престол состоит не из чистого золота, как это представил шаху Зейд. Но как сказать шаху правду? И они придумали: взяли двух попугаев и научили их говорить: «Престол только позолочен», «Золото украл вор». Подговорив стражников, они сменили попугаев в двух резных клетках, и, когда шах утром сел на трон, он услышал вместо привычных словословий себе разоблачение ювелира Зейда.

Сначала шах не поверил ничему, подумал, что завистники замышляют оклеветать его любимца. Но сомнение все же закралось в душу шаха, и он приказал проверить напильником, верно ли, что внутри трон не из золота. И когда убедился в обмане, то страшно разгневался и велел отобрать у ювелира имущество, а самого, заковав в цепи, бросить в яму с узким отверстием сверху, чтобы не смог Зейд оттуда выбраться. И повелел давать ему в день два сухаря и кувшин воды.

Но Зейд был не так прост. Он предвидел такой поворот судьбы и потому всегда держал при себе кинжал и напильник. И вот как Зейд поступил: стал кинжалом рыть глинистый пол ямы, а воду почти не пил, чтобы смачивать ею глину и лепить из нее ступени. И вот пришел день, когда лестница была готова. Напильником Зейд перепилил оковы и, преодолевая сильную слабость, поднялся наверх. Но тут его ждало новое испытание: выход был завален большим камнем! Неужели расстаться с мыслью о воле?! Зейд кинжалом просверлил щель, умело сделал подкоп, отвалил камень и выбрался-таки! А выбравшись, направился прочь подальше, в землю франков.

Когда шах узнал, благодаря какому труду и умению спасся Зейд, он был поражен и часто потом вспоминал ювелира.

А Зейд все шел и шел без сна и отдыха в землю франков, где он мог уже не опасаться шаха, и наконец пришел в Константинополь. Было раннее утро, и на пути Зейда встал величественный древний храм. Здесь Зейд и решил остановиться.

Зейд был поражен богатым убранством храма: драгоценными камнями, украшавшими стены и своды, множеством золотых идолов. И сразу понял, что здесь можно пожить, чтобы с лихвой вернуть отобранное шахом. Было это не так-то просто: жрецы на ночь запирали храм. И вот как Зейд поступил: стал идолопоклонником, язычником — разумеется, для вида. Благодаря своему уму и общительности он близко сошелся с обитателями храма, стал ретиво молиться идолам и усердно служить жрецам. И народ по простоте душевной полюбил Зейда, в храме ему доверили ключи.

А Зейду только это и нужно было. Найдя себе в помощь двух земляков, с которыми он познакомился в пути, Зейд рассказал им о своем замысле и поселил обоих за городом в пещере, которую превратил в ювелирную мастерскую. В этой пещере он стал мастерить из железа

идолов, точь-в-точь таких, какие были в храме, и лишь сверху покрывал их легкой позолотой. Зейд также украшал их камнями, но были то не драгоценные камни, а цветное стекло. Вместе с помощниками он ночью прошикал в храм и подменивал золотых идолов железными с позолотой. Золотые светильники, чаши — все подменил Зейд. И тогда он объявил, что заболел тоской по родине.

Язычники, привязавшиеся к Зейду искренне, были очень огорчены его желанием покинуть их, но Зейд объяснил им так:

— У меня умерла мать и оставила в наследство много золота. Я верен вашим богам и вернусь с наследством назад.

И они преклонились перед Зейдом и достойно снарядили его в дальний путь. Он отказывался брать дары — мол, служил только богам, но те сказали, что считают своим долгом одарить его, и к отъезду Зейда собрали множество всякого добра. А мошенник сколотил большие ящики, в которые спрятал золотых идолов и драгоценности из храма, не забыл и дары, собранные к его отъезду, и все это погрузил на судно.

Язычники рыдали, провожая его, а Зейд с притворной грустью простился с ними и сказал, что оставил в храме свое назидание. Судно отплыло, а толпа вернулась в храм и прочла, не веря своим глазам, послание хитреца, в котором он открыл все. Бросились язычники к идолам, стали проверять — точно, они обмануты. Горько же было их разочарование!

А в это время румийский шах тяжело заболел, и вылечить этот его недуг мог один только Зейд. Шах все чаще вспоминал ювелира и раскаивался в содеянном, все больше тосковал по Зейду.

Ювелир же, возвратившись, не пошел прямо к шаху: Зейду хотелось обставить все как волшебство. Спрятав надежно свое добро, он раздобыл те самые оковы, которые когда-то распилил, забрался в ту самую яму, из которой бежал, и стал там стонать и плакать. Стражники как о чуде рассказали шаху, будто Зейд воскрес из мертвых, и шах велел немедленно привести к нему мудреца. Шах послал за ним своего коня, передал Зейду драгоценный халат, и ювелир примчался во дворец. Явившись пред очи шаха, он пал ниц, но шах милостиво поднял его. И когда шах подал Зейду руку, тот, нащупав пульс, сразу же понял, в чем заключается болезнь шаха, стал лечить его и за пять дней сумел вылечить. Вот тогда-то Зейд во всем

признался шаху и преподнес ему сокровища, которые привез из ограбленного языческого храма,

А шах так распорядился несправедливым богатством: он велел разбить идолов на куски и оделить золотом и драгоценностями всех бедняков. На волю были выпущены узники из темниц — ведь это бедность сделала их преступниками. Радость была всеобщей, народ ликоваля...

Этими словами закончил странник свой рассказ. Одарил рассказчика Бахрам и тут же спокойно уснул.

В понедельник Бахрам отпраился в Зеленый дворец. К нему в покои вошла прелестная девушка в зеленом наряде. Она подала шаху изумрудный кубок. Опять весь день пирувал Бахрам. А вечером вновь загрустил. Снова приказал он привести странника. Чужестранец неторопливо поведал ему историю.

... Давным-давно жил в Египте богатый купец. Дом его всегда был открыт для бедняков. Души не чаял купец в единственном сыне, которого назвали Саадом. Был юноша красив, как Юсуф прекрасный, изощрен во всех ремеслах и искусствах и имел светлый разум. Все свои богатства отец предоставил сыну, и тот окружил себя учеными, чтобы постигать науки. Был Саад также добр и щедр, всегда был рад любому путнику, заходившему к нему в дом, и всех внимательно выпрашивал и выслушивал, чтобы их опыт сделать уроком для себя.

И вот однажды пришли к Сааду в дом два чужестранца, с головы до ног одетые во все зеленое. Саад, следуя своему обычаю и велению души, принял их очень ласково, устроил пышный пир в их честь, и гости были потрясены его великодушием. И когда Саад стал расспрашивать, кто они такие, откуда пришли и почему одеты во все зеленое, они рассказали, что идут из страны Шахрисабз, что в этой стране все жители носят зеленые одежды.

— А что диковинного в вашей стране?— спросил Саад.

Первый путник ответил:

— В нашей зеленой стране есть горный край, который называется Китвар. Там построен высокий храм, купол которого соперничает с небесами — так он высок и прозрачен. Сделан храм из камня, а на стенах изображены все птицы и звери, какие только есть. Каждый, кто проведет в храме ночь, увидит сон, который предскажет ему будущее — все хорошее и все плохое, что человеку предстоит. И проснувшись поутру, он будет знать, как идти дорогой добра.

А второй путник добавил:

— Живет в том краю святой старик, чистый сердцем и великий разумом. Тот, кто не сможет растолковать свой сон и не будет знать, как избежать зла, должен обратиться к старику, рассказать ему свой сон, и мудрец научит, как надо поступать.

Этот рассказ поразил воображение Саада. Он долго не отпускал гостей, требуя от них всяческих подробностей об их стране и о чудесном храме. Тоска охватила Саада, он не спал до утра, а утром открыл отцу свое решение отправиться в далекий Китвар.

Купцу очень хотелось удержать юношу от этого путешествия, он боялся предстоящей разлуки, но по опыту знал, что бесполезно бороться со страстью, покориться ей — единственный выход. И хотя купец стонал и плакал, но пошел навстречу сыну, велел в течение десяти дней собрать все нужное для дальнего пути, по-царски снарядил сына и простился с ним. А попутчиками Саада стали два его гостя, которые вели караван к рубежам своей страны.

И вот, пройдя бескрайнюю степь и углубившись в предгорье, путники увидели языческий храм, своды которого доставали до небес. Гостей встретили радушно, преподнесли еду и питье, но Сааду не терпелось обозреть храм. Один из его спутников сказал:

— Не входи в храм, чтобы не осложнять своей жизни!

Но Саад был объят нетерпением, он не внимал доводам предосторожности. Едва наступила ночь, он вступил в храм, а спутники остались у стены, терзаясь дурными предчувствиями.

Вошел Саад в храм, и за ним стражник тотчас же запер дверь. Страшно стало юноше, захотелось убежать, но дверь была заперта, и его охватило отчаяние и раскаяние.

Вокруг был мрак, и Сааду хотелось увидеть чудесный сон. Но как увидишь сон, если не можешь сомкнуть глаз? До самого утра юноша промучился и лишь на рассвете задремал. И сразу же увидел сон: два невиданных существа, покрытых зелеными перьями, запели дивно и, как птицы, поднялись в воздух. Описав круг над головой Саада, они опустились ему на плечи. И одна из этих дивных птиц сказала:

— Тебе суждено получить в супруги прекрасную пери... Зато другая, вестник зла, изрекла:

— Если сможешь выдержать страшные испытания.

Проснулся Саад весь во власти вещего сна. Смятение

охватило юношу, и он закричал. Но тут взошла заря, мрак развеялся, и юноша бросился к дверям, которые ему тут же отворили.

Саад утратил разум и покой, плакал, говорил бессвязные речи, и слуги его пришли в отчаяние. Тогда второй из его попутчиков сказал:

— Вспомни, что я говорил тебе о мудром старце. Поднимись к нему в пещеру по горной тропе, он тебе поможет.

И все пошли к жилищу старика. Пещера, в которой он жил, была выдолблена в скале. Пришельцы с трудом отыскивали отшельника в ее мрачной глубине. Он был худ, оброс длинными волосами. Но хранил в себе несметные сокровища души и разума. Отшельник прожил на земле семь веков, и мудрость сияла на его челе. Не нужны ему были богатство и власть, не ведал он страха и больше всего дорожил своим уединением от мира.

Пришедшие были поражены обликом старика и молчали, смиренно сложив руки на груди. Старик понял их состояние и, отбросив волосы с лица, ласково приветствовал людей. Глаза его светились добротой. Он сказал:

— Саад, я давно жду тебя. Я знаю о тебе все: где ты родился, кто твой отец и каков ты сам. Я знаю, как, внимая путникам, которые приходили в твой дом, ты постигал совершенство знания. Знаю, как ты попал сюда. И то, что ты потрясен своим сном и не можешь его истолковать...

Саад слушал его с отчаянием и надеждой. А старик продолжал:

— Я ждал тебя. Я объясню тебе твой сон. Но знай, что этим я преследую и свою цель. Ты должен знать мою жизнь. Когда-то я был верховным жрецом, все считали меня мудрецом. Но мне очень хотелось узнать прорицание в том храме, который и ты посетил. Мудрость останавливала меня, но я пренебрег ее робкими советами. Вошел я ночью в храм и сразу же уснул. Во сне я увидел, как и ты, полет двух пернатых существ, и одна птица предрекла мне, что я буду томиться в темноте пещеры. Но другая возразила: «Не отчаивайся. Тебя спасет Саад. И хотя труден путь к спасению, ты перелетишь пропасть, словно крылья вырастут у тебя за спиной».

Тут я проснулся в великом смущении, тоска охватила меня. Я спрашивал сам себя: что этот сон значит, кто мне его истолкует? Какая беда подстерегает меня? И тогда я сказал себе: ожидание беды страшнее самой беды. Но предсказанная беда так страшила меня, так я терзался, что придумал одно средство — умереть. И вдруг я встре-

тил старца, худого и в рубище, похожего на святого. В руке он держал зеленый посох. Старец сказал мне:

— Перестань терзаться. Я истолкую твой сон, но прежде ты должен обещать мне без оговорок исполнить то, что я скажу.

Я с радостью поклялся ему быть покорным во всем. И он мне сказал:

— Ты должен прочесть книгу прозрения «Джамасп-наме»¹. В ней ты найдешь рассказ о самом себе. Каждое слово Джамаспа для тебя — закон. Отбрось все знания, которые ты получил раньше, посвяти себя толкованию снов. Освоив эту науку, ты сможешь истолковать любой сон. И ты должен тем, кто выйдет из храма, сраженный скорбью, растолковывать их мучительные сны, утешать слабых, развеивать их печаль.

Сказав эти слова, старец исчез. А я пошел, раскрыл «Джамасп-наме» и нашел место, где провидец говорил обо мне. Вот о чем там говорилось: в такой-то век, в такой-то год такой-то человек, обладающий знанием, попадет в храм и увидит сон. Он познает мучительное состояние. Но пусть он поднимется в горы, поселится отшельником в пещере и займется наукой толкования снов. Сто лет пройдет как один миг, и тогда к нему придет юноша по имени Саад и попросит истолковать его ужасный сон. Едва это случится, свой сон поймет и толкователь снов. Вмиг он охватит разумом все таинства небес, овладеет мудростью веков и найдет разгадку. А вторая половина прорицания во сне была объяснена так: только разум может дать человеку крылья для преодоления любого препятствия.

И вот настал миг, пролетело сто лет, и я увидел тебя, Саад. Как я мечтал об этом счастье! Сейчас узнаешь разгадку своего сна: тебе действительно суждена судьбой дочь царя, красивая, как пери в раю, и потому очень гордая. Отец ее — могущественный владыка, столица его — Шахрисабз. Девушка так хороша, что все немеют, глядя на нее. Одевается она во все зеленое. Царь безумно любит свою гордую дочь и построил для нее в горах дворец, окружив его тремя крепостными стенами, а на стенах возведены башни. Проникнуть в крепость можно только через ворота, но тропа, которая к ним ведет, полна немислимых преград. У первых ворот стоит великан-негр по имени Катран, неодолимый силач. Слон перед ним словно мура-

¹ «Джамасп-наме» — «Книга Джамаспа», легендарного мудреца-прорицателя, который будто бы предсказал в ней будущее.

вей, каждый его волос — дракон. У вторых ворот стоит мудрец, который построил для царя эту крепость, используя мудрость всех древних книг. У третьих ворот — старуха колдунья, хитрая и коварная. Есть у нее волшебный источник огня, которым она испепеляет любое живое существо, которое посмеет приблизиться к ней.

А царевна полна презрения к осаждающим ее жителям, она заперлась в крепости и всем ставит условие — каким угодно путем преодолеть препятствия на пути к ней: победить Катрана, ответить на вопросы мудреца и справиться с коварством старухи. Храбрец, сумеющий это сделать, завладеет сердцем царевны. Если же он не справится, его схватят и казнят, тело бросят на съедение псам, а голову водрузят на зубец крепостной стены в назидание другим. С той поры не проходит дня, чтобы один из храбрецов не отважился на подвиг, но все они погибают бесславно. Однако ты не бойся: я помогу тебе, царевна предназначена тебе судьбой.

Рассказав все это Сааду, мудрый отшельник подарил ему раковину и записал несколько волшебных слов, чтобы юноша их заучил. Еще он дал записку и сказал:

— Скорей отправляйся в путь со своими двумя друзьями в зеленой одежде, они доведут тебя до Шахрисабза. Как только вы доберетесь туда, сразу отправь спутников к царю для доклада. Царь скажет: «Сначала победи негра». Ты смело вступай в борьбу, но крепко запомни слова, что я тебе написал, в них твоя сила. А если дунешь в раковину, твой враг сразу же уснет. Свяжи его — и первая крепость взята. Когда ты пойдешь ко второй крепости, тебя встретит мудрец. Вручи ему мою записку. Прочитав, он поможет тебе, ибо это мой ученик. Он развезет и чары злой колдуньи, и ты достигнешь своего счастья.

Сказав так, мудрец светло улыбнулся и поцеловал юношу в лоб, пожелав ему удачи и счастья. Саад, воспрянув духом, отправился в путь. Когда они достигли Шахрисабза, он послал своих спутников к царю, а сам устроил привал. Его проводники, придя во дворец, стали расписывать царю доблести и ум Саада, а особенно его доброту и щедрость. И склонили сердце царя к этому юноше, царь заранее его полюбил. Послал правитель слуг к шатру, чтобы привезли юношу во дворец, и, когда увидел Саада, полюбил еще больше. Он предложил юноше отдохнуть перед предстоящим испытанием. И Саад вернулся к своему шатру, собрал своих друзей и слуг и устроил веселый пир. Ночью, когда все, опьянев, уснули, Саад, тоже опья-

ненный вином и любовью к прекрасной царевне, отправился к крепостной стене, где стоял кровожадный Катран. Увидев, в каком состоянии юноша, негр сначала хотел его тут же убить, но передумал и решил запереть до утра в пещере, чтобы утром убить при всех. Он связал Саада и бросил в мрачную пещеру, а выход завалил тяжелым камнем. Юноша, сморенный вином, крепко уснул.

Проснувшись утром, Саад вспомнил все, что он натворил ночью, и тогда стал читать вслух слова, которые написал ему старик. И тело Саада наполнилось такой силой, что он порвал стальные цепи, которыми был связан, отвалил камень у входа в пещеру и быстро побежал к своему шатру, где застал огорченных его исчезновением друзей. Успокоив их, он вскочил в седло и помчался на бой с Катраном.

Когда Саад прискакал, поле битвы было окружено множеством народа, а посреди гарцевал на исполинском коне разозленный негр. И царевна из высокой башни наблюдала за происходящим.

Когда Катран увидел, что пленник его исчез из пещеры, то пришел в неопишемую ярость. И потому, когда появился Саад, негр, полный злости, бросился на юношу. Начался рукопашный бой, но ни один, ни другой не могли победить. Тогда Саад вынул подаренную ему стариком раковину и дунул в нее. Катран тотчас же уснул мертвым сном. Саад подхватил его и с размаху швырнул наземь так, что на скале появилась трещина. Народ был в изумлении.

Теперь Сааду предстояла встреча с мудрецом. Юноша с достоинством поклонился ему и передал записку от старика. Едва тот раскрыл ее, как узнал почерк своего учителя и согласился помочь юноше уничтожить колдовские чары старухи. Народ издали наблюдал за ними. А мудрец сказал:

— Нет никакой колдуньи, есть только чучело, хитро изготовленное. Ты смело ударь чучело в грудь, и путь твой в храм любви будет свободен.

И Саад смело пошел к третьим воротам. На вид старуха была грозна. Но юноша, не испугавшись, нанес сильный удар, и она рассыпалась.

Тогда Саад вернулся к царю, и тот назвал его любимым сыном. Во дворце был устроен пышный брачный пир. Саад унаследовал трон зеленого царства и стал править мудро и справедливо. И народ его страны был счастлив и по-прежнему одевался в зеленые одежды, потому что считал,

что зеленый цвет дарит бессмертие, ибо всегда связан с весной, с возрождением,— закончил рассказчик.

— А кто ты сам?— спросил Бахрам.— Где твоя родина?

— Родина моя — город Шахрисабз, а Саад — мой предок.

Услышав это, Бахрам пообещал назначить его градоправителем и спокойно уснул.

Когда на следующий день Бахрам переступил порог Красного дворца, он невольно зажмурил глаза. Все во дворце было отделано рубинами. Попросил Бахрам принести ему красного вина. На его зов пришла девушка с алым подносом. Весь день они пировали. А вечером, когда Бахрам опять не мог заснуть, он велел привести к нему нового рассказчика. И тот начал свою историю.

... Жил некогда в Дели знаменитый шах по имени Джуне. Государство его было очень велико, а власть распространялась на весь мир. Шах очень гордился своей державой, сокровища его казны были несметны. А сам он отличался редкими добродетелями: был справедлив и милостив, не любил лести и славился добротой и щедростью. Щедрость шаха была бескорыстной, он любил награждать людей, даже если находил в них одно какое-нибудь достоинство. Так, однажды некий бедняк из страны Джуне ушел на чужбину в поисках заработка и возвратился с корзиной груш, которые и принес шаху. Хозяину груш не заплатили, и бедняге пришлось очень трудно. Но через два дня шах сам вспомнил об этом бедняге и приказал узнать чем можно его отблагодарить. Тот ответил: «Пилой и топором». Шах удивился такому ответу. Бедняк объяснил

— Я срублю деревья в твоих садах, соберу плоды и продам.

Услышав этот ответ, шах приказал выдать бедняку из казны огромное количество золота. Придворные испугались:

— Разве можно по каждому поводу так разорять казну?!

Они подумали, что шах не представляет себе величины названной суммы и, когда увидит, о каком количестве золота идет речь, одумается. И придворные пригласили его самого зайти в сокровищницу. Но шах, увидев это золото, воскликнул:

— Сумма слишком мала, ее надо удвоить!

И так он поступал всегда.

Однажды, некий чужеземный гость преподнес шаху Джуну волшебное зеркало, которое обладало чудесным свойством: если человек говорит правду, изображение его в зеркале останется светлым, если же солжет — изображение потемнеет. В награду за зеркало шах дал так много денег, что чужестранец не мечтал и о десятой доле их. И стал он превозносить щедрость шаха. Тогда Джуну спросил у гостя:

— Вот ты много странствовал по свету. Не встречал ли ты таких же щедрых, как я?

Вопрос этот поставил чужестранца в очень затруднительное положение: если сказать «нет» — это будет ложь, если сказать «да» — это может обидеть шаха. И он сказал неправду. Джуну предложил:

— Ну-ка, взгляни в зеркало!

И гость очень смутился, потому что зеркало, подаренное им же самим, разоблачило его ложь. Но смутился и Джуну, ибо понял, что побудило пришельца солгать. И попросил рассказать чистую правду. И гость рассказал:

— Есть один индийский город — Тараз. Его можно назвать вторым раем. Там текут полноводные реки со сладкой водой, он весь утопает в садах и цветниках. А в этих садах — не дома, а дворцы. Весь народ там несказанно богат. И живет там юноша, чистый и прекрасный, изучивший множество наук и окруживший себя учеными. Его зовут Масуд. Он очень богат и любит проводить время в веселых пирах. Так вот, он так щедр, что перед ним склонил бы голову сам Хатам, прославленный в легендах за свою щедрость.

Этот рассказ потряс правителя Дели. Он захотел непременно повидать юношу. Никому из придворных шах решил не говорить о своем решении уехать из города, а чтобы его не искали, сказал, что неделю будет отдыхать в своем гареме. Сам же сел на быстрого коня, обгоняющего молнию, и за два дня добрался до Тараза.

Поистине прекрасен был этот город — в сто раз красивее, чем его описал гость шаха. Прекрасные дома утопали в густой зелени. Джуну, расспросив дорогу, без труда нашел дом Масуда. Это был не дом, а роскошный дворец. Во дворце шел веселый пир, а путешественников у ворот встречали слуги. Увидев подъехавшего Джуну, они поклонились гостю, отвели коня в конюшню, а самого шаха в дом к гостям. Всему дивился Джуну: великолепию убранства, достойного царского дворца, красоте и благородству хозяина дома. Юноша был так радушен, щедр, так

скромнен, учтив! Накормив и напоив гостя, он повел Джуне в баню, которая того тоже изумила: стены облицованы дорогой яшмой, пол — из цветного мрамора, кругом зеркала, а вода в водоеме благоухает розами. Каждый таз позолочен и сверкает, как солнце, ручка кувшина — из серебра, златотканые благоухающие полотенца... Шах подумал: «Такой роскоши нет в моем дворце...»

Когда он совершил омовение, ему подали разноцветные шелковые одежды. Как гость, он повиновался, и в одеждах цвета розы шаха привели на пир. Джуне никогда не видал такого пира! Все гости были одеты в разного оттенка алые халаты, вся утварь была алой, а посуда — из рубина. Много раз чаша обходила круг гостей, и Джуне потерял привычную осторожность: хмель развязал ему язык. А так как шах был умен и красноречив, речи эти выявили его возвышенную натуру. Он сказал Масуду:

— Мне принадлежит многое. Но такую красоту я увидел только в твоём дворце. Откуда у тебя такое богатство?

Масуд ответил:

— Я вижу, ты не простой смертный. Я должен ответить на твой вопрос. Богатство дается человеку судьбой. Правит нашей страной справедливый шах Джуне. Он сумел устранить неправедность, беззаконие, и потому мы живем в покое и достатке. Всем мы обязаны своему шаху. А я счастливей других потому, что молю бога за нашего шаха.

Выслушал такой ответ шах Джуне и, придя в восторг, почувствовал прилив любви к Масуду. И опять засверкало красноречие Джуне, и Масуд увидел, какой ученый человек стал его гостем. Ему захотелось сделать гостю богатый подарок. В тот день как раз Масуду доставили прибыль, которая была равна подати всей страны в шахскую казну. Все это золото Масуд и преподнес шаху. Но шах остался внешне равнодушным: он хотел испытать, каков предел щедрости Масуда.

Тогда хозяин сказал:

— Пусть придут десять гурий и осыплют нас розами!

А на дворе была уже осень. Но действительно, вдруг до шаха донесся аромат весенних роз, вошли прекрасные молодые девушки и принесли розы. И сами они были одеты в розоцветные наряды. Тут Масуд сделал знак, и явилась одна, красота которой превзошла прелесть ее подруг. Девушка наполнила вином прекрасную чашу, какой никогда не видел шах, и подала ему. Масуд сказал шаху:

— Посмотри внимательней, эта чаша не простая, раз

наполнишь ее — и она не пустеет. Будет идти по кругу — и не иссякнет в ней вино. Когда же все гости напьются, вина в ней станет меньше, но ненамного.

Шах стал пить из этой чаши, а она все была полна. И Масуд подарил Джуне эту волшебную чашу.

Когда следующая ночь вступила в свои права, Масуд опять устроил пир, еще более пышный, чем накануне. Опять хозяин сделал знак, и слуги привели одну из красавиц. Она была очень скромна, лицо ее закрывал розовый шелк. Масуд велел ей снять покрывало и поиграть на чанге. И когда пирующие увидели ее лицо, она покорила всех, но больше других — шаха Джуне. И Масуд тут же подарил ему красавицу. Больше того, Масуд велел слугам весь день до вечера преподносить гостю дары.

А поутру пир начался снова. И опять хозяин сделал знак рукой, и привели коня, быстрого, как молния, нежно-розовой масти, потому он и назывался Гульгун. Склоня перед гостем голову, Масуд смиренно попросил принять и этот дар. И еще много дивных вещей он подарил шаху.

На следующий день Масуд опять позвал друзей на пир. Но Джуне, так и не раскрыв себя, сказал, что ему пора возвращаться, но что доброты Масуда он не забудет до самой смерти. Юноша просил шаха погостить еще, но тот был непреклонен и вернулся домой, в Дели. И вскоре вслед за ним прибыли все дары Масуда. С тех пор Джуне стал любоваться розоцветной чашей и красавицей и надевать розоцветный халат.

А в то время в Таразе, где жил Масуд, правил самодур по имени Джайсур. Жалобы людей на него дошли до шаха. И Джуне отдал приказ сместить Джайсура с должности, а вместо него правителем назначить Масуда. Но Джайсур узнал заранее, что его собираются сместить, испугался и призвал к себе помощника по имени Маллу, человека порочного и жестокого. И тот посоветовал так:

— Во всем виноват Масуд. Шах прослышал о его чрезмерной доброте и потому решил отдать ему Тараз. Если мы убьем Масуда, власть останется в твоих руках.

Джайсур обрадовался такому предложению, только спросил Маллу:

— А как мы это сделаем?

Тот ответил:

— Ты пригласи его к себе в дом и прояви гостеприимство. Об остальном я позабочусь сам.

Джайсур так и поступил. Залучил Масуда к себе в дом, устроил пир, и, когда Масуд опьянел от крепкого вина,

Маллу со своими бесчестными слугами схватил его и бросил в колодец. Утром слуги Масуда стали искать хозяина, но тщетно. Они кричали и плакали, а больше всех рыдал притворно Джайсур, чтобы его не заподозрили в соучастии. Люди утешали его, и он устроил поминки по Масуду, которые длились семь дней.

А Масуд, очнувшись в колодце, почувствовал на себе путы, увидел, что наполовину лежит в грязной воде, и никак не мог понять, что с ним случилось. Но вот в колодец опустилась веревка, Масуд ухватился за нее и с трудом был вытасчен на белый свет. Его сразу же схватил палач. Маллу мало было убить Масуда, он хотел пытать его. Масуд хотел откупиться деньгами, но Маллу и это не соблазнило. Он только кричал своим слугам, чтобы они крепче били юношу. И так продолжалось несколько дней. Наконец Маллу решил: «Завтра я убью его. Я уже насытился злобой». И велел пока опять бросить пленника в колодец. Потом пошел к Джайсуру и доложил, что враг его уничтожен. А сам на радостях напился до беспмятства.

У Маллу была дочь, прекрасная душой и телом. Она давно тайно любила Масуда. И она слышала о том, что в доме есть пленник, но боялась расспрашивать отца. Когда же отец, мертвецки пьяный, уснул, красавица, заглянув в колодец, спросила, кто там и жив ли этот человек. Масуд назвал себя, и девушка тотчас решила помочь ему бежать. Рыдания душили ее, но она поняла, что теперь не время давать волю чувствам,— необходимо действовать. Девушка позвала своих служанок, они вытащили юношу, освободили от пут и ввели в дом, в женскую половину.

Наутро Маллу очнулся от пьяного сна и хотел убить Масуда. Какой страх охватил Маллу, когда он увидел, что колодец пуст! Маллу велел убить стражника и обыскать все дома в городе, все окрестности, но Масуда не нашли. Маллу ведь и предположить не мог, что беглец скрывается в собственном доме его притеснителя. А заботы красавицы вернули юноше силы, и молодые люди решили бежать вместе. Девушка добыла двух коней и вместе с Масудом пустилась в путь. Маллу, узнав об этом, послал за беглецами погоню, и когда она уже нагоняла Масуда и его спасительницу, беглецам блеснула удача: они достигли берега моря, где как раз грузился корабль. Молодые люди заплатили корабельщику и тотчас отплыли, а погоня осталась ни с чем.

Случилось так, что беглецы высадились с корабля по-

близости от Дели. И на своих конях пустились к шаху, зная о его справедливости. Но по пути на них напали разбойники, отобрали коней и раздели донага. Хорошо, что упал на землю туман и молодых людей не было видно. Тут вдруг к ним подошла толпа горожан. Масуд все им рассказал, и горожане сжалились над несчастными и дали им рубища прикрыть наготу.

Наступило утро, и беглецы почувствовали сильный голод. Девушка совсем лишилась сил. Масуд, который успел полюбить свою прекрасную спасительницу, решил: «Пойду в город, найду денег и накормлю ее». Пришел он в город на базар, и как раз в этот момент торговец фруктами выкладывал на блюдо прекрасные плоды для шаха и обещал дать дирхем тому, кто их отнесет. Масуд взял блюдо и понес. Блюдо оказалось большое, день стоял жаркий, путь был трудный, но Масуд все же дошел до шахского дворца. Здесь шах, уже прослышавший об исчезновении Масуда, безутешно оплакивал юношу.

Вошел в сад Масуд и видит бывшего своего коня Гульгуна, которого он когда-то подарил полюбившемуся гостю. Подумал Масуд: «Наверное, гость передарил мой подарок шаху!» Пошел дальше — слышит, знакомый голос поет. Он узнал девушку, которую подарил тому же гостю. А когда ступил на царский ковер, увидел чашу, которую переполняло вино. Взглянул на шаха — и узнал своего гостя. Это потрясло Масуда. «Как же, — думает, — я покажусь шаху в таком виде? Он подумает, что я пришел за расплатой!»

Поставил Масуд блюдо и бросился бежать. Но среди слуг шаха были прежние рабы Масуда, они-то и узнали старого хозяина, бросились к нему, зарыдали... Подбежал к ним шах и увидел в кругу рыдающих слуг того, кого так безутешно оплакивал. Шах приказал придворным повести Масуда в баню, но тот рассказал о своей прекрасной спутнице. Шах отправил за нею носилки. Слуги нашли девушку на развалинах, одели в розовый наряд и на носилках принесли во дворец. Вот так шах ответил на щедрость Масуда щедростью — так всегда должно и быть. Он одарил Масуда богатством и дал ему в управление Тараз, а злодеев Джайсура и Маллу казнил.

— Твой рассказ прекрасен, — сказал Бахрам. — Мне очень хотелось бы знать, от кого я услышал эту историю. Откуда ты?

— Моя родина — Тараз, я потомок щедрого Масуда, — отвечал рассказчик.

— Отныне ты мой друг,— сказал шах, отпустил странника и уснул.

В среду Бахрам, одетый с головы до ног во все голубое, вошел в Голубой дворец. Воссел шах на голубой трон и попросил вина. Вошла девушка, одетая в голубой атлас, и подала шаху чашу из бирюзы. Весь день Бахрам с красавицей пили вино из голубых чаш, а когда взошла луна, Бахрам возлег на голубое ложе. Тотчас слуги привели скитальца. Уселся на ковер чужестранец и начал свою историю.

...Жил некогда в городе Адене разбойник по имени Джабир. Он грабил всех без разбору и на суше, и на море. Под его предводительством была целая банда разбойников и убийц. На безлюдном острове среди моря Джабир устроил себе убежище. У него было много челнов, и каждый день кто-то из разбойников забирался на дерево и смотрел в сторону моря — не покажутся ли суда?

А на соседнем острове был город под названием Джаннат (Райский Сад). Им управлял мудрый шах по имени Навдер. И была у этого шаха красавица дочь, которую звали Мехр. Однажды она со своей свитой села в легкую ладью, чтобы совершить прогулку. Внезапно поднялся сильный ветер и понес ладью к острову Джабира. Разбойники увидели ладью и вместе со своим атаманом напали на нее. Джабир забрал всех в плен. Когда выгрузили из ладьи товары, которые красавица брала в путешествие, атаман разбойников увидел Мехр и потерял голову от ее красоты. Он не осмеливался поднять на нее глаза. И завыл ее свите:

— Если хотите спастись, берите судно и отправляйтесь прочь, а ее оставьте здесь.

И вот девушка осталась на чужом острове. Разбойник, покоренный красотой Мехр, жил, мечтая о ней. Он поселил девушку в высокой башне.

Был в этом море полуостров, на нем стоял город Йемен. Владел Йеменом царь Нуман, очень мудрый и справедливый. Был у него красавец сын по имени Сухейль. Он был влюблен в Мехр и обручился с ней. Сухейль очень скучал по своей невесте. В саду, где юноша коротал дни разлуки, росли голубые цветы.

И Мехр, зная об этом, у себя дома в знак тоски одевалась в голубые одежды.

Добрый шах Нуман уже начал приготовления к свадьбе сына. Но Сухейля одолевало нетерпение. И вот он ца-

грузил суда сокровищами и поплыл к своей невесте. Он спешил скрепить с ней брачный договор. Но вдруг поднялся на море сильный ветер, и злые волны погнали ладью Сухейля к острову разбойника. Вскоре ладью отнесло далеко от каравана и свиты. Ее заметили подручные Джабира и завязали с Сухейлем бой. Юноша отважно сражался, но сам Джабир поднырнул под ладью и клинком рассек днище. Ладья стала наполняться водой. Джабир не дал Сухейлю утонуть, вытащил из воды и в челне доставил на свой остров. Разбойник понял, что перед ним царевич, и счел за благо не убивать его, а сделать своим пленником, так как храбрость юноши очень Джабира подкупила. Но отпустить Сухейля на волю он побоялся, чтобы не занять столь сильного врага. И вот юношу в оковах опустили в мрачный колодец. Так жених и невеста оказались на одном острове, но ничего не знали друг о друге: она была в башне, он — в колодце.

А свита Мехр тем временем по воле волн достигла родной земли и принесла шаху Навдеру печальную весть о дочери. Все приближенные оделись в голубые одежды в знак печали. Шах Навдер написал Царю Нуману письмо, умоляя его выступить на разбойника. Сам же Навдер тоже намеревался добраться до логова Джабира.

Когда царь Нуман получил это послание, он догадался, что не только невеста сына, но и сам сын попал в беду. Нуман послал Навдеру ответ, из которого тот узнал, что и Сухейль в плену. Нуман назначил срок встречи Навдеру, чтобы одновременно ударить по Джабиру.

Но не суждено им было достичь цели. Когда шах Навдер вел войско сквозь лес напрямик, он увидел, как в чаще мелькнул большой зверь. Шах стал преследовать его и оторвался от своего войска. Навдер так увлекся охотой, что потерял бдительность. А Джабир расставил у леса засаду. Так шах Навдер из охотника сам стал добычей. Это урок царям: нельзя покидать свое войско! Каким бы правитель ни был отважным, воюет войско, а не царь. Так и шах Навдер стал пленником Джабира.

Не повезло и Царю Нуману. Когда он был уже в двух днях пути от цели, на море поднялся страшный ураган и разметал суда. Корабль Нумана не пострадал, но его принесло на то же место, что и ладью Сухейля. И Джабир захватил царя в плен. Все богатства Джабир забрал, а Нумана бросил в темницу. Так злодей оказался победителем и на радостях стал проводить свои дни в пирах. Он пил за здоровье Мехр, но не смел показаться ей на глаза.

А она страдала от тоски по своему жениху и оттого, что находилась у разбойника в плену.

Но однажды Мехр услышала, что в колодце находится пленник. Оттуда доносились его стоны. Она решила освободить пленника, чтобы он помог ей встретиться с Сухейлем. Мехр подошла к колодцу и спросила:

— Если я тебя освобожу, поможешь ли ты мне?

Он, конечно, обещал. Мехр опустила в колодец две свои косы вместо веревки, и пленник выбрался на белый свет. Служанки помогли Мехр освободить юношу от цепей. Вначале молодые люди даже не узнали друг друга — так изменились оба от тоски. Мехр рассказала юноше о своем женихе и просила спасти ее из плена. Повела, что разбойник Джабир не прикасался к ней, так как полюбил ее. Этот рассказ потряс пленника. Юноша признался Мехр, что он и есть Сухейль. Мехр зарыдала и без чувств упала на землю. И все слуги зарыдали, сраженные скорбью.

Когда Мехр пришла в себя, она решила, что нет худа без добра. Спрятала жениха в укромном месте и стала носить ему туда еду, чтобы подкрепить силы Сухейля. И вот однажды, когда Джабир совершал прогулку, царевич бросился на него из засады. Разбойник от изумления растерялся. А Сухейль схватил его, поднял над собой и ударил головой о землю. Потом скрутил веревками и опустил в тот колодец, где еще недавно находился сам. Поистине, кто роет другому яму, сам в нее попадает.

Сухейль скрепил с невестой брачный договор и без боя овладел имуществом разбойника. На пир он велел пригласить всех пленников злодея. Рабы привели к своему властителю двух пленников — шаха Навдера и царя Нумана. Так встретились разлученные отцы и дети.

Когда отцы скончались, Сухейль и Мехр, поженившись, объединили два своих государства и стали править мудро и справедливо. Мехр снова стала одеваться в платья из голубого атласа. Народу этот цвет понравился, и все стали носить голубые одежды.

— Благодарю тебя, странник,— сказал Бахрам, когда тот кончил, и по заслугам наградил его. Путник ушел, а Бахрам крепко уснул.

Погасла луна, померкли звезды — кончилась ночь. Взошло солнце. Бахрам, уже одетый в наряд цвета сандала, восседал на ярко-коричневом троне, в сандаловом дворце.

Шурша платьем, вошла во дворец красавица с подно-

сом в руках. Налила она Бахраму вина в сандаловую чашу, и весь день Бахрам не выпускал эту чашу из рук. Целый день пировали они.

А когда стухли сумерки и Бахрам опять не мог уснуть, вновь повелел он привести странника. И тот расказал ему такую историю.

... По дороге с западных земель на восток случайно сошлись два путника. Одного звали Мукбилем, другого — Мудбиром. Мукбиль всегда был честен и приносил людям счастье, Мудбир же был отчаянным лжецом и всегда приносил с собой беду. Шли они по безлюдной знойной пустыне и терпели лишения. Но Мукбиль был терпелив и шел, уповая на бога. Мудбир же возроптал: «Неужели всесильный бог не мог сотворить в пустыне ручьи?» А потом стал срывать зло на своем попутчике, словно тот был виноват в его несчастьях. Мукбиль все терпел, пока они не пересекли пустыню. Когда же их глазам открылось море, он решил расстаться со своим попутчиком. Но тот так умолял простить его, так искренне раскаявался, что Мукбиль забыл о причиненном ему зле.

Когда скитальцы подошли к пристани, они увидели множество судов. Один корабль был уже готов к отплытию. Путники приобрели сандаловый челнок, привязали его к кораблю и в челне стали продолжать свое путешествие. Но и тут Мудбир стал роптать на бога: «В пустыне ты томишь нас жаждой, в море грозишь гибелью в водной пучине. От таких крайностей у человека начинается помрачение ума!»

Его хулы возмутили бога, и поднялся на море страшный ураган. Он разметал челны и корабль, порвав веревки. И челн с Мукбилем и Мудбиром поплыл по воле волн. Мукбиль смиренно молил бога о спасении. Две опасности видел он — злой ураган и злобный нрав своего товарища.

Молитва Мукбиля возымела действие. Судьба сжалась над ними: волны прибили их челнок к острову, на котором произрастал сандал. От него исходило благовоение, а возле одного дерева был светлый ключ родниковой воды. Здесь путники нашли отдых. Они привязали накрепко свой челнок к корню дерева и подошли к ручью. Возле него лежал древний камень, покрытый письменами. Вот что прочитали Мукбиль и Мудбир на нем: «Этот ручей — волшебный. Если честный человек выпьет из него, он на месяц утолит и жажду, и голод. Если же лжец выпьет, то насытится лишь на короткий срок. И если после этого он

произнесет ложь, вмиг разорвется его брюхо и он погибнет позорной смертью.

Второе свойство волшебной воды такое: если лживый человек нырнет в эту воду, он ошпарится. Если же честный нырнет в этот ручей и омоет следы путешествия, когда он поднимет голову, нечто откроется его глазам, а что именно, это будет известно только ему одному. Но он должен помнить: стоит ему нырнуть опять, волшебство исчезнет».

Когда оба прочли эту надпись, Мудбир решил отказаться от лжи и насытиться волшебной водой. И хотя ложь вошла в его плоть и кровь, он поклялся: «Господи, уничтожь меня, если хоть раз произнесу ложь!» Этим он обрек себя на гибель. Мукбиль же испил из источника и спас себя от голода и жажды.

Потом Мудбир разделся и решил помыться в ручье, не испугавшись предупреждения. Едва он ступил в него, вода обожгла ему ноги, и он тотчас же вышел. А Мукбиль с наслаждением окунулся в волшебный источник. Когда же он высунул голову из воды, то увидел дивное видение: перед водоемом — райский сад, а в том саду — гарем. Служанки подошли к нему с сухими полотенцами и атласными одеждами. Они растерли его насухо, одели и повели в сандаловый чертог. Там он увидел дивную красавицу и от волнения потерял сознание. Она сама подошла к Мукбилю, привела в чувство, подала руку и подвела к престолу. Мукбиль сразу полюбил ее. Им поднесли яства и напитки, от всего веяло сандалом. Красавица стала подносить Мукбилю кубок за кубком, пообещав на следующий день устроить свадебный пир и вступить с ним в брак.

Наутро Мукбиль очнулся около ручья. Ему захотелось увидеть чудо из чудес, и он полез в воду. Мукбиль забыл, что повторно погружаться в родник нельзя, и только поднял голову из воды, увидел, что все исчезло — и чертог, и водоем. Но вдруг Мукбиль заметил надпись на камне: «Тот, кто увидит это волшебство, пусть немедленно садится в челнок и уплывает в море, иначе погибнет». И оба спутника опять пустились в путь. Мукбиль страдал: неужели он никогда не соединится со своим кумиром? Мудбир расспрашивал, но Мукбиль ему ничего не отвечал.

Вскоре они увидели вдалеке судно. Ветер им благоприятствовал, и их челнок пристал к судну. Когда Мукбиль и Мудбир поднялись на корабль, то увидели, что вся команда мертва, а корабль нагружен сандалом. А дело было так: у одного восточного царя была дочь, прекрас-

ная, как утренняя заря. Она очень страдала от головных болей, и никакие лекари не могли ей помочь. Только от запаха сандала утишалась эта боль. Поэтому отец решил построить для нее сандаловый дворец и снарядил в Индию корабль за этим душистым деревом. Но на обратном пути корабль попал в водоворот, прокружился целый год, и все люди на корабле погибли. Наконец по воле ветра корабль вырвался из водоворота, на него-то и попали честный Мукбиль и враль Мудбир. Первый мечтал о своей возлюбленной, второй же стал бросать трупы за борт, чтобы завладеть чужим добром.

Так прибыли путники в восточную страну. Царь ее как раз совершал прогулку. Увидев корабль, он приказал привести одного из корабельщиков, чтобы узнать, куда судно держит путь. На зов царя пришел Мудбир. И сказал, что он торговец, что всех его спутников постигла смерть, остался только один его невольник — Мукбиль. Мудбир забыл о предупреждении на камне возле источника, что выпивший воду погибнет, если произнесет ложь. И вдруг он стал так быстро распухать, что брюхо его лопнуло.

Царь страшно удивился и послал за вторым корабельщиком. Мукбиль рассказал ему всю правду. И царь приказал забрать в казну все сокровища с корабля. Увидев правдивость Мукбиля, царь решил наградить его: возвел в сан визиря и решил принять в свою семью. Мукбиль стал отказываться — ведь он полюбил другую! Но царь не послушал его и устроил свадебный пир. На Мукбиля он велел надеть сандаловый наряд, потому что его дочь любила этот цвет. И вот Мукбиля привели в покои его жены. Как же он был удивлен, когда увидел в чертогах жены все то же самое, что видел, окунувшись в ручей. И красавица была та самая, которую он полюбил. И стали они мужем и женой. Только был Мукбиль всегда немногословен. И жена спросила его:

— Какая мысль тебя заботит?

Мукбиль рассказал ей все без утайки. И она объяснила:

— Моя красота всех сводила с ума. Подпал под мои чары и владыка джиннов. Он и меня сделал одержимой. Отец созвал искуснейших врачей, и они вылечили меня. А чтобы развлечь своего владыку, джинны создали волшебство: сандаловый дворец, роскошный сад, а на престоле — меня. Это творение волшебства принесло владыке джиннов покой. Вот это мое изображение и видел ты.

Эти слова рассеяли волшебные чары, и Мукбиль возликовал. Он увидел любовь на лице своей возлюбленной.

Сандаловый цвет стал для него символом успокоения в любви.

— Благодарю тебя,— сказал Бахрам рассказчику.— Твоя история мне понравилась. Иди, я отпускаю тебя. Ушел странник. Заснул Бахрам.

В пятницу Бахрам, одетый в белые шелка, явился в Камфорноцветный дворец. Посреди залы стоял стол из слоновой кости, а за ним сидели гости и гостьи в белоснежных нарядах. Дочь чинского хана налила ему вина в китайский фарфоровый кубок. До вечера Бахрам пил с гостями вино.

Закончился славный пир, гости расходились, красавица ушла к себе. Думал Бахрам, что, может быть, в эту ночь он наконец уснет. Но нет, не шел сон к нему. И тогда один из гостей, какой-то мудрец, подошел к его ложу и предложил выслушать такую историю.

— ...Моя родина Хорезм. Я музыкант и учу музыку других. Никто не мог состязаться со мной в моем ремесле. Но вот разнесся слух, что к нам из Чина прибыл купец, неслыханно богатый, и среди его сокровищ есть невольница, которая своим пением и игрой всех сводит с ума. И это оказалось правдой. Она пленила игрой весь Хорезм. Лицо же ее всегда было скрыто под белоснежным покрывалом. Правитель Хорезма полюбил ее и мечтал сделать своей женой, но получил отказ. Тогда он решил воспользоваться властью и силой привести ее во дворец. Приказание его тотчас было исполнено. Но, когда шах попытался приблизиться к ней, она взяла в руки чанг и начала играть, навевая на шаха сладкий сон, а сама удалилась домой. И сколько раз ни пытался шах овладеть красавицей, все попытки кончались неудачей. Тогда шах, смирившись, пришел к купцу, попросил прощения у девушки, и она простила шаха и зажила спокойно, не опасаясь более его угроз. Никто не знал, что вдохновляет ее, но все плакали, когда она играла и пела. И шах каждый день был в числе ее гостей.

Я давно был известен в Хорезме как музыкант и певец, но с тех пор, как прибыла эта волшебница, народ превозносил ее, охладев к моему искусству. Жизнь стала в тягость мне. И я придумал, как проникнуть к невольнице в гарем. Общий интерес к музыке сблизил нас. Беседуя с девушкой, я понял, что в ее пении и игре звучала глубокая тоска, порожденная разлукой с любимым. Мы много

беседовали, и пришел день, когда я осмелился спросить девушку о причине ее тоски. Она ответила:

— Если я расскажу тебе все, ты должен будешь покинуть меня. Поклянись, что исполнишь это мое требование.

Я вынужден был дать клятву. И она рассказала, что ее родина — Чин, что воспитал ее купец, который не жалел денег, чтобы обучить ее музыке и пению. Она достигла в этом ремесле такого мастерства, что могла оживлять и усыплять людей своей музыкой. Многие пытались купить ее у купца, но цена была слишком высока для них. А в это время жил в Чине великий художник Мани, который написал ее портрет для самого могущественного из земных правителей, и тот, увидев ее изображение, влюбился в нее и сумел выкупить у купца. Этот шах так любил девушку, что не мог провести без нее ни минуты. Он даже забыл о своих шахских обязанностях, о своих подданных. И она тоже полюбила шаха, но не ценила своего счастья, ее обуяла гордыня. Однажды во время охоты после пира, когда шах был во хмелю, он совершил для любимой почти невозможное: сначала прострелил газели передние ноги, как бы связав их, затем стрелой рассек ей горло. А красавица вместо похвалы посмеялась над ним. И тогда шах, разгневавшись, велел бросить ее в пустыне одну, связав ее же косами.

А затем случилось вот что: купец, продавший девушку шаху, воспитавший ее, как родной отец, затосковал по ней и решил проведать. Случайно его путь лег через ту пустыню, где бросили связанную девушку. Купец был очень удивлен и обрадован, когда нашел ее и спас от ужасной смерти. И решили они, чтобы скрыться от шаха, поселиться в Хорезме, где никто их не знал. Но красавица продолжала тосковать о своем возлюбленном и потому отказывала любым женихам. А белые одежды она носила потому, что считала: живущий без любви подобен мертвому, а мертвых заворачивают в белый саван.

... Чем дальше рассказывал гость, тем яснее становилось Бахраму, что речь идет о его возлюбленной Дилаграм, что он нашел ее след. Шах боялся выдать себя и тем прервать рассказ. Когда же путник кончил, Бахрам обнял его со слезами радости и потерял сознание. Очнувшись, до самого утра он метался, не зная, что предпринять, — ему хотелось немедленно мчаться навстречу своей любви.

— Шах, — сказали его советники, — ты не вправе покинуть свою столицу.

— Шах,— сказали ему другие,— ты властелин. Скала горда и неприступна, так будь же скалой.

Выслушал их Бахрам и решил, что они правы.

— Тогда я отправлю гонцов?— нерешительно спросил Бахрам.

— Вот верное решение!— воскликнули советники.— Отошли одно письмо купцу, другое — Диларам.

Бахрам взял перо и лист бумаги и написал купцу: «Мы узнали, что вы теперь в Хорезме. Не откажите нам в милости увидеть вас у меня во дворце».

А Диларам он написал так: «Любимая, приди ко мне. Я твой раб, я твой пленник. Приди ко мне, иначе я умру».

Отправились гонцы с письмами и вручили их купцу и Диларам. Обрадовался купец, расцвела Диларам. И вот караван купца пошел в сторону дворца Бахрама.

Когда настала ночь, Бахрам, не в силах терпеливо дожидаться возлюбленной, вскочил на коня и помчался ей навстречу. На рассвете влюбленные встретились и обрели утерянное счастье. Бахрам вновь стал весел и забыл о своей тоске.

Вновь предался он пирам и охоте.

Так прошло три года.

Однажды Бахрам затеял большую охоту. Весь луг был покрыт трупами убитых зверей. Тут и там алели лужи крови.

Рассердилась земля и превратила эти потоки в арыки смерти, смешалась кровь с болотной водой. Съехалась рать Бахрама, суживая круг облавы. И не выдержала земля — прогнулась. Множество седоков пошли ко дну. Все засосало страшное болото — и охотников, и дичь. Погиб и Бахрам, сам устроивший все это. И ничего не осталось от Бахрама, кроме его имени.

СТЕНА ИСКАНДАРА

Давным-давно жил в Руме некий шах. Звали его Файлакус. Всего у него было вдоволь, и шах чувствовал бы себя вполне счастливым, если бы был у него сын. Но сына не было, и это очень огорчало Файлакуса.

Однажды возвращался шах с охоты. Была ночь, и он, сбившись с дороги, очутился у каких-то руин. Там шах и заночевал. А утром, только открыл глаза, услышал чей-то стон. Вскочил шах и увидел: лежит в двадцати шагах от него мертвая женщина, а возле нее — крохотный младенец. Файлакус приказал похоронить мать, а мальчика решил взять с собой.

Понравился малыш Файлакусу. Назвал шах найденыша Искандаром и объявил своим наследником. С отцовской нежностью и заботой воспитывал Искандара. Учителем мальчику шах избрал мудрого Никумахуса. А когда Никумахус скончался, место его занял Арасту — сын Никумахуса. Арасту вычислил по звездам, что Искандар будет великим правителем и полководцем, что он завоюет все царства мира, и решил достойно воспитать шахского наследника и познакомить его со всеми науками. Искандар оказался очень способным учеником, жадно слушал своего наставника, не пропуская ни единого его слова.

Искандар обучался также военному делу. Он метко стрелял, умело действовал мечом и всех превзошел в ратном искусстве. Летописцы рассказывают, что, когда он совершал походы в чужие страны, тех правителей, которые покорялись ему, Искандар оставлял на троне и брал под свое покровительство. Тех же, кто не покорялся, убивал, как случилось с правителем Магриба. То был злобный и жестокий шах. Искандар покорил Магриб, созвал его жителей и предложил им самим назвать справедливого человека для управления страной.

Отвечали жители Магриба:

— Был среди нас один справедливый человек. Но мы не знаем, жив ли он. Бросил этот человек дом, богатство и удалился от людей. Принимает он только больных и нищих — помогает им, как может.

— Найдите его и приведите ко мне, — сказал Искандар.

Привели к нему отшельника. Тот был одет в рубище и почему-то держал в руках две кости. Посадил Искандар его перед собой и спросил:

— Зачем тебе эти кости?

— Я живу среди заброшенных могил и часто нахожу там кости. Но вот скажи мне, полководец, чья кость — царя, а чья — нищего. И ты не сможешь этого определить, и никто другой — ответ унесли века.

Искандар был восхищен словами отшельника и предложил:

— Я облеку тебя высшей властью, ты будешь правителем Магриба.

— Я избрал бедность и не буду счастлив, став правителем. Ведь богатство духа — Истина. Я отвергаю твоё предложение, — ответил старик.

Смутился Искандар. Отпустил он отшельника и пошел к Арасту.

— Скажи мне, учитель, как короче пройти к поставленной цели, как не ошибиться в выборе пути?

— Живи в одиночестве, — отвечал Арасту. — Плыви пылинкой к обители вечности.

— Разве богатство — зло? Кто может больше сделать добра — богатый человек или нищий? Ведь тот, кто богаче — сильнее и может сделать больше.

— Добрые дела — честь богатым. Но знай, если доброе дело содеяно вовремя, оно навсегда останется в сердцах людских, даже после смерти содеявшего. Но если что-то совершается не вовремя, люди осудят тебя, даже если ты делал это из хороших побуждений:

Поблагодарил Искандар Арасту и решил поговорить с отцом. Но Файлакус был уже стар, чувствовалось, что смерть открывает ему свои объятия. И сказал шах Искандару:

— Сын мой, я умираю. Завещаю тебе свое царство. Я воспитывал и растил тебя, чтобы правил ты мудро и справедливо.

Искандар молча склонил голову. Боялся он взять на себя такую огромную ответственность. И когда похоронил отца и воздал ему все почести, созвал народное собрание. И обратился к людям с такой речью:

— Люди Рума! Я считаю, что все мы равны независимо от происхождения. Мой отец с достоинством нес бремя власти, он был для вас щитом от угроз и бедствий. Отец был могуч, а я — слаб, я боюсь власти. Царем должен быть великий человек, а не я, осиротевший наследник. Не по плечу мне царство. Простите меня за правду. Изберите достойнейшего, чтобы он во всем превосходил остальных, чтобы всегда защищал правого, даже если тот беден, чтобы умел защитить страну от врагов.

Закричал народ со всех сторон:

— Не покидай нас! Мы знаем, ты мудр и справедлив. Ты будешь хорошим царем, сможешь защитить нас от врагов. Твои знания и воля так велики, что Рум тесен Искандару. Ты покоришь целый мир. Не отдавай трон никому.

И понял Искандар, что не остается ему ничего другого, как принять венец. И народ возликовал, узнав о согласии Искандара.

Когда кончились торжества, Искандар объявил народу, что будет каждый день до полудня принимать всех обиженных и обездоленных. Он сказал:

— Пусть любой из вас приходит ко мне за помощью и, не страшась ничего, рассказывает о своих невзгодах. Пусть видит во мне равного, а не царя. Я сам разберу все жалобы и приму справедливое решение.

И потекли к царю людские толпы. Он внимательно выслушивал каждого и вершил праведный суд: казнил бесчестных богачей и помогал незаслуженно обиженным, пресекал насилие и обман. Жестокие законы, хотя они были установлены издавна царями и потому как бы освящены временем, Искандар заменял новыми, справедливыми. Так, он запретил пытки бичом и на дыбе, на два года освободил от непосильного налога совсем обедневших, разогнал нечестных и корыстных чиновников и взял в помощники честных и достойных людей. Искандар назначил оценщиков на базарах, чтобы купцы не могли своевольно вздувать цены на товары, проверил весы и ввел гири с царской печатью, установил единую меру длины, чтобы не было обвеса и обмера. Для золота были созданы точнейшие весы, и за обман молодой царь судил очень строго. Для защиты караванной торговли он велел поставить стражу у постоянных дворов — караван-сараев. И так был Искандар справедлив, что не осталось в Руме ни нищих, ни больных, ни обездоленных. Страна разбогатела.

А в это время в Иране правил могущественный царь Дара, потомок древнего рода. По давнему обычаю многие страны платили ему дань. В их числе был и Рум. Когда еще был жив Файлакус, он ежегодно отсылал Даре тысячу золотых слитков. Когда же Файлакус умер, то Искандар решил положить выплате дани конец.

Прошло три года. И вот от Дары прибыл гонец. Искандар милостиво его принял, расспросил о здоровье царя. Ю

когда узнал о цели посещения гонца, то твердо ответил, что платить позорный налог больше не будет.

— Передай Даре,— сказал Искандар послу,— птица, что несла золотые яйца, улетела.

Вернулся гонец и передал своему повелителю слова Искандара. Разгневался Дара, велел казнить гонца. И приказал найти умного и смелого человека, чтобы отправить его послом к Искандару. Нашли такого. Дара сказал ему:

— Все цари мира — мои рабы. Как Искандар, мой раб, сын моего раба, осмелился нарушить вековой порядок?! Заставь ослушника раскаяться, иначе я сокрошу его. Передай Искандару от меня вот это.— И Дара велел принести клюку для игры в човган, мяч и мешок с кунжутным семенем.

Прибыл посол к Искандару во дворец и передал ему слова Дары. Так говорил посол:

— Образумься, поступай так же, как твой отец, и будешь в милости у могущественного Дары. Ты слишком молод, тебе лучше гонять мяч по полю,— и он положил у ног Искандара мяч и клюку, а потом высыпал из мешка кунжутные семена.— Наши войска так же неисчислимы, как эти семена. Если ты сейчас же не отправишь налог за три года, тебе несдобровать.

С улыбкой выслушал Искандар слова посла, дал ему сказать все, что тот хотел. А потом с достоинством ответил:

— Я знаю, что царь Дара ведет свой род от древней и славной династии. Но меня удивляет, что царей, достойных и уважаемых особ, он с презрением называет рабами. Твоему царю следовало крепко подумать, прежде чем произносить такие слова. И если Дара не уважает меня, примирения между нами быть не может! Твой царь,— продолжал Искандар,— прислал мне клюку и мяч с намеком на мою молодость и незрелость. Но я вижу в этом подарке иной смысл, который делает мне честь. Мудрецы говорят, что земля кругла, как мяч, так что Дара как бы вручил мне всю землю. А клюка, которой гоняют этот мяч,— орудие судьбы, и оно в моих руках. Послание Дары — это предсказание, что мне покорится весь мир. А притча о кунжутном семени не нова — как бы много семян ни было в мешке, мои цыплята склюют их без труда.

Посол Дары молчал пристыженный. Искандар сказал ему:

— Иди и передай своему царю все, что слышал.

А сам отправился к Арасту.

— Скажи мне, мудрец,— спросил Искандар,— отчего бывают в мире войны? Ведь только зная, в чем причина беды, мы можем ей противостать. Может быть, это закон бытия — решать раздор с оружием в руках?

— Ты задал очень сложный вопрос,— отвечал Арасту.— Конечно, война противна рассудку, она несет неисчислимыя бедствия народу, и если ты можешь помешать войне, грех стоять в стороне. Но не всегда это возможно. Если зачинщик войны не внимает голосу разума и поднимает на тебя войско, твой долг — обнажить меч и дать достойный отпор. Но прежде чем выступить против врага, ты должен изучить его лучше, чем себя, рассчитать силы, чтобы выиграть бой. Если убежден, что ты сильнее, не торопись напрасно проливать кровь, попробуй действовать мудрыми убеждениями, уговорами. Если будешь угрожать неразумно — даже слабый враг, раздраженный угрозами, потеряет страх и потому станет сильнее. Делай для мира все, что в твоих силах,— это закон всех времен. Если же видишь, что ты слабее врага, не веди свое войско на гибель, наращивай свою мощь.

Искандар молча выслушал советы Арасту и вопросов больше не задавал, так как во всем согласен был с мудрецом.

А Дара, выслушав рассказ посла о том, что было в Руме, вспыхнул страшным гневом на Искандара. И стал собирать войско из всех подвластных ему стран — Индии, Ирана, Турана, Монголии, Чина, Египта, Аравии. Не слали ему воинов только цари Франгистана и Зангебара, которые добровольно признали власть Искандара.

Так продолжалось два года, и у Дары собралась несметная рать. Негде было разбивать шатры, воды в реках не хватало, чтобы напоить коней.

Полки возглавляли цари или царские сыновья. Они привезли Даре столько сокровищ, что их нельзя было бы счесть и за сто лет. Хотя каждый из царей был у себя дома могущественным правителем, здесь они покорно признавали власть сильнейшего и считали за великую честь поцеловать прах у ног Дары. Когда закончился прием даров, царь царей велел собрать всех вождей вокруг своего трона. И сказал им:

— Я собрал вас, ибо наследник румийского царя Файлакуса, безумный Искандар, после смерти отца так возгордился, что перестал платить мне дань. Когда же я послал к нему гонцов, чтобы потребовать расчета, он им

нагло отказал. Тогда я решил его образумить и вновь отправил посла, но Искандар ответил так дерзко, что кровь закипела во мне. Я решил раз и навсегда проучить его. Вот почему нарушилась мирная жизнь.

Подобострастно возмущились подвластные цари:

— Как неучтив, невоспитан румийский царь! Мы пошлем сорок тысяч всадников и сотрем его в порошок!

— Верные слуги мои!— сказал Дара.— Мы за десять суток захватим Рум и признавшие его власть Франгистан и Зангебар. Там ждут нас несметные богатства и отдых.

Все стали готовиться в поход. На рассвете войско выступило на запад. Когда весть об этом дошла до Искандара, он стал серьезно готовиться к отпору. Чтобы разузнать о планах врага, он выслал навстречу Даре разведчиков. И готовил своих воинов так, что каждый из них превосходил в силе две сотни врагов. Вскоре Искандар выступил навстречу Даре.

Но когда войска сошлись и Искандар увидел, как неравны силы, он был потрясен. «Если я вступлю в бой, поражение мое неминуемо»,— в смятении думал он. И вдруг увидел двух дерущихся куропаток. Одна из них была намного крупнее и сильнее другой, и царь невольно сравнил их с собой и Дарой и стал заинтересованно следить за поединком птиц, предвидя победу более сильной и страдая, как будто в птичьем бою решалась его судьба. И что же Искандар видит? Вдруг откуда ни возьмись стрелой упал с высоты могучий сокол, схватил крупную куропатку и унес, а слабая была спасена. Искандар увидел в этом знамение свыше и воспрял духом. Царь поверил, что придет откуда-то неожиданная помощь и он победит. Искандар поспешил к своим войскам, ободрил, вдохновил их на грядущий бой.

На следующее утро, едва взошла заря, оба войска выстроились друг против друга. Со стороны Искандара выехал на лихом скакуне всадник в зеленой епанче и обратился к войскам врага с такими словами:

— Меня зовут Бербери-Барик. Много лет я верой и правдой служил царю царей Даре. Но он не ценил моих заслуг. Напрасно я взывал к его милости. Когда же я попросил отпустить меня, он велел меня жестоко избить. Униженный, я обратился к Искандару. И он так обласкал меня и наградил, что снискал вечную мою благодарность. Теперь я вызываю на смертный бой тех, к кому Дара был щедр. Пусть увидит царь царей, какова им цена!

Едва Бербери-Барик закончил речь, навстречу ему вы-

летел на черном боевом коне воин Дары Харран. У него было свирепое лицо, и весь он кипел яростью. Схватились Барик и Харран, но долго не мог победить ни тот, ни другой. Наконец Барик изловчился и пронзил Харрана мечом. Эта победа напомнила Искандару вешее знамение и внушила надежду на успех.

А Бербери-Барик вызвал нового соперника. На этот раз вышел сражаться с ним богатырь Шейда, огромный, как слон. Но Барик сразу нанес такой сильный удар, что Шейда рухнул наземь как подкошенный. Барик связал его и привел к Искандару. Дара был в бешенстве. Послал на поединок нового воина. Но и его Барик сразу вышиб из седла. Так одного за другим он победил девятерых богатырей. Никто больше не решался выйти на бой с ним. Разъяренный Дара приказал найти сильнейшего и победить Барика. И тогда выступил один темнокожий воин с налитыми кровью глазами. На нем был красный, как кровь, шлем, обмотанный черной чалмой. Все люди его племени отличались неслыханной силой — любой из них мог победить целый отряд врагов. Но Барик не испугался силача и смело ринулся в бой. Долго и отчаянно сражались они, и ни один не уступал. Но Барик был уже утомлен, ведь до этого он победил девятерых. Враг его, заметив, что тот слабеет, крепко ухватил Барика за пояс и увлек за собой. В племени темнокожего был такой обычай: захватив пленника, воин увозил его к себе домой и делал своим рабом. Так поступил и темнокожий воин: не вернулся к своему войску и никому не отдал Барика, а отправился с ним к своему дому, и никто не мог победителю помешать.

Потеряв Барика, Искандар загрустил, печалась об ожидающей богатыря горькой участи раба, но утешал себя тем, что Барик не попал в руки Дары. А Дара радовался поражению Барика, но был огорчен, что сильнейший богатырь покинул его войско.

Между тем наступила ночь, и на землю сошла тишина. Дара в своем шатре пил вино и слушал музыку, но на душе у него было смутно. А Искандар смиренно просил бога о справедливости.

Едва забрезжил день, тревожно заволновались ряды воинов, заревели трубы, загромыхали барабаны. Словно две черные тучи, двинулись войска навстречу друг другу. Пыль из-под копыт взвилась до небес, светлый день превратился в ночь. Зазвенели мечи и копья, погибшие падали под копыта коней. Казалось, настал день Страшного

суда. Искандар издали наблюдал за боем. И вдруг к нему подскакал гонец и передал запечатанный свиток. Искандар вскрыл его и страшно изумился. Он понял, что свершится предвещанное знамение.

Оказывается, были у Дары двое приближенных, которых он незаслуженно обижал и даже грозил казнить после войны. И они, опасаясь за свою жизнь, решили убить царя. Вот об этом и написали эти двое Искандару. И когда закипела битва, они вошли в шатер Дары и поразили его клинками с двух сторон.

Когда об этом узнали войска Дары, они дрогнули и растерялись. А Искандар, прочтя письмо, сел на коня и помчался в стан врага. Все безропотно расступались перед ним и преклоняли головы. Подъехав к шатру Дары, Искандар спешился и вошел внутрь. Он увидел своего врага в луже крови, покрытого багряным одеялом. Искандар стал на колени, обнял Дару за голову и так горько заплакал, что Дара в предсмертной муке открыл глаза, а когда понял, кто рыдает над ним, пораженный до глубины сердца, заговорил:

— Так вот ты какой, тот, которого я так ненавижу! Наклонись, хочу видеть твое лицо. Не встречал я в мире такого благородства — кто мог бы так простить врагу, как ты?..

— Я не хочу твоей смерти! — вскричал Искандар. — Я был безумцем, когда поднял руку на наследника древнего рода. Теперь сообщи мне свою волю, я сделаю все, как ты пожелаешь.

— У меня три последних желания, — чуть слышно промолвил Дара. — Во-первых, казни тех, кто вероломно убил меня. Во-вторых, не обижай моих родственников, ведь они тоже ветви древнего рода. Я знаю, среди них нет никого, кто затаил бы вражду против тебя. И в-третьих, мою дочь Равшанак, что остается теперь сиротой, возьми себе в жены. Пусть в моих внуках твоя кровь соединится с моей. А теперь — прощай!

— Я сделаю все, о чем ты просишь, — сказал Искандар, рыдая.

Услышав такой ответ, Дара успокоился, закрыл глаза и почил вечным сном. А все подвластные ему цари теперь безропотно признали над собой власть Искандара. И Искандар провозгласил мир всем народам.

Когда окончилась война и Искандар стал правителем Ирана, был объят молодой царь несказанной печалью. Но

горевал он не столько о Даре, как о том, что слишком рано поднял непосильный груз, власть, на свои юношеские плечи.

Искандар, воздав Даре последнюю честь, казнил убийц своего врага и сказал, что так будет поступать с каждым изменником. Выполнил он и вторую просьбу Дары — всем его родственникам оставил наделы, которые те имели прежде, и обещал им свою милость. А царевне Равшанак, дочери Дары, послал письмо с выражением сочувствия ее горю и просьбой переселиться в его дворец. Когда был исполнен и этот обет, Искандар приступил к завоеванию мира.

Испокон веков в Иране было заведено, что власть переходила от отца к сыну, и каждый последующий правитель удваивал богатства своего предшественника. Дара был четырнадцатым в династии Кейянидов, тысячу триста лет насчитывала она. И вот теперь несметные сокровища казны Кейянидов по воле судьбы достались Искандару. Он велел служителям казны принести книги, в которых вели счет царским богатствам. Тех, у кого счет сходился с наличием, он оставлял на месте, тех же, кто что-то укрывал, строго наказывал и отстранял от службы.

Проверив все, Искандар велел перевезти казну в свою сокровищницу, чтобы богатства эти всегда были у него под рукой. Караван за караваном двинулись в путь. И так продолжалось два года. А когда слуги сочли перевезенные сокровища, они доложили шаху, что и половины не перевезено. Надежным людям шах повелел хранить то, что осталось, на своих местах. Шах опросил людей, служивших у Дары, сколько тот платил им, и нашел необходимым вдвое увеличить плату войскам, вдвойне уменьшил налог на народ, оделил нуждающихся. Искандар рассуждал так: — Что толку в сокровищах, если они сокрыты в пещерах и нет от них никакой пользы. Они разве что приманка для воров. Подлинное богатство царя — благоденствие народа.

Набравшись сил, Искандар стал собираться в поход. Сначала, как велит закон предков, Искандар собрал мудрецов, чтобы снарядить их послами во все края земли: одного — в Индию, другого — в Чин, третьего — в Аравию, четвертого — в Кашмир, пятого — в Саксин, шестого — в Багдад, седьмого — в Миср, восьмого — в царство Наушад, девятого — в Магриб и, наконец, десятого отправил к саклабам. Шах снабдил каждого из них письмом, в котором сообщал: «Место Дары занял я. И теперь не к Даре

люди ходят с поклонами, а ко мне. Все цари прибыли ко мне, никто не отказался служить мне. И я их всех наградила. Если ты понял суть моих слов, явись ко мне, одобри мои слова, и я при всех оглашу, что беру тебя под свою защиту. А если ты откажешься повиноваться — вини во всем себя». И отправил своих послов.

Послам Румийского шаха цари всюду оказывали почет, одни — из страха, другие — в ожидании наград. Отправляли властители преемнику Дары дань и щедрые подарки. Лишь три владыки отвергли предложение Искандара. Кашмирский султан Маллу говорил, что пусть, мол, Искандар завладеет хоть всей землей, три блага у Маллу не отнять: неприступные медные крепости, огромные моря и огонь, и не страшен Маллу румийский царь.

Раджа из Хинда говорил, что Дара совсем разорил их, и просил дать три года на восстановление страны. А по прошествии трех лет Хинд согласен подчиниться Искандару.

Правитель Чина отвечал так: «Моя страна сильная и богатая, и я ни в чем не уступаю шаху. Искандар был слишком дерзок в письме, пусть он явит нам дружбу, тогда дождется от нас добра. А если он мнит себя земным владыкой, то не будет между нами мира».

Вернулись три посла к Искандару и донесли, что передали раджа, султан Маллу и надменный хакан.

Искандара не веселили те пиры, которые он сам же устроил для покорившихся царей. Его мучили думы о непокорных царях. И решил Искандар захватить их силой.

Добравшись до Хорасана, шах разбил там стан, построил город и назвал его Герат. Когда город был окружен крепостной стеной, Искандар покинул Хорасан, перешел Джейхун-реку и пришел в страну Мавераннахр. Восточной границей этой страны была река Сайхун, а юго-западной — река Джейхун. И есть в той стране еще пятнадцать рек, но самой чистой и быстрой была Кухек. Она протекала рядом с горой Кухек. Искандар был восхищен красотой того края и воздвиг город около горы Кухек, который назвал Самаркандом.

Наконец шах подступил к горам Кашмира. И что же он увидел? Грозную горную непокорную крутизну. Вершина — под самым небосводом. Вскрабаться на эту скалу невозможно, даже орлу не под силу перелететь ее. От самой вершины до земли гора была разделена темным ущельем. Тесный вход в ущелье закрывали тяжелые кованые ворота.

В крепости обитали две тысячи чародеев и колдунов, снаряженных для войны. Было известно: кто переступит границу — черту крепости, тот сразу же оцепенеет, а ноги его коня потеряют силу. Это смутило Искандара. Он собрал в шатре своих мудрецов — Арасту, Афлатуна, Сократа, Арашмидуса, Кылинмуна, Балиноса, Валиса, Хурмуса, Фарфурнуса и еще пятьсот ученых мужей — и спросил у них, есть ли средство от колдовских чар. Отвечали ученейшие мужи, приближенные шаха:

— Не опасайся вражьих чар, наука сильнее колдовства.

Ученые изобрели снаряд. Для этого они раскалили горн, расплавили в нем железо, ртуть, бронзу и олово, отлили из сплава громадный шар и начинили его взрывчатыми и горючими веществами. Если к нему приложить фитиль и поджечь, то страшной силы взрыв разрушит семь скал, а колдуны, наглотавшись едкого дыма, лишатся возможности колдовать. Узнав об этом, шах пришел в изумление и восторг. Он воскликнул:

— Вот что значит наука! Когда же мы пустим стрелу возмездия?!

— Да хоть сейчас,— отвечали мудрецы.

Сел шах на могучего коня, а за ним поспешили слуги, войска, покоренные цари, оруженосцы. А впереди Искандара шли мудрецы ученые и катили перед собой огромный шар с пороховой начинкой и медную трубу.

Взрыв разрушил стену, и едкий дым и пары оглушили колдунов. Их лица почернели от дыма и злобы, но ворота сами раскрылись — то ли от взрыва, то ли от бессилия защитников крепости.

Воя и крича, черные маги и чародей помчались к Маллу и рассказали ему о силе Искандара. Понял Маллу, что сопротивляться невозможно, что Искандар втрое, вчетверо сильнее его, и приказал все сокровища и оружие перенести черным ходом в подземелье. А сам ушел в Каратаг.

Искандар предложил войти в крепость, но мудрецы ответили, что там еще не рассеялся дым и войти можно будет только завтра.

И все сели пировать в честь славной победы.

Когда село солнце и пир окончился, гости покинули царский шатер. А чуть засияло солнце, Искандар и его войско уже вошли в чародейскую крепость.

Вдруг из Кашмира примчался гонец с письмом в одной руке и ключом в другой. Удивленный Искандар прочел

послание. Там говорилось, что народ страны благодарит его за освобождение от жестокого Маллу и избирает Искандара правителем Кашмира. И гонец вручил Искандару ключ от городских ворот.

Вскоре Искандар вступил в Кашмир и расположил там свои войска. У Маллу был прекрасный дворец, в нем-то и разместился Искандар со своей свитой.

Искандар надежно организовал оборону страны, снял с жителей Кашмира налог, окружил их любовью и заботой. В ответ кашмирцы, которые были хорошими охотниками, преподнесли шаху дичь. Искандар раздал дичь войскам, а сам пировал. Пришел как-то на пир казначей Маллу и принес Искандару ключи от подземелья. Все сокровища раздал Искандар, все, кроме одного — чаши мира: сколько из нее не пей, она будет полна до краев; и было на этой чаше написано, что Джамшид заколдовал две точно такие чаши. Одна названа «чашей познания», а вторая — «чашей счастья».

Пиравал шах, пиравал и вдруг вспомнил про Маллу.

— А где же Маллу?— спросил он у кашмирцев.— И как его дела?

— Маллу бежал в Каратаг,— отвечали шаху.— Он сидит в своем заколдованном замке.

Снова Искандар созвал мудрецов и спросил у них:

— Этот край опален зноем. Как нам научиться управлять огнем и ветром? Если найдем решение — этим мы осчастливим Кашмир. А если разгадку не найти, лучше всем покинуть этот край.

— Разгадали мы хитрость Маллу,— отвечали мудрецы.— Дай нам сроку десять дней, и мы сумеем управлять огнем и ветром.

— Как десять дней?!— возмутился шах.— Тут ведь и двух дней не проживешь.

— Мы управимся за три дня,— сказал Афлатун.— У меня есть верный замысел.

Обрадовался Искандар, обнял Афлатуна.

И как раз в ту пору началась нестерпимая жара. С поварни бежали повара и кричали:

— Беда! Не высекается никак огонь. Бьем, бьем, а искры нет. А как же нам готовить обед без огня?

Изголодавшийся народ без силы валился на землю. Искандар, видя, как ослабел народ, поспешил к Афлатуну.

— Друг мой, Афлатун, уже третий день идет к концу. Ты обещал помочь, но не помог.

— Славный царь, подожди до наступления темноты. Завтра мы достигнем желаемого.

Афлатун по книге тайн изучил план замка. Взошел он на склон крутой горы и отыскал скрытый подземный ход. У входа в подземелье он разбил шатер, припас все нужное, пошел к Искандару и сказал ему:

— В крепости есть потайной покой. Строитель заключил в нем сон ветра и этим защитил людей от урагана. А в стене покоя он прорубил окно, обращенное к Кашмиру. Если ветер вылетит из этого окна, народу сразу станет легче. Вне крепости вырыт колодец с узким отверстием и широким дном. На дне колодца зажжен огонь. Еще там лежит бронзовый талисман, который хранит пламя. Если кто-нибудь закроет этот колодец особой крышкой, огонь исчезнет. Все это я прочитал в книге тайн Джамаспа.

Шах был очень удивлен рассказом о подземных чудесах и спросил, что Афлатун собирается делать дальше.

— Государь,— отвечал Афлатун,— я сделал, что мог, теперь твори ты. Ты должен сокрушить древние чары, ты должен опрокинуть плиты, освободить огонь и ветер. Ты исполин мира, и закончить дело должен ты один.

Поблагодарил Афлатуна Искандар. Вместе с мудрецом отправился он к подземелью. Когда Афлатун отсчитал семнадцать шагов, он увидел две блестящие плиты и сказал Искандару:

— Поспеши, великий царь.

Искандар отодвинул плиты, и они с Афлатуном бросились бежать. Прошло немного времени, и над башней взвился столб пламени. Вдруг дохнул неистовый ветер, взметнул вверх людей, дома. Увидев, что народу угрожает ураган, шах и мудрец спустились по подземному ходу и замуровали два роковых отверстия. Едва они закончили закладку стены, как ветер и огонь сразу успокоились. Счастливый шах вернулся к своим войскам. Вдруг он услышал из-под земли стоны и плач: когда в крепости бушевал ветер, все погибли, осталась лишь небольшая горстка людей, что ушла под землю,— приближенные Маллу и он сам с сыном и дочерью. Они бежали по подземелью, охваченные пламенем, словно факелы. Некоторые были так обожжены, что тут же погибали. Пощажена огнем была лишь красавица дочь Маллу. Сам же Маллу жестоко страдал от ожогов. Люди Искандара пришли к ним на помощь. Маллу склонил голову перед Искандаром и признал свою вину. Предчувствуя приближение смерти,

он просил Искандара лишь о том, чтобы его сын и дочь были допущены в царский дворец.

Видя покорность Маллу, Искандар утешил умирающего и обещал простить его вину. Он обещал, что, если Маллу умрет, сына его Искандар сделает своим наследником, передаст ему царский трон, как собственному сыну. А красавицу дочь Маллу сделает своей женой, чтобы в его потомстве воскресло к жизни и существо Маллу.

— Спасибо тебе,— прошептал успокоенно Маллу и испустил дух.

Искандар повелел устроить пышные похороны Маллу. Прах умершего покоился в огромной гробнице-храме, купол этой гробницы снаружи окружали башни, а внутри по куполу скользили огни. Три дня совершался траурный обряд, а на четвертый жизнь вступила в свои права. Только дочь Маллу прекрасная Мехриназ да сын его Фируз продолжали плакать. Чтобы развеять их грусть, Искандар приказал собрать весь Кашмир на званый обед.

Огромный двор был до отказа наполнен народом. Такого пира в Кашмире не видел никто. А когда пир был окончен, Искандар призвал к себе Фируза и сказал ему:

— У человека нет средств и возможностей бороться с волей судьбы. Будь ты сапожник, будь ты шах — бог всех осудил на смерть. И чтобы шаха в небесном царстве миновал божий гнев, он должен быть справедливым на земле. Я решил назначить тебя царем Кашмира. Но твои законы должны быть справедливы и милосердны, невинные не должны быть наказаны. А виновные пусть понесут заслуженную кару. И да процветает твоя держава и благоденствует народ твой!

Фируз внял шахским наставлениям и ответил так:

— О покоритель мира! Я исполню все, как ты приказываешь. Мой отец не хотел слышать ничьих советов, и всю его жизнь народ прозябал в нищете. Его ремеслом было зло. Он восстал против тебя. Я спорил с ним, но он не внял моим речам. И вот пришел ты, великий шах, и беда исчезла. Мой отец заблуждался, я изберу другой путь.

Искандар возвел Фируза на престол, назвал его царем и обязал платить посильный налог.

— Живи здесь два месяца, за это время установи в стране порядок и собери войско, приведешь его ко мне в Индию.— Дав Фирузу такой наказ и простясь с его сестрой, Искандар двинулся на Индустан.

Покоряя все страны по пути, Искандар продолжал

идти дальше. Он казнил злых и приносил радость добрым. Везде остались следы его дел: он превратил пустыни в сады, пески — в пашни, степи — в города.

О том, что Искандар ведет неисчислимые войска, о том, что он каким-то чудом покорил Кашмир, захватил крепость огня и ветра, проведаль индийский раджа. Великий страх охватил раджу. Еще раз все взвесил правитель, понял, что не сможет отстоять свою власть, и решил усмирить гнев румийца дорогими дарами.

Индустан издавна славился мудрецами. Раджа созвал их и сказал:

— Увы, мне придется покориться Искандару. Это было предрешено судьбою, а от судьбы не убежишь. И если румийский царь остановится в моей стране и утвердит мой трон среди народа, я буду ему преданным рабом. А если Искандар впадет в гнев, мне не миновать позора и унижения. Придумайте, как отвести беду. Может быть, если вы преподнесете ему достойные дары, Искандар простит меня.

Громадные слоны, чьи шаги как гром небесный, хоботы сильны, как ураган, а лбы тверды, как мрамор; покрытые золотыми попонами красавцы скакуны с златоткаными гривами, не скачущие, а плывущие с наездниками-копьеносцами на спине; расписные кувшины; хрустальные блюда; перламутровые чаши; золотые подносы; в серебряных клетках забавные попугаи с изумрудными перьями, с рубиновыми клювами; золотые клетки с редчайшими видами павлинов; драгоценный алоэ, сандал; мускус; камфара и многое-многое другое — все это индийский раджа отдал в дар Искандару.

И старцы направились к войсковым вождям, поклонились румийским мудрецам. Те выслушали старцев и донесли Искандару о посольстве. Услышав эту весть, шах сменил гнев на милость и, радуясь приходу мудрецов, позвал их к себе в шатер, усадил на ковер. Перед каждым склонил голову, каждому уделил внимание и, покинув трон, без всякой величественности сел рядом с ними.

— Простите! Вам из-за меня много пришлось перенести в пути.

Мудрецы, воздав за него молитвы, открыли цель своего визита. Искандар был смущен их словами, склонил чело перед старцами и сказал:

— Моя душа открыта для вас, и что вы ни попросите, я исполню. Ваш царь ни в чем не виноват передо мной. Хоть раньше он и был непокорен мне, но раскаялся, и я с

радостью прощаю его. Тем более, когда вы пришли ко мне — избранные светочи земли — просить о снисхождении, могу ли не простить вашего покровителя. И если он совершил много зла и даже заслужил казнь, я отрекаюсь от возмездия, и его здесь ждет не казнь, а милость. Пусть он придет к моему порогу, я вручу ему власть. Есть закон для любого государства — дань своему покровителю. Я же отказываюсь от дани, чтобы не изнурять народ.

Мудрецы, увидев, как добросердечен шах, склонились перед ним. Он поразили их величием своей милости, и они сидели, словно онемев. Затем встали и вознесли за Искандара молитвы:

— Мы шли к тебе угнетенные тревогой и сомнениями. Мы думали, что ты, как все цари, снаружи прекрасен, а внутри — смрад и пепел, зло и тьма. Но ты словно создан из добра и света. Когда ты открыл нам свои помыслы, ты вдвойне удивил нас. Если бы раджа знал твой нрав, сам немедленно прискакал бы к тебе. Позволь, владыка, прийти ему к тебе. Когда раджа примет власть из твоих рук, он станет тебе верным слугою.

Отвечал им Искандар:

— Пусть будет так, как вы желаете.

Мудрецы встали, поклонились и отправились к индийскому царю. Узнав, в какой милости он у Искандара, раджа сразу повеселел и послал мудрецов вперед, а сам двинулся за ними следом, ведя с собой огромный караван даров. Мудрецы на протяжении всего пути вели с раджой беседу об Искандере, о его делах, о словах, полных мудрости, справедливости и доброты. И вот наконец караван прибыл в стан Искандара. Искандару тут же доложили о прибытии раджи и его верноподданных.

— Я рад гостям, — отвечал Искандар, — пусть они войдут, пусть озарят мой дом люди знания.

Раджа, представ перед Искандаром, ждал приказаний, бледный, как перед казнью.

Но Искандар воскликнул:

— Брат мой! Ты ни в чем не виноват, не унижайся. Достаточно того, что ты явился ко мне.

Румиец обнял своего гостя, усадил рядом с собою. Но раджа упал перед царем на колени. А Искандар поднял раджу и снова усадил рядом с собой и оказал ему милости и честь. Индийский правитель повелел принести дары и вручил их Искандару.

Почти всю ночь пробеседовали они. Раджа, видя, как благосклонен и добр к нему Искандар, сказал:

— О румийский шах! Я храню в сердце своем одну надежду — чтобы ты осчастливил мою страну, мой народ. Погости у нас еще хоть год, и ты не пожалеешь: Индия полна чудес. А кончится зима, пора веселья и радости, и наступит весна — ты сможешь продолжать поход.

— О мой друг,— отвечал Искандар,— где вы укажете место для расположения шатров и войска?

— Наш главный город — Дехли.

— Ну,— отвечал румиец,— в городе мои войска не поместятся. Я только зло причину горожанам. Я лучше поищу место в лесах. Пусть кто-нибудь из твоих подданных пойдет вперед и отыщет мне место недалеко от столицы.

Искандар наградил раджу всяческими подарками и повел свои войска в леса. А раджа объявил своему народу, что войны не будет. Народ ликовал, узнав, что он освобожден от тягостной дани.

Недалеко от Дехли стоял лес Нигар — мир чудес. Райские птицы с ангельскими голосами, благодатная почва, благовонные травы и кустарники. Деревья там упирались маковками в облака. Таков был лес Нигар, не увядающий круглый год.

Там-то и поселил раджа Искандара. Румиец был восхищен Нигаром. Он объездил весь лес и сказал:

— Весь свет обойди, а чудеснее вашего леса нет. Лучшей зимовки мне не найти.

Раджа неотлучно был с Искандаром. И тот, отдавшись до весны отдыху, и думать забыл о войнах. Казалось, что Искандар уже отвоевался. То он у раджи во дворце гостит, то раджа угощается на пиру у Искандара.

Но вот зима окончилась, а вместе с ней и зимовка. И Искандар, задав во дворце у раджи прощальный пир, отправился походом на Чин.

Хакан Чина, узнав о походе Искандара, снарядил войска, соорудил много крепостей, хотя был уверен, что до войны еще далеко: Искандар не ищет путей вражды, и хакан это знал. «Искандар вначале пошлет гонца,— рассуждал хакан.— Вот тогда мы поглядим, что за птица этот румийский царь, и попытаемся смягчить его каменное сердце. А если... если он не примет моей покорности, что ж... У хакана тоже есть войско, грозное, могучее войско, и тогда пришельцу несдобровать».

Хакан решил именно так и поступить, но для начала послал гонца поглядеть, что представляет из себя непобедимое Искандарово войско. Посол увидел не просто вой-

ско, а неисчислимую рать: всю степь, все склоны гор и долины заняли войска Искандара.

Когда посла привели к престолу, пал посол перед Искандаром в прах. Шах поднял посланца, усадил перед собой и, чтобы дать ему успокоиться, заговорил со своими приближенными о пустыжах. Увидев, что посол немного пришел в себя, шах спросил:

— Так с чем пожаловали?

— О великий румийский вождь. Твое появление — как восход солнца! Но поведай о цели своего посещения. Дружба, конечно, благо, но твой приход не очень дружелюбен. Впечатление такое, будто ты пришел с войной — друг с такой армией не внушает доверия, а для народа нет хуже беды, чем разорительная война. Твой посол был горд перед хаканом...

Искандар удивленно поднял брови: вот какие послы у хакана?! А посол тем временем продолжал:

— Да, дерзок и горд, но мы не обидели его. Он говорил, что после смерти Дары ты стал царем и требуешь дани, а наш хакан отвечал, что раз теперь Искандар занял место Дары, пусть он вспомнит, что царь царей...

— Царь царей? — переспросил Искандар.

— Ну да, Дара... Он был преисполнен к нам добра и мира. И он не требовал с нас дани. И если ты пришел со справедливой целью и добром, то будь уверен: мы не хотим раздора. Ну а если алчность тянет тебя к сражению, то пусть рассудит бог, — никому не известно, кто потерпит поражение.

— Хакан делает ошибку, сравнивая меня с Дарой, — отвечал, улыбнувшись, Искандар. — Во-первых, я вдвое увеличил владения Дары. Во-вторых, я завоевал полмира. В-третьих, Дара потерпел поражение, когда шел на меня с многотысячным войском, а я... Мое войско было в десять раз меньше, но Иран пал в прах. Так пусть и ваш владыка покорится мне, поклонится, и я окажу ему почести, посажу рядом с собой... А если он готовит отпор, я не оплошаю. Так и передай хакану.

Поклонился посол и, огорченный, отправился в путь. Смущенный, расстроенный, предстал он перед хаканом и рассказал о своем посольстве, о мудрости и величественности Искандара и о его ответе.

Понял хакан, что румийский царь неукротим, как лев. Но решил воевать. Собрал он со всех областей могучих богатырей — неисчислимое войско, девятьсот тысяч стрелков. И вот с таким грозным и могучим войском, обуянный

гневом и отвагой, хакан расположил свои силы на холмах. Приказал он выкопать вокруг холмов рвы, а надо рвами воздвигнуть неприступные валы, составить тысячи подвод, прибить к ним щиты и скрепить те щиты крюками. За этими прикрытиями прятались чинские стрелки. А перед рвами хакан велел вбить колья с таким расчетом, чтобы между ними и волк пролезть не смог, не то что конница или пехота. Но Искандар решительно вел через горы и пески войска. Едва хакан укрепил свой стан, Искандар подошел к войскам Чина. Он увидел синюю черту вала, а за ней чернеющую толпу чинских войск.

Искандар решил, что неожиданность — лучшая страховка. Он так стремительно атаковал, что чинское войско одолел страх. Но...

Но погас огонь заката, на Чин опустилась тяжелая черная ночь, высоко в небе зажглись звезды. Поневоле всем — и румийцам, и воинам Чина — пришлось на время угомониться. Из обоих лагерей выслали в степь дозорных.

Искандару в эту ночь было не до сна: он обдумывал, как завтра победить врага. Но мудрецы стали отговаривать Искандара:

— Расположение звезд на небе говорит, что нужнее и важнее всего сейчас — осторожность. Завтра мы не победим, говорят звезды. Ты должен два дня подождать, пока небо не оценит терпеливости шаха и его стремления к победе.

И Искандар безропотно повиновался мудрецам.

А у чинского хакана дела шли из рук вон плохо. Народ роптал на своего повелителя, богатыри твердили: «Беда». В сердцах людских затаилось смятение, в душах поселилась беспричинная тревога. Воины в панике сбивались в шумные толпы и говорили обидные для царского уха речи.

— Что пользы от нашего царя!

— Румийский шах — вот это полководец!

— Он завоевал полмира.

— А у нас войска мало!

— Искандар сильнее хакана. Он молод, крепок, силен, его каждый луч оберегает. Кажется, звезды ему покровительствуют. Мы не выстоим и дня против него!

— Не чета Искандару наш хакан.

— Надо покориться. Пусть дань, а не кандалы, покорность лучше, чем смерть. Если хакан пойдет на мировую, корону он не потеряет.

Хакан этого не слышал: он лежал у себя в шатре. Но

слышал это один преданный хакану человек. Поспешил он в шатер к повелителю и попросил беседы наедине.

— Я слушаю тебя,— сказал хакан.

— В войсках смятение,— начал, запинаясь, гость.— Мой владыка, там говорят, что не под силу нам будет сразиться с румийской армией.

Хакан сдвинул широкие черные брови.

— Не под силу, говоришь?

— Коль не веришь моим словам, царь царей, пойдй послушай сам.

Промолчал хакан. Чувствовал, что его упорство (или, лучше сказать, упрямство) не приведет ни к чему хорошему. И поэтому он принял твердое решение. Своему человеку он приказал удалить всех от шатра, встать на стражу. Когда все было выполнено, хакан двинулся прямо через степь к шатрам Искандара. В степи он надел на себя чапан простого всадника и продолжал путь.

Хакан подъехал к румийским шатрам, когда уже погасли звезды и на востоке занималась заря. Доложили Искандару о гонце:

— К нам с чинской стороны прибыл гонец дивной красоты. Он стар, но по нему видно, что очень мудр.

— Ну, такому гостю — место и почет. Я задремал, и мне приснился сон. Я блистал солнцем над землей. Но над собой я видел второе солнце. То солнце было старше, и оно преклонялось передо мной. Я прочел в книге снов истолкование: «Будь прозорлив и жди в эти дни чудес». Может быть, это правда. Приведите посла в мой шатер.

Хакана ввели. Искандар восседал на троне. Хакан отвесил ему низкий поклон, ослепленный величием румийского царя. Искандар встал, обнял «посла» и сказал:

— Садись передо мной. Хорошо, что приехал ты, а не кто-нибудь другой. Садись, всадник. Говори.

— О властелин! Царь Чина, великий хакан, просил передать напутственное слово, которое я скажу лишь тебе одному. отошли всех приближенных, царь, и повели мне говорить. Я перескажу тебе речь хакана.

— Оставьте нас,— приказал шах приближенным.

Все ушли, предварительно связав руки хакану надежной толстой бечевкой, а Искандару принесли меч.

— Ну, вот мы и остались наедине. Теперь, посол, открой мне тайну своего господина.

— Да, я тебе открою свою тайну.

— Свою?!— удивленно переспросил Искандар.

— Да. Потому что я хакан. И вот я сижу перед тобой

безоружный. Я твой пленник. Ну, а причин моего визита так много, что всего не выскажешь.

Шах на мгновение онемел.

— Мудрый властелин,— прошептал Искандар.— Нет причин для подобных безрассудств. Как может царь такой большой и могущественной страны прийти к врагу и сдаться без боя? Я до глубины души изумлен. Ты, хакан, позволил себя связать. Тебя никто не захватывал в плен. Ответь на все подробно. Объясни.

— Я преисполнен к тебе доверия. Я знаю, что ты — океан великодушия, что ты чист и благороден душой, что пленных не убиваешь. Ну, а те, что не признали твою власть и пытались разрешить спор в бою, пали к твоим ногам. И только нам ты оказал милость. На мне нет вины — войны я с тобой не начинал, и во мне нет страха перед тобой. Я верю, что ты дашь мне добрый ответ.

— Ты истинно велик мыслью. Ты достиг желанного. Все, что еще держишь в тайне или скрываешь,— скажи, не таи. Да и оковы тебе не к лицу.

— Пресветлый властелин. Я взывал к твоей помощи. Все тебе выскажу. Приехал твой посол и сказал мне: «Явись к царю, собрав дань». Я отказался и вот теперь раскаиваюсь. И если ты не простишь мой отказ, будешь прав, приказав меня казнить. А простишь — не удивлюсь твоей милости.

— О властелин,— отвечал Искандар.— Ты — отец, я — твой сын. Повели — я паду к твоим ногам, повели — я возведу тебя на свой трон. А если власть над миром тебе нужна — скажи, я все исполню, что мне по силам.

Хакан в ответ пал ниц у шахских ног.

— Одна только просьба у меня к тебе, шах: не говори никому, что я хакан, а ночью отпусти. И войскам своим скажи, что вот, мол, был у меня гонец хакана, предложил он мне мир и дружбу. А через день пошли в мой стан посла, вели оказать мне почести. Пусть он позовет меня к тебе в гости, и я сразу же приеду. И знаешь, румийский царь, с тех пор, как стоит Чин, престол хаканов был и есть наш. Поэтому не заставляй меня склонять чело и целовать перед тобою землю. А о дани вот что я тебе скажу: Чин никогда не был данником, не был и никогда не будет. И вот что я еще тебе скажу: когда ты окажешь мне все почести, ты станешь самым почетным гостем, а когда надумаешь уезжать, я сам провожу тебя. Но только не говори никому, что чинский хакан был у тебя послом.

— Ладно, я скрою все, если ты сам не разгласишь.

— Ну, я-то об этом вечно молчать буду.

— Быть по сему,— ответил Искандар и позвал своих людей в шатер.

— Вот этот посол, да продлится его век, изложил мне суть своего посольства, снимите с него путы и цепи. Он стар, мудр, и он принес мне хорошие вести. Хакан предложил мне мир и дружбу, и за такие добрые вести я жалую послу одежду со своего плеча.

А хакану Искандар предложил покои для гостей. Хакан пожелал царю царей всех благ и удалился. А когда месяц засверкал на небе, как серп на солнце, хакан сел на коня и направился к своему очагу. Приехав, он передал наперснику коня и вошел в свой шатер. И никто не узнал о его поездке.

Утром Искандар собрал приближенных.

— Ты поедешь послом к хакану,— сказал он визирю.— Почти его достойной похвалой и скажи, что мы не ищем повода для войны. И спроси у него, не хочет ли хакан быть моим гостем.

Визирь отправился в путь. Прибыл в стан Чина и сказал стражникам, что он гонец. Доложили хакану, и тот приказал привести к нему гонца.

— Ну, открой нам цель твоего прибытия.

Гонец красноречиво передал слова Искандара.

Хакан выслушал гонца и отвечал с улыбкой:

— Когда Искандар пошел на нас в поход, пригрозил нам, я собрал войско для сражения. А теперь вижу, что Искандар — доброжелатель.

— Я передал только то, что приказал передать шах,— последовал ответ.

Хакан тут же велел оседлать коня и немедленно отправился в путь, взяв с собою сотню избранных воинов, как гласил обычай царей тех времен. Искандар, увидев их издали, послал навстречу своих князей и мудрецов. По обычаю все сошли с коней перед хаканом. А когда посольство пожаловало в царский стан, хакан сошел с коня.

Искандар, ждавший хакана с самого утра, вышел ему навстречу, и вот сошлись два властелина, два царя, две зари.

Искандар ввел гостя в свой шатер, посадил его на трон, а сам, словно наследник, сел рядом.

Хакана ожидал душевный разговор и богатый пир. А по возвращении хакан, в свою очередь, пригласил Искандара. Столпы чинской державы предложили хакану по-

царски одарить гостя, того самого гостя, что мог их испепелить, растоптать, захватить в рабство, того гостя, что поразил и покорил чинского хакана своим великодушием и величием. Хакан собрал румийцу такой дар, перед которым весь мир преклонил бы колени: тысяча великолепных коней с золотыми гривами и серебряными копытами; тысяча верблюдов, каждый ростом со слона; тысяча могучих и роскошно облаченных золотом и парчой мулов; горы тюков с оружием, коврами, драгоценными шелками, чашами и блюдами из яшмы; тысяча прекраснейших, как розы, рабынь и, наконец, двустороннее зеркало-талисман, зеркало Чина, зеркало истины. Если кто-либо обвиняется в убийстве или краже и перед судьей утверждает, что невиновен, то обвинитель, если он прав, отразится в зеркале; а если обвинение — ложь и клевета, то зеркало и волоска на голове обвинителя не отразит. А другая сторона предназначалась для шахских пиров. Кто сдержан и привык пить вино достойно, увидит отражение в зеркале благообразным, а тот, кто, поглядев в зеркальный талисман, увидит в нем гнусную рожу, а такое обычно случается с буянами, — тот сам приобретет вид, отраженный в талисмане. И пока этот человек не протрезвет или не бросит пить, рожа его то вытягивается, то сплющивается, то становится гладкой и зеленой, как незрелое яблоко, то морщинистой, как спущенный рыбий пузырь.

И еще один бесценный дар преподнес Искандару хакан — несравненную красавицу. Все в ней удивляло — и на пирах, и в бою она поражала людей. На пиру все замирали, когда дева начинала петь своим нежным голосом. На охоте она, не целясь, наповал убивала газель или фазана. А если нагрянет враг, перо первой летела в бой, и ее стрела могла навывлет пронзить стену крепости.

Вот какие подарки ждали Искандара. Хакан решил устроить пир на целый Чин, а к Искандару послал своих вельмож пригласить на этот пир.

Искандар согласился приехать и тут же пустился в путь. На расстоянии одного ягача от дворца его встретил сам хакан. Румиец ехал по степи, устланной шелками. Хакан велел сыпать жемчуг под копыта его коня, разбрызгивать на пути мускус. И вот перед Искандаром открылся город. И румийский царь взошел на айван, где обычно восседал хакан.

Чинский властелин начал пир, усадив каждого на подобающее место. Когда славным угощением насытились и старей, и малый, и простой, и знатный, хакан велел при-

нести дары для Искандара. Искандар был восхищен. Особенно понравились ему два подарка — зеркало Чина и несравненная красавица. Хакан рассказал Искандару о свойствах волшебного зеркала. Искандар поразился чудодейственности талисмана и все пытался разгадать тайну его сотворения, но тщетно.

А когда солнце скрылось за горизонтом, Искандар простился с хаканом, сел на коня и умчался в свой стан.

Пришла зима. Хакан изъявил желание оставить Искандара у себя до весны. Искандар избрал местом зимовки Ал-Хтой. Во время зимовки шах с хаканом отдыхали на пирах, охотились, но больше всего Искандара занимало чудесное зеркало. Бывало, приходили к Искандару на суд, и царь открывал перед судящимися зеркало и сразу узнавал, чьи слова — ложь, а на чьей стороне правда. Но ни один из его мудрецов не познал тайны того зеркала.

На пирах шах для развлечения ставил свое зеркало перед гостями, и каждый, кто был пьян, смотрел в зеркало и тут же трезвел. Искандар был в полном восторге, но занимала его одна мысль. Он думал: «Чудо, а сотворено людскими руками. Вот если бы мои мудрецы смогли такой талисман создать». Он тайно пригласил своих мудрецов и открыл им великий замысел.

— О царь вселенной! — отвечали мудрецы. — Скажи только слово, и мы даже невозможное сделаем возможным. Мы найдем разгадку талисмана и превзойдем чинских умельцев.

Искандар разделил мудрецов на две группы: в одной оказались Афлатун и Сократ, в другой — Гиппократ и Арасту. И среди ученых Искандара были еще четыреста мудрецов. Двести из них служили Афлатуну и Сократу, а остальные — Арасту и Гиппократу. И занялись мудрецы этим нелегким делом.

Расплавив металл в тигле, они соорудили два талисмана, один — из золота и бронзы, а другой — из чистой светлой стали. Время шло. Наконец два чудесных талисмана были доставлены во дворец. В золотом талисмане людям являлось движение планет, астральных сфер и кругов, а в стальном отражалось все, что творится в земном мире.

Весной, когда заплакали первые сосульки и в полях запели жаворонки, когда подошло время уезжать из гостеприимного Чина, Искандар призвал своих мудрецов, которые сотворили талисманы, оказал им честь, посадив на ай-

ван, и показал хакану необъятный мир и вселенную. Хакан склонил перед царем голову и сказал:

— Тебя создал не бог. Тебя создал разум. И старцы, что помогают тебе, соответствуют тебе в величии.

А Сократ тем временем вычислил, что, когда солнце достигнет определенного знака Зодиака, Искандар сочтается со своей невестой — прекрасной Равшанак. Еще Дара завещал, чтобы Искандар женился на ней. Но год за годом Искандар проводил в походах и думать забыл о невесте. И вот теперь, вспомнив о ней, Искандар велел задать пир на весь мир. И Чин за семь дней украсился, как светлый рай. И наконец настал великий пир, звенели бокалы, смеялись люди, улыбались жених с невестой, брачный пир не умолкал почти всю весну.

Это все было прекрасно: и жена-красавица, и чудесные талисманы, и дары, но Искандар твердо знал, что не будет ему душевного покоя, не будет он земным владыкой, пока не покорит Магриб. Искандар щедро награждал войска, объявил о своих планах — о выступлении в поход. Ибо знал, что не сильна армия у того полководца, кто не по душе войску, и не царь тот царь, кто не по душе своему народу. А Искандар родился под счастливой звездой — и цари ему покорялись, и войска считали его непревзойденным полководцем, и народ знал твердо: их шах справедлив. Искандар велел собираться полкам в поход и стал прощаться с хаканом.

И вот наконец Искандар привел войска в Оман, что на берегу Индийского океана. В Омани все владельцы судов пришли к царю. И Искандар на быстроходном судне приставал то к одной земле, то к другой и так завоевал много славных городов, а еще больше выстроил сам. Магриб был величайшей страной, и магрибский царь стал просить пощады, пообещал платить любую дань. Искандар объездил весь Магриб, но, где бы ни был, все тосковал по Руму — родине своей.

А Магриб был страной чудес: там возвышались великие горы, а за ними скрывалась тайна. Искандар все откладывал и откладывал возвращение домой. И вот он с отрядом всадников через пустыню направился к тем горам и достиг некоего селения, где росли деревья и журчали родники. А к югу от этой земли жили огромные муравьи, вернее, даже не муравьи, а псы в обличье муравьев. И всех, кто волей или неволей попадал к муравьям, они разрывали на куски.

— Мы должны узнать тайну черных муравьев,— решил царь.

Искандар долго размышлял над муравьями-псами, расспрашивал о них у местных жителей, строил разные планы. Но все планы рушились, размышления оказывались бесполезными, а тамошние люди отвечали, что не справиться Искандару с муравьями.

— Ну, а если и пройдешь по южной стороне склона, то попадешь в страну, прекрасную, как сад Ирема. Но у дороги в эту страну стоят два грозных великана. Они хранят сокровища земли. По внешнему виду они люди, но огромного роста, а степные муравьи — их слуги. А если ты и этот путь пройдешь, откроется перед тобой чудесная долина, но вход в долину преградят две высокие горы — одна из золота, другая из серебра. Они бесценней всех богатств, вместе взятых; и другие великаны охраняют эти две горы. Великаны-сторожа могут не спать десять суток, но после этого спят десять суток не просыпаясь, а выспятся за десять дней — опять бодрствуют. И победить их можно лишь во время их сна. Но пока они спят, черные муравьи охраняют горы. Муравьи никогда не спят.

Искандар созвал своих мудрецов и спросил у них совета:

— Как быть, что делать? Ведь возврата нет.

— Пойдем вперед,— отвечали мудрецы.

И Искандар повел войска в степь, туда, где кишели толпы муравьев. Когда царь услышал этот шум, он всем приказал остановиться. И вновь созвал мудрецов.

— Повелитель царей ни перед чем не должен отступить,— сказали они.— Твое войско непременно нанесет им поражение. А когда уничтожим муравьев, пойдем сражаться с великанами.

Догорала заря. Искандар решил устроить ночевку, выставив стражу, чтобы не стать добычей хищников. А на рассвете повел свои войска на бой с муравьями. Загрохотали литавры, забили барабаны. В стане муравьев началась паника: они увидели, что надвигается войско, черное, как туча, и плотное, как камень. Но тут проснулись грозные великаны, что сильнее слонов, страшнее драконов, злее диких пчел. Они шли на бой, держа в руках огромные дубины с железными крюками.

Вот перед строем вышел один из исполинов и вызвал богатырей на бой. Румийский витязь налетел на великана и стал с ним сражаться. Но тот взмахнул своею страшною дубиной, зацепил румийца крюком, стащил с коня, связал,

словно подстреленного олененка, и уволок в свой стан, вернувшись, вновь вышел на поле боя. Еще один румийский витязь попал к великану в плен. И так один за другим Искандар потерял двадцать человек. Искандар не трусил, но видел, что битва неравна и врага не одолеть. А исполин смеялся:

— Ну? Кто еще решится сразиться со мной?!

«Если он такой могучий, то как же с ним справиться?»— думал Искандар. Он терзался тревогой и гневом, но сохранял благоразумие.

Вдруг из румийских рядов вышел еще один витязь с витым арканом в руках и индийским мечом в ножнах. Этого юношу никто не знал. Он закрывал лицо индийской кисеей, и все печалились о судьбе незнакомого воина. А воин, не теряя времени даром, словно разъяренный лев, набросился на исполина. Он носился вокруг великана, отчего у дикаря закружилась голова, набросил аркан на поганую голову, свалил великана под ноги своему коню и топтал его, пока силы коня не истощились, а когда враг лишился последних сил и с трудом открывал и закрывал глаза, витязь приволок его в стан к Искандару. Искандар обнял славного богатыря.

— Верный друг,— говорил Искандар,— кто ты? Открой свое лицо, я хочу знать твое имя!

А богатырь, который не страшился великана, после первого же вопроса Искандара вдруг задрожал. Когда воин открыл свое лицо, шах в изумлении вскрикнул. Это была та самая девушка, которую ему подарил чинский хакан, про которую говорил, что она победит любого врага. Искандар тогда посмеялся уверениям хакана, а теперь увидел, что хакан не преувеличивал.

— Закрой лицо,— сказал шах.— Спрячь ото всех свой прекрасный лик.

Он отпустил девушку и велел привести к нему на допрос исполина. Пленник пал на землю перед царем, но его подняли, усадили за стол, подали много мяса и даже поднесли золотую чашу вина.

— Кто я? Дикарь,— сказал исполин, пав перед Искандаром на колени.— Мой язык не привык к словам лести, я хотел бы поделиться с тобой одной мыслью.

— Говори,— разрешил шах.

— Я хан этих степняков. Когда к нам пришли твои войска, именно я решил спасти свой народ от гибели и сам, за всех, решил идти в бой. И вот я уничтожен. Но нет, не

мечом! Твоим великодушием и благородством. И есть у недостойного раба твоего одна просьба.

— Говори.

— Отпусти меня в мой стан на некоторое время. Я вернусь очень скоро.

— Ну что ж, иди,— ответил шах.

Дикарь пал на колени, поцеловал подножье трона, встал и ушел. Подивились шахские советники:

— Как?! Отпускать такого пленника?

Засмеялся в ответ шах. Он верил в свое счастье.

Прошло много времени, а великана все не было. И тут вдруг раздался страшный шум у шатра. Шах велел выяснить, в чем там дело. Но выяснить ничего не пришлось. Слоноподобный дикарь привел всех воинов Искандара, взятых им в плен. Это они так кричали от радости.

— Вы все теперь будете верными слугами Искандара,— сказал вождь исполинов своим соплеменникам.

А Искандар приказал им:

— Вы все пойдете со мной, чтобы доказать верность и преданность новому покровителю. В бой с черными муравьями!

— О владыка,— возразили великаны.— Если мы истребим черных муравьев, то погибнем сами. Мы бодрствуем десять суток и десять суток спим глубоким сном. Кто, как не муравьи, разбудит нас или перебьет врагов?

— Ладно,— согласился царь.— А где горы, что из серебра и из золота?

— О!— закричали великаны.— Про них и думать забудь. К этим горам ведет дорога, смертельная для любого живого существа: там текут смертоносные реки, там растут анчары, там воеет ядовитый ветер. Там владения змей. Они сторожат богатейшие клады. А на пути к сокровищам живет царица змей — Аспида. Человек умирает от одного ее взгляда. Не ходи туда, иначе ты найдешь там смерть. А жизнь дороже богатств.

— Вы правы,— промолвил Искандар.— Зачем лишать жизни себя и других.

И повел свое войско обратно в Рум. Вернувшись в Рум, Искандар дал отдохнуть войскам и отдыхал сам. Народ ликовал.

«Я все увидел, везде побывал. Лишь море осталось для меня неизведанным. Морская глубина неизмерима. Доныне мы плавали лишь вдоль берегов. Я должен изведать море. С Хызром я шагал по земле, а по морю поплыву с Ильясом»,— решил Искандар.

Он собрал мудрецов, рассказал им о своих замыслах. Ученые одобрили его решение.

Румиец приступил к делу. Он созвал корабельных мастеров из приморских городов и деревень и поручил им построить три тысячи кораблей. Через три года Искандар отправился в путь. Руководителем Искандар назначил мудрого Сократа, на помощь которому приходил мудрейший Ильяс. Шах посетил острова Рума и Фаранга. Все тамошнее население сдалось Искандару без боя и даже с радостью. Так он прошел и изучил семь морей. Его ученые зарисовывали расположение гор, холмов, долин, изгибы и заливы островов.

Но вот перед Искандаром открылся бескрайний океан. Моряки обрадовались, решив, что достигли цели плавания. Но это было только начало, главное ожидало путешественников впереди. Искандар вместе с Афлатуном исчисляли размеры моря. Океан, который казался неисчислимым, Искандар все-таки измерил.

Узнав и изучив строение морей и суши, Искандар решил достичь глубочайшего места в океане. Настала пора отправления. Румийский царь отчалил от берега и направился к центру океана. Странная картина открылась Искандару и его спутникам: морские существа в драгоценных одеждах со сверкающими глазами (моряки сначала даже боялись, что от этого сверкания могут загореться их корабли), морские звезды, разные водоросли. Все это было окрашено в темно-оранжевый цвет — это над океаном занималась заря.

И вдруг в безветрие на тихой поверхности воды возник чудовищный водоворот. А вокруг водоворота поднимались смерчи. Раньше пловцы не видали такого чуда. И корабли, как дощечки, качались на волнах, то поднимались в высоту, то проваливались вниз. Из бездны всплывали акулы, киты, диковинные черепахи.

Вскоре буря сменялась тишью.

— Друзья,— сказал Искандар.— Я прощаюсь с вами. Неизвестно, что ждет меня через минуту. Уже давно я задумал спуститься на морское дно, и вот сегодня настал долгожданный час.

Искандар хранил в трюме большой шар из толстого стекла, залитый смолой. Сел в него царь и велел опустить себя в пучину вод. Сто дней он пробыл в водяном царстве. Наконец подняли его наверх. Истомился он в подводной бездне, но ум его был просветлен знанием.

Через два года корабли возвратились на родину. И так

спокоен был океан, что Искандар подумал, не пора ли и ему зажить такой же тихой жизнью.

Однажды скакал Искандар на коне. Пересекал он знойную степь. Песок был что раскаленная сталь, лучи — словно жар в печи. Царь, всегда такой сильный, вдруг упал с коня. Им овладела мучительная болезнь. Один из преданных Искандару людей укрыл его своим щитом. А Искандар почувствовал, что его хватают за горло цепкие пальцы смерти.

Шах лишился чувств и умер. Тело его везли для предания земле в Александрию. Перед смертью Искандар, желая сказать, что хоть он шах и завоевал полмира, но, как и все другие уходит из жизни с пустыми руками, приказал оставить торчащей из гроба его руку, пустую руку.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. СЕРИКОВА. Слово к читателю	3
СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ. Пересказ Х. Исмайлова	8
ФАРХАД И ШИРИН. Пересказ Л. Сериковой	21
ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН. Пересказ Л. Сериковой	61
СЕМЬ СТРАННИКОВ. Пересказ Л. Сериковой	80
СТЕНА ИСКАНДАРА. Пересказ Л. Сериковой	112

АЛИШЕР НАВОИ

ХАМСА

Прозаическое переложение

Рецензент В. НОВОПРУДСКИЙ, член СП СССР

Редактор В. Волотко

Художник Б. Джалалов

Художественный редактор А. Гулямов

Технический редактор В. Демченко

Корректор З. Наджатова

ИБ № 1690

Сдано в набор 18.06.1985 г. Подписано в печать 27.11.1985 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура «Литературная». Печать
высокая. Уч.-изд. л. 8,22. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,98. Тираж 45000.
Цена 60 коп. Договор № 12—85. Заказ № 1356.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия», 700129,
Ташкент, ул. Навои, 30.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК КП Узбекистана. Ташкент, ул. Ленина, 41.